

ГУБЕРНАТОРЫ Оренбургского края

ОРЕНБУРГСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1999

ББК 63.3(2)
С-30

Авторы-составители:

В. Г. Семёнов
В. П. Семенова

СЗО Губернаторы Оренбургского края. - Оренбург. Оренбургское книжное издательство, 1999.-400с

ISBN 5-88788-013-9

Книга историка Владимира Семенова и журналиста Веры Семеновой знакомит с жизнью и деятельностью высших должностных лиц Оренбургской губернии с 1734 по 1917 год. Включены редкие архивные документы, рисунки, фотографии, карты. Предназначена широкому кругу читателей.

ISBN 5-88788-013-9

© Администрация Оренбургской области, 1999
© Оренбургское книжное издательство, 1999

Марта 15. Годъ 1744.

Именной Указъ

Императрицы Елизаветы Петровны,
состоявшійся въ Сенатѣ.

— Объ учрежденіи Оренбургской Губерніи и о подчиненіи
подъ ея вѣдомство Уфимской Провинціи
и всѣхъ въ тѣхъ мѣстахъ строящихся крѣпостей.

Ея Императорское Величество въ присутствіи въ Правительствующемъ Сенатѣ, за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ на учиненномъ отъ Правительствующаго Сената докладѣ, Всемилостивѣйше указать соизволила, быть въ Оренбургѣ Губерніи, и именоваться Оренбургская Губернія, и въ ней быть Губернаторомъ Тайному Совѣтнику Неплюеву, а во оной Губерніи вѣдомымъ быть всѣмъ тамошнимъ по той Оренбургской Комиссіи вновь построеннымъ, и кои нынѣ строятся, крѣпостямъ, и опредѣленнымъ въ нихъ регулярнымъ и нерегулярнымъ войскамъ и прочимъ поселившимся людямъ, которымъ указами позволено, и всякими дѣлами и надлежащими сборами; да той же Губерніи подъ вѣдомствомъ состоять по прежнему Исетской Провинціи и съ Зауральскими Башкирцами; да нынѣ вновь въ вѣдомство той Губерніи подчинить и Уфимскую Провинцію со всѣми Башкирскими дѣлами такимъ порядкомъ, какъ въ прочихъ Губерніяхъ Провинціи приписаны; и въ вышеписанную Уфимскую и Исетскую Провинціи опредѣлять Воеводъ и ихъ товарищей по разсмотрѣнію Сенатскому, какъ и въ прочія Провинціи оныя опредѣляются, и состоять имъ подъ указами Оренбургской Губерніи, а особо той Уфимской Провинціи, и въ ней Вице-Губернатору не быть, также и Оренбургской Комиссіи дѣламъ быть въ той же Губерніи, а особливую Комиссіею не именоваться; ему жъ Губернатору вѣдать и Киргизской народъ и тамошнія пограничныя дѣла такъ, какъ понынѣ въ Оренбургской Комиссіи находятся.

К истории вопроса

"Главные начальники края" - так со дня основания Оренбургской губернии именовались здесь полномочные и единоличные представители верховной власти, губернаторы. Удаленное положение Оренбурга, несовершенство путей и средств сообщения, обширность территорий, сложность задач делали из них, по словам местного историка С. Н. Севастьянова "как бы независимых правителей: им не только были подчинены в высшей инстанции дела судебные и административные, но и от них же непосредственно зависели и дипломатические сношения с пограничными среднеазиатскими народами и владельцами, и местное законодательство, все войска, расположенные в крае, были в полном их распоряжении; кроме того им дана была неограниченная власть и над всеми обывателями обширного края".

Этой неограниченной властью главные начальники распоряжались по-разному, в меру своего разума и опыта. Но несомненно одно: каждый из них, как бы ни назывался - губернатор, военный губернатор, генерал-губернатор - способствовал развитию вверенного ему края, внес в его жизнь нечто свое, глубоко личное и неповторимо индивидуальное. Поэтому наше внимание привлекают не только результаты их административной деятельности, но и они сами - их судьбы, жизненные пути, общественные и нравственные идеалы, духовный мир и человеческий облик. Не случайно известнейший историк Южного Урала Владимир Николаевич Витевский отдал десять лет жизни изучению биографии Ивана Ивановича Неплюева, о котором впервые услышал в студенческие годы на лекциях в Казанском университете и тогда же задался мыслью "ознакомиться... ближе и самостоятельно с жизнью И. И. Неплюева и его заслугами для России". Трехтомная монография Витевского "И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе за 1758 год", которую автор считал главным делом своей жизни, вышла в свет в 1889 году и стала событием в культурной жизни губернии.

К сожалению, о других губернаторах такого основательного труда, как о Неплюеве, не существует, что не означает, будто попыток создать его не предпринималось.

Идея написания законченного ряда биографических очерков обо всех высших должностных лицах Оренбургского края вызревала давно. Частично ее осуществил Фёдор Иванович Лобысевич, в 1871 году опубликовавший в "Военном сборнике" статью "Главные начальники Оренбургского края (за 1734-1870 годы)". Полагаем, излишне уточнять, что сборник со статьёй Лобысевича давно библиографическая редкость.

Ту же идею в начале нашего столетия попытался воплотить действительный член Оренбургской Ученой

Архивной Комиссии Сергей Никанорович Севастьянов. Считая необыкновенно важным изучение жизни и деятельности оренбургских губернаторов, а "показания" свидетелей современников - драгоценным вкладом в историческую науку, он в 1902 году призвал оренбуржцев сделать посильный вклад в это общее дело хотя бы путем кратких воспоминаний и заметок. Откликов на призыв Севастьянова обнаружить не удалось. Однако известно, что в том же 1902 году в руки к нему попали воспоминания отставного генерал-майора Чернова. В 1907 году, уже после смерти мемуариста, "Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова" были напечатаны в XVIII выпуске "Трудов ОУАК". Правда, предваряя публикацию, отмечая её интерес и важность для истории края, Архивная Комиссия писала, что "Записки...", как всякие личные воспоминания, субъективны и во многих случаях пристрастно описывают лица и события. Добавим также, что мемуары отставного генерал-майора оставляют "за кадром" подробности биографий многих начальников края и обрываются описанием деятельности Н. А. Крыжановского, управлявшего губернией до 1881 года. В некоторой степени пробел восполняют разыскания, сделанные за последние годы местными краеведами, но до сих пор нет ни одного издания о жизни и деятельности всех - без исключения - оренбургских губернаторов.

Последнее обстоятельство, а главным образом материалы, накопившиеся за долгие годы исследовательской работы в сокровищницах архивов и библиотек, побудили нас попытаться самим написать и свести воедино биографические очерки о каждом из оренбургских губернаторов. Орфография и стиль использованных архивных документов сохранены, так как они как нельзя лучше передают колорит и "дыхание" того времени.

Отдельные очерки уже публиковались в местной периодике, в сборнике "Любовь и Восток", но в книге они расширены и дополнены новыми сведениями, хотя некоторые данные (место и время рождения, смерти и т.п.), несмотря на долгий поиск, обнаружить так и не удалось.

Авторы благодарят за помощь, оказанную при создании этой книги, профессора Оренбургского государственного педагогического университета Ю. С. Зобова, работников оренбургских библиотек Н. М. Выставкину, В. М. Капустину, Т. А. Камскову, работника музея истории города Оренбурга Е. Г. Вертоусову, заведующую отделом информации Государственного архива Оренбургской области Т. В. Судоргину, директора Оренбургского областного краеведческого музея Н. А. Ерёмину, краеведа В. Г. Бешенцева, фотографа Ш. М. Адегамова.

Административно-территориальное устройство Оренбургского края

Прежде, чем читатель примется за жизнеописание главных начальников Оренбургского края, ему будет полезно хотя бы бегло познакомиться с устройством самого этого края (со всеми теми изменениями, что происходили в нем на протяжении полутора веков), чтобы он ясно представлял себе, какими же территориями управлял губернатор и почему в одну эпоху он именовался "оренбургским и самарским", а в другую - "симбирским и уфимским", всегда при этом оставаясь оренбургским, и т.д.

Читатель должен отчётливо понимать, что губернатор, военный губернатор, генерал-губернатор и опять-таки губернатор, но, вдобавок, еще и наказной атаман - не тождественны друг другу, хотя в любом случае обозначают первое лицо в крае или в губернии, и если мы кого-то из них (предположим, генерал-губернатора) называем просто губернатором, то лишь в собирательном значении слова.

Итак, 15 марта 1744 года высочайшим соизволением императрицы Елизаветы Петровны и по проекту И. И. Неплюева была учреждена Оренбургская губерния с административным центром в городе Оренбурге. В состав губернии вошли все населенные пункты и крепости, образовавшиеся на оренбургской линии и дотоле подчиненные Оренбургской экспедиции (основана в 1734 году, несколько позже переименована в Оренбургскую комиссию; штаб-квартира располагалась в Самаре), вошли также Уфимская провинция со всеми "башкирскими делами" и уфимскими казаками, Исетская провинция с "зуральскими башкирами", яицкие казаки, ставропольские калмыки, киргиз-кайсацкий народ. Управление губернией тогда же было перенесено из Самары в Оренбург,

22 июля 1748 года при Оренбургском корпусе (прежнее название Оренбургского казачьего войска) была введена должность войскового атамана, на которую назначили сотника из самарских городских казаков Василия Ивановича Могутова, 15 мая 1755 года утвержден штат и положение об Оренбургском казачьем войске.

В 1754 году горные заводы были изъяты из ведомства губернской администрации и подчинены вновь образованному горному ведомству под названием Оренбургского горного начальства.

7 ноября 1775 года Екатерина II издала новое "Учреждение о губерниях", преобразующее всю систему административного устройства и управления; при этом Россия была поделена на сорок губерний. Особенность этой реформы заключалась в том, что провинции упразднились и вводились наместничества, в которых соединялось по две, иногда по три губернии. Во главе наместничества ставился наместник или генерал-губернатор, губернии же по-прежнему ведались губернаторами.

По этой реформе 23 декабря 1781 года было образовано Уфимское наместничество, торжественно

открытое 17 мая 1784 года. Наместничество делилось на две области - Уфимскую и Оренбургскую, с центром в городе Уфе.

Уфимскую область составили восемь уездов: Уфимский, Бирский, Мензелинский, Бугурусланский, Бугульминский, Белебеевский, Стерлитамакский и Челябинский (последние пять - вновь учрежденные); слободы Бугульма и Бугуруслан, селение Белебей и крепость Челябинская перечислялись в города.

В Оренбургскую область вошли пять уездов: Оренбургский и вновь учрежденные - Бузулукский, Верхнеуральский, Сергиевский, Троицкий (возник в 1784 году); уездные города были образованы из крепостей. Города Самара и Ставрополь отошли к Симбирскому наместничеству, города Шадринск и Оса - к Пермской губернии (27 января 1781 года).

Уральское казачье войско с городами Уральском и Гурьевом было вновь приписано к Астраханской губернии, но по делам пограничным и военным осталось в ведении Уфимского наместничества.

Управление оренбургскими киргизами или, как принято было говорить, "пограничными делами", сосредоточивалось до 1782 года в оренбургской губернской канцелярии. В 1782 году для "отправления пограничных дел" в Оренбурге с 14 января был введен пост обер-коменданта и образовано управление при нем, составившее пограничную экспедицию.

3 октября 1786 года был открыт пограничный суд по гражданским и уголовным делам, а в самой степи заведены так называемые расправы (указ от 3 июня 1786 года).

22 сентября 1788 года состоялось назначение Оренбургского муфтия "над всеми магометанского закона людьми" с учреждением при нем, в качестве присутственного места, мусульманского Духовного Соборания, открытого в Уфе 4 декабря 1789 года.

12 декабря 1796 года Уфимское наместничество было переименовано в Оренбургскую губернию; при этом города Белебей и Сергиевск были исключены из уездных городов, сделавшись заштатными.

31 декабря 1796 года обнародованы новые штаты губерний; в Оренбургской губернии, состоявшей из десяти уездов, учреждались: губернское правление, палаты суда гражданского, уголовного и казенная, приказ общественного призрения, шесть городнических правлений и десять уездных судов.

23 марта 1797 года административный центр губернии переместился из Уфы в Оренбург.

19 марта 1799 года пограничный суд, пограничная экспедиция и степные киргизские расправы были упразднены, а вместо них образована пограничная комиссия.

16 октября 1799 года учреждена Оренбургская и Уфимская епархия с кафедрой в Уфе.

28 января 1802 года из-за экономических соображений административный центр губернии снова перенесли в Уфу, а Оренбург стал уездным городом Оренбургской губернии, сохранив при этом свое значение военно-политического и стратегического центра всего Оренбургского края, так как в нем по-прежнему было сосредоточено высшее управление краем в лице сначала оренбургского военного губернатора, а затем, в 1850-1881 годы, генерал-губернатора, от которых были зависимы и оренбургские гражданские губернаторы.

26 декабря 1803 года Уральское казачье войско вновь было подчинено оренбургскому гражданскому губернатору; тогда же вышло первое положение об Уральском войске.

В 1804 году Оренбургская губерния была разделена на двенадцать уездов, при этом из прежде упраздненных уездов восстановлен Белебеевский (с 1802 года).

В 1808 году в Уфе образована оренбургская удельная контора (ведавшая дворцовыми, т.е. "царскими", крестьянами).

1 июля 1839 года (указ от 20 марта) в Уфе открылась губернская палата государственных имуществ с девятью окружными правлениями.

12 декабря 1840 года издано новое положение об Оренбургском казачьем войске, согласно которому оно изымалось из ведения гражданских властей, - теперь общее управление войском осуществлял наказной атаман с учрежденным под его непосредственным начальством войсковым дежурством и при нем комиссии суда; гражданской частью ведало войсковое правление, соединившее в себе функции губернского правления и губернских палат - казенной, государственных имуществ, гражданского и уголовного суда. Войско было поделено на два военных и десять полковых округов, полагая в каждом до двух с половиной тысяч семейств.

6 декабря 1850 года образовалась Самарская губерния, к ней отошли Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский уезды. Тогда же военный губернатор края стал именоваться оренбургским и самарским генерал-губернатором.

21 марта 1859 года учреждается новая Оренбургская епархия, с поименованием её Оренбургской и Уральской; прежняя Оренбургская и Уфимская епархия преобразовалась в Уфимскую и Мензелинскую.

24 марта и 9 декабря 1859 года оренбургская пограничная комиссия была передана из Азиатского департамента Министерства иностранных дел в Министерство внутренних дел, а зауральная киргизская степь Оренбургского ведомства, составлявшая кочевья Малой орды, переименована в область оренбургских киргизов, - управляющий ею, то есть председатель оренбургской пограничной комиссии, получал права губернатора. Так было положено начало к обособлению и выделению Тургайской области из Оренбургского края.

11 июня 1862 года состоялось официальное упразднение Оренбургской крепости как утратившей свое значение; фактически же крепостные укрепления и комендантское управление в Оренбурге были уничтожены еще раньше, в 1860 году, когда часть вала, окружавшего Оренбург, была срыта, а четверо городских ворот разобраны.

14 мая 1863 года было распущено башкиро-мещеряцкое войско и учреждено особое башкирское управление в составе одиннадцати кантонных управлений.

2 февраля 1865 года Самарская губерния окончательно обособилась от Оренбургского генерал-губернаторства, и теперь главный начальник края назывался оренбургским генерал-губернатором.

5/17 мая 1865 года, по проекту военного губернатора Безака, Оренбургская губерния была разделена на две: Уфимскую, лежащую на западном склоне Урала, и Оренбургскую - на восточном. В составе Оренбургской губернии оказалось пять уездов: Оренбургский, новообразованный Орский, Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский; бывшая крепость, а потом станица Орская была обращена в уездный город Орск; селение Илецкая Защита - в безуездный город Илецк.

В том же 1865 году Оренбургское казачье войско, ранее не находившееся в подчинении общего губернского управления, войдя в состав Оренбургской губернии, претерпело коренные изменения. В судебном и полицейском отношении оно стало подчиняться общим губернским установлениям и сохранило лишь особое военное управление в лице наказного атамана (эта должность соединялась с должностью губернатора), которому по военной части были предоставлены права начальника дивизии.

2 июня 1865 года было отменено особое башкирское управление, и башкиры окончательно перешли из военного в гражданское ведомство, заняв одно положение с крестьянами.

11 июля 1867 года была упразднена Туркестанская область (учреждена 12 февраля 1856 года), и из двух областей, Сыр-Дарьинской и Семиреченской, входивших до того времени в состав Оренбургского края, образовано Туркестанское генерал-губернаторство.

(Увеличенную копию карты смотрите в отдельном файле – 14_b.jpg)

21 октября 1868 года область оренбургских киргизов, состоящая из трех частей: Восточной, Средней и Западной, была, согласно временному положению, поделена на две области: Тургайскую и Уральскую; в состав последней вошли земли Уральского казачьего войска. Административный центр Уральской области находился в Уральске, Тургайской - в Оренбурге.

Внутренняя Букеевская орда, оставаясь и после упразднения областного правления оренбургских киргизов в ведении оренбургского генерал-губернатора, была сначала переподчинена Тургайскому областному правлению, а 16 июля 1876 года передана в Астраханскую губернию.

11 июля 1881 года Оренбургское генерал-губернаторство и военный округ были упразднены; все войска и войсковые штабы перешли в подчинение к командующему войсками Казанского военного округа.

С упразднением Оренбургского генерал-губернаторства распалось и административное образование, именуемое Оренбургским краем, его составные части - Оренбургская и Уфимская губернии, Уральская и Тургайская области окончательно обособились и отошли друг от друга.

Оренбург с 1881 года превратился в обыкновенный губернский город, выделяясь из других таких же городов Российской Империи только количественным составом разноплеменного населения (около 75 тысяч) и обилием средних учебных заведений.

ОСНОВАТЕЛИ

ОРЕНБУРГСКОГО

КРАЯ

Иван Кирилович Кирилов
(1689-1737),
начальник Оренбургской экспедиции в 1734-1737 годах.

Василий Никитич Татищев
(1686-1750),
начальник Оренбургской комиссии в 1737-1739 годах.

Василий Алексеевич Урусов, князь
(ок. 1690-1741),
начальник Оренбургской комиссии в 1739-1741 годах.

Леонтий Яковлевич Соймонов
(?-?),
начальник Оренбургской комиссии в 1741-1742 годах.

Иван Иванович Неплюев
(1693-1773),
начальник Оренбургской комиссии в 1742-1744 годах.

Иван Кирилович КИРИЛОВ, *начальник Оренбургской экспедиции в 1734-1737 годах*

Иван Кирилович Кирилов, один из основателей отечественной географической науки, родился в 1689 году в семье подьячего*. В 1702 году, в возрасте тринадцати лет, поступил в Навигационную школу, находившуюся тогда в Москве, в ведении Оружейной палаты, о чем сохранилось письменное свидетельство:

"Послан из Палаты Оружейной в школу наук математических, во ученики Иван Кирилов, которого принять учителю Андрею Фархварсону с товарищи нынешнего 1702 мая в 23 день".

Этот документ опровергает сложившееся представление о И. К. Кирилове как о самоучке.

В 1712 году Кирилов - подьячий в Ельце, выполняет землемерные или топографические работы, связанные, скорее всего, с широкой заготовкой леса для строительства судов, поскольку в то время Елец числился "по кораблестроительным делам" и был приписан к Азовской губернии. Знаем же мы об этом потому, что именно в 1712 году стольник И. Д. Хлопов объезжал ряд губерний, отыскивая для службы в Москве способных молодых людей. Среди двенадцати человек, отобранных Хлоповым, был и двадцатитрехлетний Иван Кирилов.

В Москве Кирилов поначалу служил в Поместном приказе, но вскоре, когда Приказ упразднили, а его дела передали в Поместный стол Сената, там же оказался и он. В Сенате Кирилов прослужил более двадцати лет и, начав с самой нижней ступеньки служебной лестницы, поднялся до обер-секретаря Сената (1728).

С первых же дней своей службы на новом месте, Кирилов обратил на себя внимание углубленным интересом к картам, картографии, к тому, что мы бы назвали сейчас экономической географией.

Вероятно, поэтому, когда в 1720-х годах в России приступили к полномасштабным геодезическим съемкам и составлению карт территорий Империи, руководство этими работами было поручено И. К. Кирилову.

Помимо картографических материалов, к Ивану Кириловичу стекались и разнообразные статистические сведения: о наличных дорогах, реках, лесах, городах и сёлах, составе и численности населения, его занятиях, промыслах и т.д. Всё это богатство Кирилов решил использовать для составления полного описания Отечества.

В 1727 году грандиозный труд, первый в своем роде, был завершён и назывался, по обычаю того времени, так:

"Цветущее состояние Всероссийского Государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец Отечества, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Книга первая, в которой описаны губернии и провинции, в них города, гарнизоны, артиллерия, канцелярии, конторы, управители с подчиненными, епархии, монастыри, церкви, число душ, расположенные полки и доходы, как оные ныне состоят губернии Санкт-Петербургская, Московская, Смоленская, Киевская, Воронежская, Рижская, Ревельская".

* Лицо, ведающее приказным письмоводством.

Название прекрасно очерчивает предмет исследования и дает представление о широте кругозора его автора.

Вторая книга того же труда посвящена описанию Нижегородской, Казанской, Астраханской, Архангельской и Симбирской губерний...

Этой работой русский ученый во многих отношениях опередил своих европейских коллег и заслужил право называться первым экономгеографом. Экземпляр "Цветущего состояния..." имел в своей библиотеке А. С. Пушкин.

Одновременно с "Цветущим состоянием..." Кирилов подготовил и первый обширный атлас Российской Империи. Но вот с изданием его вышла долгая и малоприятная заминка. Дело в том, что с той же целью из Франции был приглашен академик Делиль, уже начавший работу по составлению Академического атласа России и, естественно, совершенно не заинтересованный в труде Кирилова. Вероятно, не без его воздействия открывшаяся в 1725 году Академия наук встретила проект Кирилова без особого сочувствия.

Однако И. К. Кирилов, видевший крайнюю нужду в картах для практической деятельности государственных учреждений, торговли, военного дела и т.п., не смирился, решив во что бы то ни стало добиться издания своего атласа. Побуждало его к этому не столько вполне понятное авторское самолюбие и ущемленная национальная гордость, сколько принципиальное несогласие с принятой на Западе методикой информационного насыщения карт:

"...Вкратце приношу, что меня принудило впервые зачать географические российские карты в один атлас собрав: тот недостаток, которого в чужестранных картах терпеть не мог, ибо многим несходствам и более жилые места пустою землёю опоясывают и в карты кладут..."

Кирилов не пожелал даже воспользоваться "чужеземными" меридианами и выбрал за точку отсчета свой: меридиан островов Даго и Эзель (Хиума и Сарема), расположенных в российских водах Балтийского моря.

Когда Кирилов увидел, что работа Делиля затягивается, он принял решение напечатать свой атлас под личную ответственность и на собственные средства. В 1734 году первый том "Атласа Российской Империи" вышел в свет. Отом, насколько тщательно он проработан, свидетельствует тот факт, что многие его данные входят сейчас в учебники по истории развития народного хозяйства в качестве первоисточников. Например, исследуя русскую промышленность, Кирилов составил перечень железодельных заводов и фабрик первой четверти XVIII века и дал их общий итог: "233 промышленных предприятия".

В работе Кирилова приводится немало исторических описаний и свидетельств (о походах Ермака, покорении Сибири, освоении Камчатки), сопровождаемых этнографическими и хозяйственными подробностями. В частности, рассказывая о Камчатке и трех её островах (Нижнем, Верхнем, Большерецком), автор сообщает:

"...Население там разнообразное, каждый народ говорит на языке, который с прочими сибирскими иноземцами ничем не сходят, и мужской пол весь пустобородный. Лошадей и скота никакого не имеют, токмо немного оленей. Питаются рыбой, травой, кореньями, соболей, лисиц, бобров камчатских ловят множество, которым зверем покорённые камчадалы и ясак платят. Из русских товаров выбойку, китайку, топоры, котлы, иглы, напёрстки, отчасти красные сукна на зверя охотно меняют..."

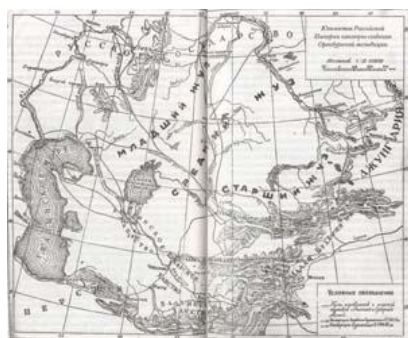
Самое интересное, что всё это написано почти за два десятилетия не только до выхода в свет классического труда С. Крашенинникова о Камчатке, но даже до начала его путешествия.

В качестве обер-секретаря Сената Кирилов способствовал снаряжению различных экспедиций, обычно имея в виду конкретный государственный "прибыток". Оренбургская экспедиция также была задумана Иваном Кириловым ввиду выгод торговли со среднеазиатскими ханствами и Индией.

В Государственном архиве Оренбургской области хранится документ: "Проект обер-секретаря Сената И. К. Кирилова строительства русского города на юго-восточных рубежах Российской Империи". В этом проекте Кирилов аргументированно доказывает историческую необходимость и целесообразность безотлагательного строительства города-крепости:

"Требуется укрепить юго-восточные границы, государства, построить "великий город-крепость" и сделать его главным опорным пунктом края. А от него по Яику, Самаре и Сакмаре строить крепости, редуты и форпосты, которые составят оренбургскую пограничную линию".

Эта линия призвана была защитить границы Империи, земли её новых подданных - киргиз-кайсацкого и каракалпакского народов - от джунгар и в значительной мере послужить препятствием для разорительных набегов степняков на башкир, а башкир на степняков, воспрепятствовать междоусобным конфликтам. Новый город должен был стать организующим центром, базой торговли России с киргиз-кайсацкими ордами и ханствами Средней Азии, с Афганистаном, Персией, арабским Востоком, Индией. В Проекте об этом записано, что строительство нового города необходимо "не только для одного содержания киргизцев, но и для отворения свободного с товарами пути в Бухару, в Водохшан, в Балх и в Индию".

(Увеличенную копию карты смотрите в отдельном файле – 22_b.jpg)

Первого мая 1734 года проект Кирилова получил одобрение государыни Анны Иоанновны, а 18 мая его автор был назначен главой экспедиции - называлась она поначалу "известною", а затем и прямо Оренбургской.

Экспедиция имела большие полномочия, ей должен был подчиняться уфимский воевода. Помимо ученых, топографов, инженеров, военных, в составе экспедиции находились несколько студентов Славяно-греко-латинской академии и священник.

Любопытный факт: первоначально священником в экспедицию Кирилова вызвался ехать Михаил Васильевич Ломоносов, учившийся тогда в классе риторики Славяно-греко-латинской академии. Однако во время допроса в канцелярии Академии Ломоносов признался, что он сын крестьянина и положен в подушный оклад, а не сын поповича, как говорил прежде. После этого признания Ломоносов вообще не был рукоположен в священники, и вопрос об участии его в экспедиции отпал...

Десятого ноября 1734 года Кирилов с экспедицией прибыл в Уфу, затем двинулся к месту предполагаемой закладки будущего города. В конце года в верхнем течении Яика он основал первую из крепостей на оренбургской линии: Верхнеяицкую.

Но план Кирилова, составленный умозрительно, на основании одних теорий, на деле оказался не столь легко осуществим. "Пришлось мечтать не об устройении флотилии на Аральском море, думать не о снаряжении торговых караванов из Оренбурга через киргизскую степь в богатую золотом, пряностями, драгоценными камнями и тонкими тканями благодатную Индию, - писал историк П. Н. Столпянский, - нет, пришлось вести упорную кровавую борьбу за каждый шаг, за каждый кусочек номинально числящейся за ними земли и вести борьбу на два фронта. С двумя народностями, тоже номинально состоящими в нашем подданстве: с боков давили башкиры, которые понимали, что их владычеству пришел конец, а впереди были воинственные номады киргизы..."

Достигнув по Яику устья реки Ори, Кирилов, помолясь Богу, заложил здесь 15 августа 1735 года крепость, а немного спустя, 31 августа, основал город Оренбург, переименованный позже в крепость Орскую.

Далее была заложена Бердская слобода - в двадцати верстах от Сакмарского казачьего городка вниз по Яику, следом крепости Сорочинская, Токская, Бузулукская, Ольшанская (Елшанская), Борская, Красносамарская...

Летом 1736 года Кирилов выехал в Самару, где находилась штаб-квартира Оренбургской экспедиции, для решения неотложных дел и в Оренбург (Орск) уже не вернулся - 14 апреля 1737 года, на сорок восьмом году жизни, он умер от чахотки в Самаре и там же был похоронен.

В бумагах Кирилова были найдены ландкарты, не завершенные исторические и географические труды, несколько летописей из Сенатского архива. Кроме того, за покойным остался долг казне в 7591 рубль (по сведениям историка С. Соловьёва), который положили взыскать с его сына - Петра Ивановича Кирилова, обер-аудитора Военной коллегии. Однако сын оказался не в состоянии выплатить такой долг.

Спустя двадцать пять лет Сенат нашёл, наконец, способ, как списать эту весьма значительную по тем временам сумму и освободить сына, ради заслуг его отца, от уплаты отцовского же долга: в докладе, поданном императрице Елизавете, Сенат просил о пожаловании Петра Ивановича Кирилова десятью тысячами рублей - с тем, чтобы в эту сумму зачесть и долг. Ходатайство Сената было удовлетворено только в 1764 году Екатериной II.

Оценивая деятельность И. К. Кирилова на посту начальника Оренбургской экспедиции, различные исследователи, пишущие об истории Оренбургского края, единодушны в одном: главной ошибкой Кирилова был неправильный выбор места для закладки города-крепости. "Кирилов пренебрег растянутостью коммуникаций с Центральной Россией, - замечает историк В. В. Дорофеев в статье "Начало Орска", - за что пришлось расплачиваться в первую же зиму: гарнизон крепости выжил только за счет уменьшения состава почти на 800 человек, более половины которых погибло на пути в Сакмарский городок..."

Экономически несостоятелен был и план Кирилова относительно строительства в Оренбурге (Орске)

серебряного завода: не было ни подходящего качества руды, ни, самое главное, лесов в необходимом количестве.

Аполлон Кузьмин, автор книги "Татищев" (1981), писал, что Кирилов "воспринимал действительность в радужных тонах, даже если к этому было и не слишком много оснований". Однако, по мнению писателя, "Кирилов был, конечно, совершенно искренен, с огромной энергией принявшись за освоение Новой России, как он называл полупустынные районы, которые предстояло оживить".

Научные же заслуги Ивана Кириловича Кирилова не подлежат сомнению.

Василий Никитич ТАТИЩЕВ, *начальник Оренбургской комиссии в 1737-1739 годах*

Среди выдающихся деятелей восемнадцатого столетия одно из первых мест по праву принадлежит Василию Никитичу Татищеву, энциклопедически образованному человеку, оставившему след во многих областях знаний: географии, экономике, археологии, законодательстве, этнографии, филологии... Но главной его заслугой считается создание многотомной "Истории Российской", первого в России труда подобного рода. Родился В. Н. Татищев 19 апреля 1686 года в Пскове (или в родовом поместье под Псковом) и происходил из знатного, но обедневшего дворянского рода. Семилетним мальчиком был принят в число стольников при царском дворе. После окончания Московской артиллерийской и инженерной школы, которой тогда руководил сподвижник Петра I Яков Брюс, Татищев в 1704 году поступил на военную службу. Участвовал в Северной войне, в знаменитой Полтавской битве был ранен.

В период с 1713 по 1719 год В. Н. Татищев неоднократно выезжал за границу с различными поручениями, побывал в Берлине, Бреславле, Дрездене, Гданьске, привозя из каждой поездки множество книг, главным образом, по математике, военным наукам, истории и географии. В 1719 году Татищев состоял при президенте Берг- и Мануфактур-коллегии Я. Брюсе, высоко ценившем его ещё с ученических лет. Именно Брюс убедил Татищева приняться за создание географического описания России, столь необходимого в школах для изучения Отечества (собственно, первого русского учебника по географии). Но работу над ним скоро пришлось оставить: в 1720 году Татищева направили на Урал руководить горным делом.

В. Н. Татищев

На новом месте Татищев занялся строительством заводов, разведкой полезных ископаемых, геодезическими съемками и составлением карт, организацией школ (первых на Урале) и т.д.

Определил он и место для будущего административно-экономического и культурного центра Урала, заложив на берегу реки Исеть город, названный позже Екатеринбургом.

К сожалению, много сил и времени у Татищева отняла тяжба с Акинфием Демидовым, который чувствовал себя на Урале полновластным хозяином, не терпел постороннего вмешательства и уж тем более не желал открытия здесь казенных заводов.

"Через адмирала графа Апраксина, - писал Татищев, - Демидов так меня оклеветал, что все думали о моей гибели".

Но следствие оправдало Татищева, и он остался работать на Урале.

В ноябре 1723 года В. Н. Татищев выехал в Петербург с докладом о заводских делах, был принят лично

Петром I и вскоре направлен в Швецию: ознакомиться с горным промыслом и "прочими мануфактурами", узнать о "порядках при оных", "вникнуть в дела тамошней Академии наук и библиотеки", нанять для работы в России разных мастеров, устроить в Швеции обучение русских учеников. Было у него и секретное задание: "Смотреть и уведомлять о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях оного государства".

Два года пробыл в Швеции Татищев. За это время он собрал множество чертежей, познакомился с видными шведскими учеными, в том числе с полковником Страленбергом, бывшим во время Северной войны в русском плену, позже подготовившим к печати свою книгу "Северо-восточная часть Европы и Азия" (на немецком языке), содержащую географические, этнографические и исторические сведения о Сибири (впоследствии В. Н. Татищев сделал по ней 225 замечаний о неверном изложении или освещении событий и 147 поправок в написании русских названий).

Тогда же В. Н. Татищев отправил уральскому профессору Бенцелю ученую записку о нахождении в Сибири костей мамонта. Опубликованная Бенцелем в 1727 году на латыни записка привлекла внимание всего научного мира и еще дважды переиздавалась в Швеции, а в 1743 году ее перевели на английский язык и напечатали в Лондоне. Это единственный из всех трудов Татищева, выпущенный в свет при его жизни.

В 1726 году Татищев вернулся в Россию. Составляя отчет о поездке, он, между всем остальным, указал и на необходимость изменений в постановке монетного дела. Очевидно, в связи именно с этим указанием, его назначили членом монетной конторы в Москве.

После смерти Петра II в 1730 году, В. Н. Татищев, поддержавший избрание императрицей на русский престол Анны Иоанновны и выступивший за отмену ограничений её власти, был произведен в действительные статские советники и поставлен главным судьёй (председателем) монетной конторы.

Вскоре, однако, у Татищева пошли нелады с графом М. Г. Головкиным, его непосредственным начальником. Татищев считал, что их ссорил Бирон, не терпевший его за независимый характер. Татищев был обвинен в злоупотреблениях, отставлен от должности и отдан под суд, но, невзирая на невзгоды, продолжал заниматься науками, писал "Историю Российскую", в 1733 году начал одно из замечательных своих сочинений - "Разговор о пользе наук", где обосновал необходимость широкого распространения научных знаний, дал классификацию наук и изложил план развития школьного дела в России.

В самом начале 1734 года суд по делу Татищева был внезапно прекращен (видимо, благодаря вмешательству императрицы), и указом от 10 февраля того же года Василия Никитича назначили "командиром уральских, сибирских и казанских горных заводов".

За время второго пребывания В. Н. Татищева в должности "горного командира" (1734 - 1737) число заводов на Урале возросло с одиннадцати до сорока (Татищев намечал построить ещё тридцать шесть, что и было впоследствии выполнено), прокладывались дороги, строились города. В эти же годы Татищев разработал первый горный устав, призванный "внести правильность и устойчивость в систему горнозаводского управления". Между прочим, в нем Татищев переименовал названия всех горных чинов и горных работ с немецких на русские, бросив тем самым вызов всесильным немецким временщикам. Однако стараниями Бирона устав утвержден не был.

В 1736 году Бирон и прибывший из Саксонии по его вызову барон Шемберг задумал и грандиозную аферу с "приватизацией" казенных заводов. Татищева, который очень мешал "приватизаторам", спешно повысили в чине и определили на место умершего Кирилова возглавлять Оренбургскую экспедицию*.

Оставив горной школе всю свою библиотеку (около тысячи томов), В. Н. Татищев 26 мая 1737 года выехал из Екатеринбурга в Мензелинск, а оттуда в Самару, в штаб-квартиру Оренбургской экспедиции.

Прибыв на место 11 июля, Татищев незамедлительно повел беспощаднейшую борьбу со всякого рода злоупотреблениями своих подчиненных. По его настоянию военный суд вынес смертный приговор уже находившемуся под следствием капитану Житкову - за грабеж башкирского населения "без всякой причины" и творимые его командой произвол и убийства. Сурового наказания требовал Татищев и для майора Бронского, который "принесших повинную и безборонных оступя, неколико сот побил, и пожитки себе побрал".

За взятки, казнокрадство, грабежи местного населения новый начальник Оренбургской экспедиции отстранил от должности и отдал под суд уфимского воеводу С. В. Шемякина, а затем ввел твердое расписание, "чтобы на жалование толикое число людей содержать, сколько настоящее отправления требуют... дабы жалования при экспедиции излишнего никто не брал..."

Но Татищев не только чинил суд и расправу. По его распоряжению при самарской штаб-квартире Оренбургской экспедиции была создана самая большая по тем временам библиотека, открыты российская и татаро-калмыцкая школы, школа Пензенского полка для солдатских детей, начато строительство госпиталя и аптеки с лабораториями.

Наладив дела в экспедиции, Татищев летом 1738 года приехал в Оренбургскую (Орскую) крепость и

* С 10 мая 1737 года Оренбургская экспедиция была переименована в Оренбургскую комиссию, но прежнее название употреблялось наравне с новым.

"нашел её в ужасном состоянии: оплетена была хворостом и ров полтора аршина, а сажень на 50 и рва не было, так что зимою волки в городе лошадей поели".

Не одобрил Татищев и выбранного для крепости места: низкое, затопляемое, бесплодное и безлесное, "великими горами отгораженное... от других русских городов".

"Кому это в вину причесть не знаю, - писал Татищев, - ибо инженерные офицеры сказывают, что о неудобствах Кирилову представляли, да слушать не хотел, и офицера искусного в городостроении нет".

В Государственном архиве Оренбургской области хранится "Проект Татищева о переносе Оренбурга с Устья Орь-реки вниз по реке Яику на 184 версты к урочищу Красной горы" (сейчас здесь село Красногор Саракташского района). Проект В. Н. Татищева Сенат рассмотрел и нашёл справедливым. Строительство нового Оренбурга было начато, а старый остался как город Орск.

При Татищеве продолжалась закладка и постройка укреплений по рекам Яику и Самаре. Были основаны Переволоцкая, Чернореченская, Тевкелев брод (Новосергиевская), Камыш-Самарская (Татищево) крепости и город Ставрополь на Волге (ныне Тольятти), Василий Никитич был участником церемонии принятия русского подданства киргизами Малой орды в лице хана Абул-Хаира и народных представителей, состоявшейся 3 августа 1738 года в "старом" Оренбурге (Орске).

Как и Кирилов, Татищев прилагал немалые усилия к налаживанию торговых связей с ханствами Средней Азии. Отправляя из Оренбурга (Орска) большой купеческий караван в Ташкент, он составил для поручика Миллера, возглавлявшего караван, инструкцию, в которой наказывал узнать "о состоянии, силе и власти ханов" и какие русские товары там можно продавать, просил захватить образцы азиатских товаров; если "узнается" о серебряной и золотой руде, то достать несколько кусков, а место, где находятся руды, "записать, реки и озера примечать..."

Несмотря на занятость, частые разъезды (Татищев по-прежнему оставался "командиром" уральских горных заводов), Василий Никитич продолжал вести научно-исследовательскую работу. В 1737 году, например, он разработал "Предложение о сочинении истории и географии", содержащее 198 вопросов, касающихся истории, географии, этнографии и языка, в 1738 году составил карту Самарской излучины Волги, карты Яика и ряда пограничных районов, сделал обзор природных богатств Сибири: "Общее географическое описание Сибири".

Не оставляет Татищев свой труд: "Историю Российскую" и древнее русское право, памятники которого он разыскивает, оплачивает из своих средств их переписку или перевод, а потом передает в Академию наук. В 1738 году он готовил к изданию открытый им "Судебник" Ивана Грозного 1550 года, и в обстоятельных комментариях к нему высказывался по важнейшим вопросам политической и социальной истории России XVI-XVIII веков.

В 1738 году в Синод поступила жалоба от протопопа Антипа Мартинианова, состоящего при Оренбургской экспедиции, которого Татищев якобы без предъявления ему обвинения, "презрев власть святейшего Синода, посадил с утра на цепь, водил по улице, как бы на показ... и приводил в канцелярию, держа на цепи до вечера..." Синод обратился в Кабинет министров, требуя наказания Татищева. Василию Никитичу пришлось писать объяснение на высочайшее имя, говорить, что протопоп был сильно пьян.

Но дело было не в протопопе. Истинным поводом для притеснения Татищева послужило отстранение им от должности за взяточничество и другие злоупотребления члена Берг-директориума барона Шемберга, ставленника Бирона на горном Урале, и противодействие самому Бирону, вознамерившемуся через подставную фигуру (заводчика Осокина) завладеть горой Благодать, открытой Татищевым.

С этого времени началась настоящая война против начальника Оренбургской экспедиции. Двадцать седьмого мая 1739 года создается следственная комиссия для разбора обвинений против Татищева, а уже 29 мая он отстраняется от всех дел, лишается званий и берется под домашний арест (некоторые источники утверждают, что Татищев был посажен в Петропавловскую крепость). Только смерть Анны Иоанновны и падение Бирона в ноябре 1740 года спасли его.

В 1741 году Татищев был назначен в Калмыцкую комиссию, Центром которой являлась Астрахань. Татищеву обещали, что если ему удастся примирить "инородцев", то "вымышления клеветников уничтожатся".

К новому месту службы Татищев отправился ещё состоя под судом и следствием.

В конце 1741 года (25 ноября), при вступлении своем на престол, Елизавета Петровна "дочь Петрова" провозгласила возвращение к традициям, заложенным её отцом, Петром Великим. Василий Никитич, один из немногих сподвижников Петра I, кто остался в живых, мог рассчитывать на внимание, но появились новые фавориты, и ему только объявили "удовольствие" и назначили губернатором в Астрахань.

"Уже Калмыцкая комиссия, - пишет А. Кузьмин, - воспринималась Татищевым как ссылка. Назначение же астраханским губернатором он понял как заключение в "узилище".

И всё-таки В. Н. Татищев, уже больной и в преклонном возрасте, ревностно принялся за реорганизацию экономики астраханской губернии, состояние которой он нашел плохим. Но и губернаторство его закончилось (в 1745 году) тем же, чем заканчивались все его назначения: обвинением в различных злоупотреблениях,

отстранением от должности и отдачей под суд.

Сотрудник английской торговой компании Ганвей, бывавший в Астрахани и знавший Татищева, так объясняет причины отстранения Татищева:

"Зависть к способностям Татищева между учеными, месть ханжей за его неверие, которое, я опасаясь, было велико... сделали то, что Татищев был отправлен в ссылку на житие в собственное имение".

Последние годы Василий Никитич жил в родовом подмосковном имении - в деревне Болдино, и до конца своих дней работал над "Историей Российской", которую последующие поколения считали научным подвигом автора. Кроме "Истории...", Татищев занимался и другими делами: подал в Академию наук свое "мнение" о затмениях Солнца и Луны, проект о "напечатании азбуки с фигурами и прописями", составил почтовую книгу России, работал над проектом экономических преобразований.

Умер Василий Никитич Татищев 15 июня 1750 года в той же деревне Болдино. Накануне смерти он получил известие о своем оправдании и награждении орденом Св. Александра Невского. Татищев письмом поблагодарил императрицу - и возвратил орден, как уже ненужный ему.

Василий Никитич был женат (с 1714 года) на вдове Авдотье Васильевне, урожденной Андреевской. Однако семейная жизнь у них не сложилась, и в 1728 году он обратился в Синод за позволением на расторжение брака. От брака с Авдотьей Васильевной у него было двое детей: дочь Евпраксия (1715) и сын Евграф.

Личность Татищева привлекала и привлекает многих исследователей. Выдающемуся русскому ученому посвящены многочисленные монографии, книги. В память о Татищеве оренбургские казаки называли его именем одну из первых станиц, которая сохранила своё историческое название до наших дней (Переволоцкий район).

Василий Алексеевич УРУСОВ,

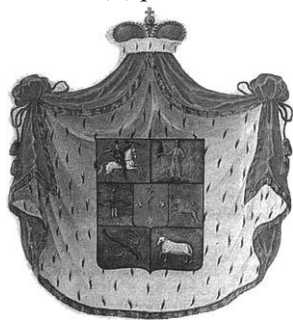
начальник Оренбургской комиссии в 1739-1741 годах

Место и точная дата рождения князя Василия Алексеевича Урусова пока не установлена, но есть сведения, что родился он около 1690 года. Сам же род Урусовых восходит к 1580 году, когда татарский (ногайский) князь Урус-мурза принял присягу на верность Ивану IV (Грозному).

В 1708 году молодой князь Урусов "был послан "для науки" в Голландию и, во время его пребывания там, плавал на английских военных кораблях "до Португалии и к городу Архангельску". Из Голландии, "за скудностью в Амстердаме кораблей", он отправился в Данию и в 1713 году в чине поручика поступил на датский флот.

В Россию князь возвратился в январе 1716 года и был через два года командирован в Астрахань. Здесь В. А. Урусов описывает восточный берег Каспийского моря с бывшим устьем Аму-Дарьи и в ноябре 1718 года отправляет президенту Адмиралтейств-коллегии генерал-адмиралу графу Ф. М. Апраксину отчет и карту с указанием произведённых работ. В следующем году Урусов строит в Казани флотилию судов и по Волге сплывает с ними до Астрахани.

В 1722 году в феврале капитан-поручик (с 6 января 1721 года) Урусов вновь командировается в Астрахань и вместе с капитаном фон Верденом наблюдает за постройкой судов для персидского похода; в июле назначается командиром 3-й эскадры ластовых (вспомогательных) судов; в августе на тялке № 3, груженной артиллерией и провиантом, находится в устье реки Миликенти близ Дербента.

Герб князей Урусовых

В щите, разделенном на шесть частей, в середине находится малый щиток красного цвета с изображением золотой луны, окружённой четырьмя шестиугольными звёздами того же металла. В первой части в голубом поле ездок, скачущий на белом коне, держит в левой руке стрелу. Во второй в серебряном поле муж в татарском одеянии имеет в правой руке птицу. В третьей в золотом поле лук со стрелой, вверх летящей. В четвертой в зеленом поле изображён золотой лев, пронзённый в челюсть двумя стрелами. В пятой в

голубом поле означен (летающий) дракон. В шестой части в золотом поле егнец. Щит покрыт мантией и шапкой, принадлежащими княжескому достоинству.

В 1723 году Урусов участвует в блокаде и взятии русскими войсками Баку, в 1725 - 1726 годах исполняет должность заведующего Астраханским портом, а в начале 1729 года увольняется из Астраханского адмиралтейства "по прошению" и с переводом на Балтийский флот.

Год спустя мы застаем В. А. Урусова не на Балтике, а в Москве - сначала советником Московской адмиралтейской конторы, а затем, с 25 октября 1730 года, и ее директором. В декабре 1730 года князь В. А. Урусов - уже контр-адмирал, советник Адмиралтейств-коллегии, через два месяца - заведующий Морской академией и школами.

Семнадцатого июня 1739 года князь В. А. Урусов был произведен в генерал-поручики и назначен главным командиром Оренбургской комиссии вместо тайного советника В. Н. Татищева.

В первых числах июля Урусов выехал из Санкт-Петербурга в Самару, куда прибыл 17 августа. Пробыв здесь недели две, он с небольшим отрядом выступил к Оренбургу, намереваясь осмотреть новозастроенную линию. Однако ранняя зима с морозами спутала планы, удалось осмотреть лишь самарскую дистанцию (линию крепостей по реке Самаре), а из яицких крепостей - одну Татищеву пристань.

Впрочем, вернуться бы всё равно пришлось: из Петербурга поступило предписание отсрочить поход ввиду распространения в Исетской провинции некоей болезни, подобной моровой язве...

В этом неудавшемся походе Урусов оценивал местоположение крепостей, инспектировал публичные строения, "а также, - замечает П. И. Рычков в "Истории Оренбургской", - и поселенных жителей сам рассматривал и на всякое место к лучшему направлению и содержанию людей особливый учинил определения, между которыми Тевкелевскую крепость определил на другое, способнейшее место, от старого отступя на версту". (Ныне на этом месте станция Новосергиевка Оренбургской железной дороги).

Двадцатого сентября Урусов получил указ и инструкцию императрицы. Главное, что ему предстояло выполнить, состояло в следующем: 1) город Оренбург строить на Красной горе, а основанный при устье реки Ори - переименовать в Орскую крепость; 2) от места нового Оренбурга вверх по Яику до Верхнеяицкой крепости и от нее по рекам Ую и Тоболу до Царева городища строить крепостцы; 3) закамскую линию, отделявшую Казанский уезд от Башкирии, оставить, а полки закамской ландмилиции поселить на самарской и оренбургской линиях; 4) для поселения в крепостях великороссийских людей и крестьян не принимать, принятых же помещичьих возвратить, а селить старых служб служилых людей.

Кроме этого, на Урусова возлагалось принятие в русское подданство Средней орды, выразившей такое желание ещё при Татищеве, основание азиатской коммерции, поиск разграбленного каравана и возвращение калмыцкого владетеля Бая, убежавшего от хана Дондук-Омбы с его дочерью, некоторыми зайсангами и немалым улусом.

Так что князю было чем заняться в Самаре. Помимо этого, пишет П. И. Рычков в той же "Истории Оренбургской", на его плечи легла ещё одна забота: о делах, "касающихся до совершенного успокоения Башкирии, о чем он имел частые сношения с бывшим при башкирской комиссии генерал-майором Соймоновым".

Однако "совершенного успокоения" не произошло, и в марте, в самый разгар подготовки к летнему походу на Оренбург и для свидания с киргиз-кайсацкими владетелями, о котором они уже были уведомлены посланной из Санкт-Петербурга грамотой, до Самары дошла весть о вспыхнувшем в Башкирии восстании. О причине его Урусов сообщал в столицу:

"...Явился новый возмутитель Салтан Гирей, по прозванию Карасакал; одни говорят, что он турок, другие считают его кубанцем. Карасакал разглашает, что прежде он жил в Башкирии, а потом поселился на р. Кубани, где у него силы 82000 человек. Узнав о башкирском разорении, он приехал, имея при себе 8000 кубанского войска, 2000 калмыков и 500 киргиз, войско его осталось покуда в верховьях реки Эмбы, откуда скоро придет вместе с башкирами, будет громить русские жилища".

В апреле Урусов сообщал, что, несмотря на посланный против Карасакала отряд, число его приверженцев растёт.

Между тем, башкиры, узнав о приближении русских частей, стали говорить, что если к Карасакалу не придет его войско, они выдадут его русскому начальству.

"Вышеописанные обстоятельства, - делал вывод Урусов, - довольно показывают, что то происшедшее замечание инако прекращено быть не может, как токмо силою оружия и причинением тем ворах потомственного страха, ибо много оказывавное к ним величайшее милосердие в нечувственных их воровских сердцах почитай никакой желаемой спокойности не учинило, да и всегда такие милосердные наказания по жестокосердию сего народа к лучшему споспешествовать могут ли?"

Как видим, Урусов был совершенно иного мнения о способах умиротворения башкирских мятежей, чем

Татищев, говоривший, что он не видит возможности принудить башкир к покорности силой.

Прибыв в Мензелинск для участия в судебной комиссии, Урусов энергично принялся за дело. Начались допросы пойманных башкир и нещадные пытки над ними: их жгли огнём, сажали на колья, ломали ребра, рубили головы и вешали. В Оренбурге, по настоянию Урусова, была открыта ещё одна судебная комиссия, после чего бунтовщики сотнями стали являться с повинной к воеводам, комендантам и отрядным начальникам, но пощады не было никому.

Немало русских солдат и мирных обитателей погибло в упорной борьбе с башкирами; но особенно дорого обошлась она самим башкирам. С 1735 по 1740 год было сожжено 300 башкирских деревень, казнено 7455 человек, сослано на каторгу 135 человек, отдано помещикам башкирских жен и детей 2882 человека, собрано 1001 лошадь, 196 коров и 8 верблюдов. Это по сведениям Оренбургской комиссии; по сведениям Мензелинской комиссии, казнено и наказано было несравненно больше.

По прекращении бунта Урусов занялся устройством стратегической линии от Оренбурга (Орска) до Верхнеяицкой (Верхнеуральской) крепости и дальше от неё в двух направлениях: на Челябинск через Исетскую провинцию и на Уйскую крепость. Предполагал Урусов заложить и несколько крепостей по Сакмару, начиная от её верховьев, - с тем, чтобы поселенцы этих крепостей, находясь под прикрытием яицкой укрепленной линии, могли безопасно заняться хлебопашеством и другими промыслами.

В 1740 году, во время похода в Орскую крепость, Урусов открыл к ней новый, более короткий и удобный путь, утаенный башкирами от Кирилова. Дорога, по которой двигался к устью Ори первый начальник Оренбургской экспедиции, вела через Губерлинские горы и была крайне затруднительна из-за длинных и тесных ущелий, крутых подъемов и спусков. Путь же, разведанный Василием Алексеевичем, лежал левее первого, недалеко от Подгорного редута, в верховьях реки Ольшанки (Елшанки), при этом Губерлинские горы оставались в стороне, справа. Чтобы обезопасить проезд по новому пути, Урусов основал на реке Чебакле крепость.

В бытность Урусова в Оренбурге (Орске), сюда наведались владетели Средней орды Аблай и Абул-Махмет. Получив богатые дары, они обещали полную покорность, но, по интригам Абул-Хаира, Аблай принял избежавшего русского плена Карасакала, а Абул-Махмет, отличавшийся более миролюбивым характером, удалился в Туркестан.

Урусов весьма сочувственно относился ко всему, что завел при самарской штаб-квартире Оренбургской комиссии его предшественник и, невзирая на занятость, находил время извещать его о положении дел. Так, в марте 1741 года, уведомляя В. Н. Татищева об успехах татаро-калмыцкой школы, которой и сам оказывал всяческую поддержку, Урусов писал о татаро-калмыцком лексиконе и переводах книг с восточных языков на русский:

"Во всём том старается у меня г. Рычков, и ему оное поручено, которого в том охота и прилежность, надеюсь, вашему превосходительству известны..."

Скончался князь Василий Алексеевич Урусов от цинги 22 июля 1741 года в Самаре и здесь же похоронен в трапезной собора во имя Казанской Божией Матери. На месте его погребения была установлена мраморная плита с высеченным родовым гербом.

Подводя итоги деятельности В. А. Урусова, Рычков в "Истории Оренбургской" писал:

"...Каждое его начинание с благополучным успехом в действо происходило, и ни в чем дальних затруднений не было".

Главной же заслугой князя на посту начальника Оренбургской комиссии "степной Ломоносов" считал "совершенное окончание бывших башкирских замешаний", а также начатое им поселение гарнизонных и ладмилицких полков, которые "на фундаментальное поселение в новые крепости были расположены".

В. А. Урусов был женат на княгине Прасковье Петровне Долгоруковой; после смерти мужа Прасковья Петровна переехала в Москву, куда взяла с собой и башкира Бигилича, жившего в их доме под именем Елисея.

Василий Алексеевич имел двух братьев: Григория и Ивана. Известен ещё один князь Василий Урусов, в 1716 - 1740 годах состоявший в морской службе, но прямого родства с В. А. Урусовым он не имеет.

Праправнук начальника Оренбургской комиссии В. А. Урусова князь Сергей Семёнович Урусов (1827-1897) - генерал-майор, участник обороны Севастополя, Георгиевский кавалер, командир Полтавского пехотного полка, друг графа Л. Н. Толстого, один из лучших шахматистов своего времени, автор трудов по теории шахмат, математике и военной истории

У Василия Алексеевича было семеро сыновей, из которых наиболее известны: Сергей (1725-1778) - статский советник, вологодский губернатор, Александр (1729-1813) - генерал-майор, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, Петр (1733-1819) - московский губернский прокурор, в 1776 году получил привилегию (патент, лицензия) на постановку театральных зрелищ; от созданного им каменного театра начинает свою историю Большой театр.

Леонтий Яковлевич СОЙМОНОВ, *начальник Оренбургской комиссии в 1741-1742 годах*

Род Соймоновых известен с XV века. Видным представителем его был Федор Иванович Соймонов (1692 - 1780), один из первых русских географов, сибирский губернатор, сенатор.

К этому же роду принадлежал и Леонтий Яковлевич Соймонов. Но биографические сведения о нем скупы и отрывочны, не установлен ни год рождения, ни год смерти.

По разысканиям оренбургского историка В. Н. Витевского, бригадир Леонтий Яковлевич Соймонов 21 марта 1729 года был назначен на службу в Низовой корпус (экспедиционные войска, до 1735 года остававшиеся после персидского похода на западном берегу Каспийского моря), 23 ноября 1731 года определен комендантом в Кронштадт, а 11 декабря того же года уволен по болезни на год в отпуск.

Третьего апреля 1733 года Л. Я. Соймонов (судя по всему, только что вышедший из отпуска) направляется в комиссию для рассмотрения счетов казны с одним из поставщиков, затем, 26 июля 1736 года, назначается вице-губернатором в Астрахань с полномочиями по калмыцким делам; по прибытии к месту службы был произведен в генерал-майоры.

В конце января 1737 года Л. Я. Соймонову поручены заведование Башкирской комиссией в Уфимской провинции и командование расположенными там войсками, а в мае того же года - и расследование по делу об отдаче полковником Анненковым солдата Казанцева в работу башкирам. Третьего марта 1740 года Соймонов назначается вице-губернатором в Казань и производится в генерал-лейтенанты.

В августе 1741 года Л. Я. Соймонов получает приказ немедленно принять Оренбургскую комиссию и "до указу" управлять ею. Такая поспешность вызывалась, вероятно, тем обстоятельством, что хотя Оренбург и был заложен (1 августа 1741 года у Красной горы), однако, как отмечает П. И. Рычков в своей "Истории Оренбургской", после смерти В. А. Урусова споры о месте строительства города среди инженерных офицеров возобновились. Подполковник Ретиславский требовал строить город на верху самой горы, а инженер-прапорщик Тельной и архитектор Лейтгольд предлагали другое, ровное место - "в расстоянии от горы версты на две, а на горе построить цитадель". И хотя Урусов определил строить Оренбург по проекту Тельного и Лейтгольда, споры и протесты продолжались. Без главного командира разобрать их было невозможно, и решено было остановить работы до приезда нового начальника Комиссии.

Однако из-за ссоры с определённым тогда в Уфу вице-губернатором Аксаковым, Соймонов к порученной Оренбургской комиссии смог выехать лишь 2 февраля 1742 года. Будучи уже в пути, начальник Оренбургской комиссии генерал-лейтенант Соймонов получил указ, согласно которому главным командиром Оренбургской комиссии определялся "тайный советник и кавалер Неплюев", а ему надлежало явиться в правительствующий Сенат.

Прибыв в Самару 15 февраля, Соймонов, по словам П. И. Рычкова, "ни о чем уже старания не прилагал, как о сём, чтоб ему состоящие тогда в ведении Оренбургской комиссии гарнизонные и ландмилицкие полки штаб-и-овер-офицерами до приезде упомянутого тайного советника укомплектовать".

ОРЕНБУРГСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Иван Иванович Неплюев

(1693-1773),

оренбургский губернатор в 1744-1758 годах

Афанасий Романович Давыдов

(?-?),

оренбургский губернатор в 1759-1763 годах

Дмитрий Васильевич Волков
(1718-1780)
оренбургский губернатор в 1763-1764 годах

Абрам Артемьевич Путятин, князь
(?-1769),
оренбургский губернатор в 1764-1768 годах

Иван Андреевич Рейнсдорп
(1730-1781),
оренбургский губернатор в 1768- 1781 годах

Иван Варфоломеевич Якоби
(1726-1803),
оренбургский губернатор в 1781 году

Иван Иванович НЕПЛЮЕВ,
начальник Оренбургской комиссии в 1742-1744 годах, оренбургский губернатор в 1744-1758 годах

Ученик великого преобразователя России Петра I, талантливейший государственный деятель, И. И. Неплюев был верным последователем своего учителя. Историк Витевский, всю жизнь занимавшийся изучением деятельности Неплюева, писал:

"Неплюев - это пример того, насколько сильно и благотворно было влияние могучей силы Петра, когда она падала на плодотворную почву".

И. И. Неплюев не только основал Оренбург и стал первым оренбургским губернатором, но и "устроил" весь обширный и беспокойный край, дал ему направление развития. Преемники Неплюева на губернаторском посту сверяли свою деятельность с его великими замыслами.

Неплюеву посвящены множество статей, монографий, книг. Опубликованы и собственные его воспоминания: "Жизнь Ивана Ивановича, им самим написанная"...

Иван Иванович Неплюев родился 5 ноября 1693 года в семье обедневшего новгородского помещика Ивана Никитича Неплюева. Мать Неплюева, Марфа Петровна - урожденная княгиня Мышецкая.

В возрасте шестнадцати лет Неплюев лишился отца, а в восемнадцать, по воле матери, женился на Федосье Федоровне Татищевой. Поселились молодые в новгородском имении Неплюевых селе Поддубье. Через два года, когда у Ивана Неплюева был уже сын (Адриан), он удалился на богомолье в монастырь - "по обещанию", и отсутствовал год и четыре месяца.

Герб рода Неплюевых

Щит рассечен на две части. В правом красном поле изображена золотая императорская корона, а под ней перпендикулярно два серебряных креста (этот элемент повторяет герб приморского города Гданьска), а в левой - в золотом поле - кумиропоклонённый дуб, который повторяется в нащлемнике. Щитодержатели - с правой стороны лев с лавровой ветвью во рту и державой в лапе, с левой - черный орел с масляничной ветвью в клюве.*

* Смысловое значение каждой части герба объясняется так: корона и держава символизируют легендарное происхождение основателя рода боярина Андрея Ивановича Кобылы (он был и предком царской династии)

И. И. Неплюев

В 1714 году, в силу указа о недорослях, Иван Неплюев в числе других дворян был определен в Новгородскую математическую школу. Князь Александр Данилович Меншиков, устроивший смотр новгородским "недорослям", отметил его незаурядные способности и, вероятно, способствовал тому, что Неплюева, как одного из лучших учеников, вскоре перевели в Нарвскую навигационную школу, а затем и в Петербургскую Морскую академию. Здесь Неплюев имел возможность часто видеть Петра I, ревниво следившего за успехами своих питомцев.

В 1716 году Неплюев был определен в Ревельский флот гардемаринном, и спустя какое-то время с несколькими новыми товарищами отправлен, по желанию Петра I, в Венецию для обучения "искусству мореплавания". Здесь в 1717 - 1718 годах он принял участие в войне с Турцией на стороне Венеции и за успехи получил от венецианского генерала Пасквалино аттестат, засвидетельствовавший его мастерство в управлении галерой на море. По окончании войны гардемарины продолжили образование в Кадиксе, в Морской академии. И, завершив его, в 1720 году вернулись с разрешения Петра I на родину.

В Петербурге гардемарины сдавали экзамены в Адмиралтейской коллегии в присутствии Петра I. Государь ответами Неплюева остался весьма доволен и тут же произвел его в поручики морского галерного флота, напутствовав при этом такими словами: "Видишь, братец: я и царь, да у меня на руках мозоли, а всё оттого: показать вам пример и хотя под старость видеть достойных помощников и слуг Отечеству".

Вскоре после этого Неплюев был назначен смотрителем и командиром над строящимися в Петербурге морскими судами - служба, при которой он постоянно находился на глазах у царя. Наблюдая за Неплюевым, Петр I однажды заметил: "В этом малом путь будет!".

В январе 1721 года Петру I потребовался резидент в Константинополь (непременным условием было знание итальянского языка). Ф. М. Апраксин посоветовал послать туда "хваленого" Неплюева, на что Петр I ответил: "Это правда, он хорош, да мне бы хотелось его у себя иметь". Но, подумавши, всё-таки согласился и назначил Неплюева резидентом. Прощаясь, царь поцеловал Неплюева в лоб и сказал: "Прости, братец, кому Бог велит видеться". И действительно, это была последняя их встреча.

В Константинополе Неплюев держал себя с великой осторожностью, так как английский и французский послы были готовы на всё, лишь бы поспорить Россию и Турцию. Это им, однако, не удалось. Не удалась и попытка отравить русского резидента. Неплюев заключил с Турцией мирный договор, по которому Россия приобретала во владение все земли, лежащие на западном берегу Каспийского моря. В награду за это Петр I пожаловал ему четыреста душ в Устюжно-Железопольском уезде, произвёл в капитаны первого ранга и велел выдать его жене и детям полное жалованье по этому чину - сверх того, что получал Неплюев в Константинополе, а его старшему сыну Адриану положил 300 рублей в год на образование.

В 1725 году в Константинополь пришла весть о кончине Петра I. Вот что Неплюев пишет об этом в своих

Романовых) от королей Пруссии; два креста истолковываются как знак обращения его потомков в христианскую веру; дуб напоминает обряд кумиропоклонения, которое совершали под ним в языческое время прусские, самогитские и литовские владетели. Лавровая и масличные ветви во рту льва и клюве орла символизируют славу и мир. К родам, происшедшим от боярина А. И. Кобылина, относятся дворянские роды: Боборыкины, Колычевы, Сухово-Кобылины, Шереметьевы, графы Шереметьевы и Яковлевы.

мемуарах:

"1725 года, в феврале месяце, получил я печальное известие, что Отец Отечества, Петр, император 1-й, отъиде от сего света. Я омочил ту бумагу слезами как по должности о моём государе, так и по многим его ко мне милостям, и ей-ей не лгу, был более суток в беспамятстве, да иначе бы мне и грешно было: сей монарх Отечество наше привел в сравнение с прочими, научил узнавать, что и мы люди, одним словом, на что в России ни взгляни, всё его началом имеет, и, что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут; а мне, собственно, сверх вышеописанного, был государь и отец милосердный".

В 1727 году, с позволения Екатерины I, Неплюев перевез в Константинополь жену и дочь (Адриан был с ним, двое других детей умерли). В годы царствования Петра II (1727-1730) ему было пожаловано еще одно имение. В 1730 году, при восшествии на престол Анны Иоанновны, Неплюев получил чин шаубенахта, то есть контр-адмирала флота.

В 1732 году, сильно заболев (по-видимому, лихорадкой), Неплюев отправил в Россию жену, старшую дочь и двух младших детей, родившихся в Константинополе, а в 1735 году и сам вернулся в Россию. Здесь он был произведен в тайные советники и назначен присутствовать в Коллегии иностранных дел.

Вскоре после отъезда Неплюева из Константинополя, где он прослужил четырнадцать лет, между Россией и Турцией возникла война, для России неудачная.

Восемнадцатого сентября 1739 года мир был подписан, Россия возвращала Турции все прежде завоёванные крепости (за исключением Азова, обязываясь скрыть в нём все укрепления). Размежеванием земель по Днепру и Бугу поручили заняться Неплюеву, назначенному незадолго до этого киевским губернатором.

Здесь, в Киеве, Неплюев похоронил свою жену, скончавшуюся 4 декабря 1740 года...

Вскоре после восшествия на престол Елизаветы Петровны (27 ноября 1741 года) Неплюев был арестован и лишен всех малороссийских поместий, чина, места (к этому времени он являлся главноначальствующим над всей Малороссией) и ордена Александра Невского. Однако проведенное расследование показало, что ни в какие замыслы против императрицы Неплюев не входил, а потому чин и орден ему были возвращены; жалованные же малороссийские деревни уже разошлись по другим людям.

Не вернулся Иван Иванович и к прежней службе, а отправился, согласно указу Елизаветы Петровны, в Оренбургскую комиссию командиром.

В самарскую штаб-квартиру Комиссии Неплюев прибыл в конце апреля 1742 года и, приняв от генерала Соймонова войска и дела по управлению краем, выехал в Уфу. Там он получил подробные сведения о состоянии Уфимской провинции, о населяющих её народах: башкирах, черемисах, чувашах, мещеряках, тептярях и вотяках и, направился в самую глубь провинции, к верховьям Яика, определив по его течению места для нескольких крепостей.

В 1743 году, во вторую поездку в Уфимскую провинцию, Неплюев заложил восемь крепостей и 18 редутов и устроил в них гарнизоны для защиты от кочевников. Искал он и удобные пути между крепостями, а среди них тот, который со временем мог бы стать главным.

В этой поездке Ивана Ивановича сопровождала жена^{*}, по дороге она простудилась и умерла; похоронена была в Орской крепости, в ограде Преображенской церкви.

В том же 1743 году Оренбург опять поменял свое местоположение, на сей раз - окончательно. Прибыв в урочище Красная гора и осмотрев место, предназначенное для строительства "обширной крепости", Неплюев нашел его неприемлемым по причине всяческих неудобств (в том числе вредных для здоровья климатических условий) и предложил строить город в 70 верстах отсюда, рядом с Бердской слободой.

План, представленный императрице Елизавете Петровне, был ею принят, и 19 (30) апреля 1743 года Оренбург с "надлежащим молебствием с пушечной пальбою" заложили на высоком берегу Яика близ устья реки Сакмары.

Строительство города-крепости Неплюев вел самоотверженно: до ноября жил в землянке, и в выстроенный для него дом перешёл только тогда, когда для жителей были готовы дома, а для гарнизона - казармы.

Неплюев дал быстрое развитие Оренбургу. Прежде всего он вызвал сюда купцов из Уфы, Самары и других городов на самых выгодных для них условиях и обеспечил новопоселенцев выстроенным на казенный счет жильем. Своему основателю обязан город и первыми городскими церквями: Преображенской и Введенской, называвшимися летним и зимним соборами, и пригородной Георгиевской.

В 1744 году было дозволено строить в Оренбурге и татарские мечети.

^{*} И. И. Неплюев был женат вторым браком на двадцатитрехлетней фрейлине Анне Ивановне Паниной, слывшей украшением императорского двора по красоте и образованности. Венчание происходило в Москве 7 октября 1741 года.

На строительство прибывали тысячи людей, в том числе башкиры и тептяри (с платой по две копейки в день), и к 1747 году в Оренбурге уже насчитывалось 840 дворов, четыре церкви, имелись казённые номера, аптеки, пороховой погреб, магазины, гостинный и меновой дворы с 44 и 131 лавками соответственно. В целом же по краю было положено начало правильной разработке илецкой соли, открыты мел, известь, глина, различные руды, улучшено рыболовство по Яику, устроены два стекольных, пятнадцать медеплавильных и тринадцать железоделательных заводов, к 1752 году между Оренбургом, Челябинской и Троицкой крепостями учрежден был почтовый тракт протяжённостью около 700 верст. В эти же годы берет начало и всемирно известный промысел: вязание шалей и других изделий из пуха местной козы.

В 1744 году Неплюев представил в Сенат проект об образовании губернии. И в том же году, 15 марта, Сенат издал указ об учреждении Оренбургской губернии. Указ гласил:

"...В упомянутом городе Оренбурге быть губернии, именоваться Оренбургскою губернею, в ней быть губернатором тайному советнику Неплюеву".

В. Н. Витевский, исследователь жизни и деятельности первого оренбургского губернатора

Территория губернии простиралась от Волги до Сибири и от Камы до Каспийского моря, доходила (зачастую вбирая часть их земель) до нынешних Курганской, Омской, Свердловской, Самарской, Пермской, Тюменской, Ульяновской областей, включала в себя 30 тысяч квадратных километров современного Узбекистана, где жили каракалпаки, и превышала площадь теперешней Оренбургской области в 12,3 раза.

Биограф Неплюева Витевский описывал Оренбургский край того времени весьма мрачными красками:

"...Познакомившись с краем и с делами по его управлению, Неплюев убедился, что большая часть правительственных распоряжений, касавшихся башкир и других инородцев края, оставалась пока только на бумаге; должного порядка в управлении не было. Между башкирцами находилось много недовольных русскою властью и особенно притеснениями со стороны чиновников; в расходовании сумм найден большой беспорядок и громадный недочет; инородцы и русские поселенцы края, вследствие постоянных бунтов среди башкир и злоупотреблений некоторых воевод, страшно бедствовали; многие деревни были опустошены или выжжены; большие пространства плодородной земли лежали нетронутыми, ожидая плуга земледельца и умелых рабочих рук".

В марте 1744 года, по ходатайству Неплюева, Сенат издал Указ о ссылке на поселение в Оренбург преступников из купцов, мастеровых и ремесленных людей, "дабы в том новом месте промышленных мастеровых, ремесленных и купцовых людей умножено быть могло". А 15 июля того же года, по причине окончания со "шведскою короною войны" и заключенного мира, Елизавета Петровна объявила о прощении преступников и поселении некоторых из них по оренбургской линии. В манифесте об этом говорилось:

"...Простить всех приговорённых уже к смертной казни, сосланных в каторжные работы, хотя бы и навечно, освободить... Крестьян и посадских отправить в свои имения, а если наказаны публично, но ноздри не вынуты, тех хотя послать в их жилища, но ни к каким делам не определять; а у которых ноздри вынуты или другие знаки положены - тех послать в Оренбург на поселение в тамошние места и предместья по рассмотрении той губернии губернатором".

Издал Сенат, опять-таки по просьбе Неплюева, и указ об оставлении в крепостях Оренбургской губернии беглых и "непоминающих родства" людей с причислением их в казаки.

Стремясь поскорее дать защиту русским поселениям от нападений, Неплюев приступил к строительству крепостей, редутов и форпостов с такой энергией, что уже через несколько лет Оренбургский край был прикрыт от набегов воинственных кочевников целой цепью крепостей: к югу шла нижнеяицкая линия с девятью крепостями и 18 форпостами, к западу по реке Самаре самарская с девятью крепостями и тремя редутами, к востоку - двойной ряд военных поселений: по Яику десять крепостей и 16 редутов, а по Сакмаре - десять крепостей и два редута. Всего же при Неплюеве в Оренбургском крае было возведено 114 укреплений разного

рода. Без них, по словам того же Витевского, о торговле и промышленности, в настоящем смысле, нечего было и говорить. Каждый торговый караван пришлось бы охранять целым войском не только от киргизов и калмыков, но и от разбойничьих шаек каракалпаков, кашгарцев, хивинцев и других среднеазиатских народов.

С увеличением числа укреплений пришлось думать и об увеличении военной силы, а потому Неплюев обратил особенное внимание на оренбургских и яицких казаков. Желая на месте лично ознакомиться с положением казачества, Неплюев отправился в Яицкий городок и взял с собой П. И. Рычкова (впоследствии первого члена-корреспондента Российской Академии наук). С его помощью Неплюев собрал исторические сведения о Яицком войске, и составил подробный проект об изменении его управления. В 1753 году, будучи в Петербурге, Неплюев представил проект Военной коллегии, но на сей раз утверждения его не добился. И всё же благодаря именно Неплюеву, Яицкое войско осталось на своей родной земле и получило в "вечное владение" воды, изобилующие рыбой.

Неплюев разработал и штаты Оренбургскому нерегулярному корпусу (Оренбургскому казачьему войску), и даже собственноручно подготовил эскиз его знамени.

Немало потрудился Неплюев и над устройством Уфимской и Исетской провинций, входивших в состав Оренбургской губернии, и над устройством быта ставропольских крещёных калмыков, на которых возлагал большие надежды, рассчитывая, что их пример, подкреплённый различными льготами, будет привлекать калмыков-язычников, и они мало-помалу сделаются добрыми христианами и осядут на земле. Одной из мер, предпринятых Неплюевым для ознакомления калмыков с земледелием, было введение общественной запашки, на которую должны были являться со всех уездов по несколько человек с лошадьми и работать под присмотром русских переселенцев и приставов.

Духовное руководство калмыками Неплюев поручил протоиерею Чубовскому, хорошо знавшему калмыцкий язык. Им были переведены Евангелие и извлечения из Церковной истории, составлен калмыцкий букварь.

Пока главным начальником Оренбургского края оставался Неплюев, всё шло хорошо. Но стоило ему уехать в Петербург, и ставропольские калмыки сделались почти такими же язычниками, как астраханские, многие из них стали переселяться в улусы, где их охотно принимали, а улусные калмыки побежали в Китай...

Зная мечту Петра I "отворить врата в полуденную Азию", Неплюев многое сделал для того, чтобы Оренбург стал центром русско-азиатской торговли. Он писал приглашения во все магистраты, посылал татар Сеитовской слободы приглашать киргизцев, хивинцев, ташкентцев, кашкарцев, трухменцев и бухарцев.

Татары как нельзя лучше исполнили волю губернатора, и уже в 1745 году в Оренбурге происходила значительная торговля. Как писал сам Неплюев, "знатный торг в Оренбурге возымел начало". В 1749 году Неплюев докладывал в Сенат:

"...В прошлом году русские купцы получили в Оренбурге серебра персидского монетою от азиатских купцов 71 пуд 13 фунтов, а с последней половины текущего года прибыло несколько бухарских и хивинских караванов, в которых тамошних обыкновенных товаров очень немного, но персидского серебра 418 пудов 22 фунта, а так как привозных туда из России товаров только на 140 тысяч рублей, из чего надобных азиатским купцам едва достанет ли, то по просьбе русских купцов принужден он дать им на почтовые подводы подорожные, с которыми они на своём коште отправляют нарочных в Москву и другие города, чтоб как можно скорее ещё доставить нужных товаров в Оренбург. Сверх того, писано в Казань, чтоб тамошние купцы спешили туда же с своими товарами, ибо если однажды русских товаров азиатским купцам не достанет, то этим они могут быть отохочены от приезда в Оренбург в большом числе".

Но Неплюев и на посту губернатора оставался государственным деятелем, мыслящим в масштабе всей Империи и заботящимся о её процветании. Именно поэтому, встревоженный тем, что из привезённого "азиатцами" серебра большую часть взяли за свои товары астраханские купцы, Иван Иванович счёл своим долгом предупредить тамошнего губернатора, чтобы это серебро через имеющийся в Астрахани порт не уплыло обратно в Персию.

Вскоре Оренбург сделался главным пунктом меновой торговли между русскими и азиатскими купцами, и для удобства её были выстроены гостиный и меновой дворы: гостиный двор располагался в городе и предназначался для зимней торговли, а меновой за Яиком - для летней.

В конце 1751 года Неплюев сообщал в Петербург, что из Оренбурга с начала года "вступило в Россию золота 13 пудов 1 фунт 15 золотников, серебра - 1186 пудов 22 фунта, пошлин взято 82949 рублей". По свидетельству П. И. Рычкова, с 1748 по 1755 год через Оренбург в Россию ввезено до 55 пудов золота и 4600 пудов серебра, а это при недостатке в то время в государстве драгоценных металлов, имело важное значение. Скоро Оренбург обзавёлся даже собственной плавильней, где "сплавку" золота и серебра, согласно указу Сената, производили так, как в "Москве на монетном дворе чинится... дабы оное серебро и золото без вторичной сплавки прямо в передел было годно".

Видя успехи внешней торговли, Неплюев составил проект о торговле России с Индией, но этому проекту,

к великому его огорчению, не дали хода.

В 1754 году, когда в Оренбурге кипела творческая, созидательная работа, преобразующая край к лучшему во всех отношениях, среди башкир был подготовлен хорошо организованный заговор, у истоков которого стоял мешеряцкий мулла Абдулла Мязгильдин, религиозный фанатик, известный в народе под прозвищем Батырши Алеева. Батырше удалось склонить на свою сторону не только башкир, но и казанских татар, и киргизов. Восстание полыхнуло по всему краю почти в один и тот же час.

Несмотря на сильное недомогание, Неплюев принял на себя руководство по прекращению мятежа. Он распорядился, чтобы во всех крепостях и редутах были приняты надлежащие меры предосторожности, и потребовал присылки войск, указав при этом места, где должны были собраться вызванные полки, и дав подробные наставления, как им действовать. Одновременно с этим, Неплюев отправил киргизскому хану Нурали грамоту, в которой просил удерживать свой народ от участия в бунте, а киргизским старшинам - подарки в сопровождении толмачей из мусульман с тем же пожеланием. Но, самое главное, по всему краю были разосланы указы, обещающие прощение бунтовщикам, если те явятся с повинной. В результате восстание было прекращено, а Батырша пойман и отвезён в Петербург.

Чувствуя, что здоровье не позволяет больше оставаться на трудном и ответственном посту оренбургского губернатора, Неплюев подал прошение об отставке, которое и было принято в 1758 году.

До 1760 года Иван Иванович жил в Петербурге как частное лицо, а затем снова поступил на службу в звании сенатора и конференц-министра, но в должности пребывал, "немым" по собственному его выражению, "ибо никто уже и мнения моего не требовал".

Храм, выстроенный И. И. Неплюевым в селе Поддубье

Двадцать восьмого июня 1762 года, при отъезде заговорщиков и будущей императрицы Екатерины II в Петергоф для принятия от Петра III отречения от престола, Неплюеву был поручен цесаревич Павел Петрович, а также и весь Петербург со всеми находившимися там войсками. Во время коронации Екатерины II в Москве, Петербург был снова оставлен на Неплюева.

Позже государыня наградила Неплюева орденом Св. Андрея Первозванного и положила ему сверх жалованья по 500 рублей в месяц. Награды "действительному тайному советнику (с 1751 года. - Авт.), сенатору и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву были пожалованы за долгую службу, а особенно за учинённое им в бытность его в Оренбурге знатное приращение государственных доходов".

Между тем, здоровье Неплюева всё более ослабевало, и в середине 1764 года он, уже совершенно ослепший, явился к Екатерине II с просьбой об увольнении от службы. Императрица усадила его подле себя и, предугадывая его намерение, сказала: "Я разумею тебя, Иван Иванович! Ты конечно хочешь проситься в отставку, но - воля твоя - я прежде тебя не отставлю, пока ты не отрекомендуешь мне на свое место человека с такими же достоинствами, с какими ты". Неплюев, растроганный до слёз, отвечал:

"Нет, Государыня, мы ученики Петра Великого; проведены им сквозь огонь и воду; инако воспитывались, инако думали и инако вели себя; а ныне инако воспитываются, инако ведут себя, инако мыслят. Итак, я не могу ни за кого, ниже за сына моего ручаться".

При выходе в отставку, Неплюев получил в награду "за верную, честную, многополезную и продолжительную службу" несколько деревень в Малороссии и двадцать тысяч рублей. После этого Неплюев ещё некоторое время жил в Петербурге, навещаемый императрицей, которая иногда совершенно запросто у него обедала.

В 1765 году он побывал в своем родовом имении Поддубье, а затем поехал в Малороссию, но по дороге

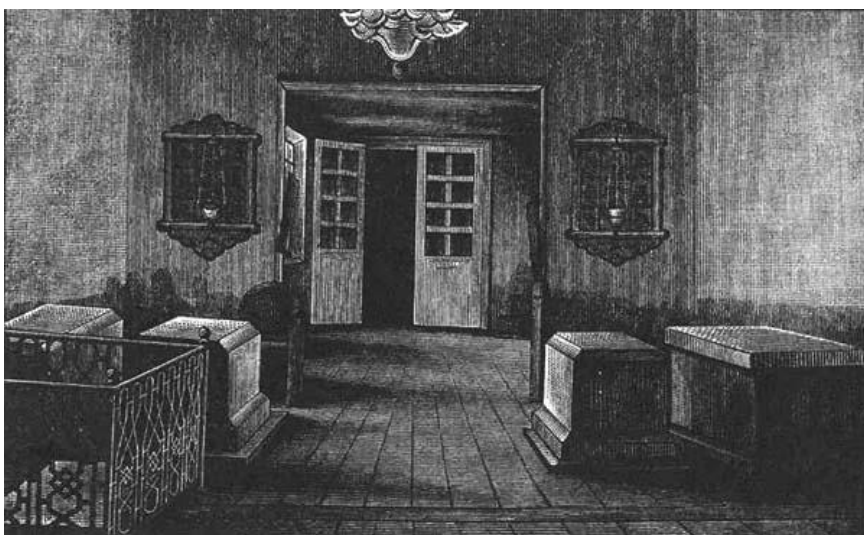
сильно занемог и выписал к себе сына Николая Ивановича, служившего в Петербурге. Состояние Неплюева было настолько слабо, что сын счёл необходимым забрать отца в Петербург. Однако Неплюеву скоро наскучила бездеятельная жизнь в столице, и он отправился в Поддубье строить храм.

В октябре 1773 года Неплюев почувствовал полный упадок сил, стал готовиться к смерти и в течение трёх дней диктовал князю Андрею Ивановичу Мышецкому и Василию Васильевичу Татищеву письмо к своему сыну Николаю Ивановичу. В числе последних наставлений особенно замечательно следующее:

"Люби своё отечество и в зашищение того пользы не щади не только благосостояния, но и жизнь.

Подчинённым твоим и паче крестьянам будь больше отец, нежели господин, имея присно в памяти слово Божие: "милости хочу, а не жертвы", и что они такие же люди, как и ты, кроме чинов и власти, данной тебе гражданскими законами".

Скончался Неплюев 11 ноября 1773 года на восемьдесят первом году жизни и похоронен в Поддубье, в им же построенном храме.

Надгробные памятники внутри Поддубского храма

Автор "Деяний Петра Великого" И. И. Голиков, бывший у Неплюева домашним чтецом и знавший его в течение двадцати лет, писал:

"Сей достопочтенный муж имел разум твердый и тонкий, деятельность неусыпную, правосудие строгое и никакими пристрастиями и интересами непоколебимое..., был враг вольнодумства, суеверия, ласкательства и потаковщиков; всякие несчастья и прискорбности сносил с благодарением Богу, веруя несумненно Провидению Его, управляющему жребием смертных".

Иван Иванович Неплюев имел детей: Адриана (1712-1750)-служил послом в Саксонии и Турции, Марию (1714-1769) - была замужем за вице-адмиралом В. Я. Римским-Корсаковым, Ивана (1716-1723), Анну (1730-1790) - была замужем за действительным тайным советником президентом Камер-коллегии М. К. Луниным, Николая (1731-1784) - сенатора, первой женой которого была княжна Т. Ф. Мещерская (1730-1755, умерла в Оренбурге), а второй Агриппина, дочь двоюродного брата Петра I обер-гофмаршала А. Л. Нарышкина.

Внуки Неплюева Иван и Дмитрий (Николаевичи) стали генерал-адъютантами и сенаторами.

Афанасий Романович ДАВЫДОВ, *оренбургский губернатор в 1759 - 1763 годах*

Об Афанасии Романовиче Давыдове биографических сведений сохранилось немного. Но известно, что на момент прибытия в Оренбург вновь назначенный губернатор А. Р. Давыдов находился в звании генерал-майора: в "Историко-статистическом описании Оренбургского казачьего войска" помещены некоторые распоряжения Давыдова, и среди них - ордер к атаману Оренбургского казачьего войска Могутову от 2 июля 1759 года о вступлении его, генерал-майора Давыдова, в должность оренбургского губернатора и посему требовавшего от Могутова обо всех казаках его ведомства рапортовать ему, как и "до сего бывшему" губернатору И. И. Неплюеву.

Чтобы понять, в какое непростое время прибыл А. Р. Давыдов в Оренбург, необходимо напомнить, что происходило в губернии накануне.

В феврале 1758 года, перед отъездом в Петербург, Иван Иванович Неплюев разделил все бывшие в его подчинении войска на две бригады и поручил их бригадирам князю Путятину и Бахметеву. Путятину были подчинены казаки Уфимской провинции, оренбургских крепостей и Яицкого войска, а также ставропольские калмыки, Бахметеву - исетские и донские казаки, находившиеся в Исетской провинции. Обязанности начальника края до прибытия нового губернатора возлагались на генерал-майора Алексея Ивановича Тевкелева, бывшего у Неплюева помощником по иностранным делам и торговле.

Тевкелев (Кутлу-Махмет Мамешев) в своё время был старшим переводчиком при Петре I по секретным делам, посылался в Малую орду для переговоров с ханом Абул-Хаиром о принятии в русское подданство и о построении на Яике крепости при устье реки Орь. Главнейшую заботу Тевкелева составляло улаживание возникших затруднений с Китаем. После того, как Зюнгария (Джунгария) была завоёвана китайцами при содействии киргизов Средней орды, калмыки, в том числе и многие бывшие владельцы (нойоны и зайсанги), стали переходить в русские пограничные места, прося о принятии их в подданство. Русское правительство в большинстве случаев оказывало таким беглецам покровительство, и одних, после крещения в православие, направляло на жительство в Ставрополь, а других, некрещеных - в астраханские степи, в Калмыцкую орду.

Китай твердо желал подчинить Среднюю орду своему влиянию. По этому поводу у России произошла крупная размолвка с китайским правительством, опасались даже нападения на сибирскую границу. И не без причин: китайских войск вблизи неё содержалось до 180 тысяч человек.

У главного же владельца Средней орды султана Аблая была своя политика: постепенно сближаясь с китайцами и получая за то определённые выгоды (богдыхан пожаловал ему титул князя и обещал иметь "вместо сына"), он не хотел оставить и тех земель, которые были заняты им у российских границ, а потому продолжал признавать себя русским подданным.

Такое двусмысленное положение, разумеется, было крайне неприятно русскому правительству. Более того, оно предполагало, что перейдя в подданство Китая, киргизы наладят сношения с другими своими единоверцами, и тогда над российскими окраинами нависнет постоянная угроза набегов. Тевкелеву было поручено приложить всяческое старание, чтоб отвратить султана Аблая от принятия китайского подданства, а хана Малой орды Нурали склонить пойти с войском против китайцев.

После разъяснений по зюнгарским делам, сделанных Коллегией иностранных дел китайскому правительству, вероятность войны с Китаем уменьшилась. Однако в 1758 году богдыхан уведомил Петербург, что Средняя орда окончательно принята им в своё подданство. На запрос Сената по этому поводу, китайский трибунал отвечал, что у них "нет того обычая, какой посторонние государства имеют, что берут с вошедших в подданство владений или обязательные присяги или в заклад детей". Ввиду такой неопределённости Сенат предписал отправиться в степь или самому генерал-майору Тевкелеву, или его сыну капитану Осипу Тевкелеву и вновь попытаться отговорить киргизов от китайского подданства. Но поездка в степь Осипа Тевкелева оказалась почти безрезультатной.

Вот в это-то сложное время и вступил в должность оренбургского губернатора генерал-майор Давыдов, человек уже пожилой, крайне бестактный, сварливый, заботившийся более об удовлетворении своего самолюбия, чем о деле. Эти качества нового начальника края сразу же обострили и без того непростые отношения с новоподданными киргизскими ордами.

Давыдову, при вступлении его в должность, Коллегия иностранных дел рекомендовала вместе с грамотой императрицы о назначении его губернатором послать киргизским ханам, султанам и старшинам некоторую сумму "для приласкания" и в подарок пристойные для них вещи, но Давыдов на это почти не обратил внимания.

В сентябре 1759 года для свидания с новым губернатором и отдачи ему в аманаты* следующего своего сына, шестилетнего Артур-Галея, в Оренбург приехал хан Нурали с братьями Ирали и Айчуваком и в сопровождении большой свиты. Губернатор принял хана крайне неучтиво, не сделал ни ему, ни братьям, ни свите обычных в таких случаях подарков, и это, по словам А. И. Лёвшина, "оскорбило их до такой степени, что они не хотели проститься с ним".

В одном из прошений на имя императрицы Елизаветы Петровны, хан Нурали, жалуясь на дурной приём, оказанный ему губернатором, писал:

"...Господин тайный советник Давыдов в Оренбург хотя и прибыл, однако ж, я по прежнему генерал-майора Тевкелева увещеванию, в сентябре 1759 года сына моего ему, Тевкелеву, в аманаты на руки отдал с таким упованием, что через то неоконченные наши дела к окончанию приведутся..."

Неучтивость Давыдова ещё более ухудшила и осложнила отношения с Малой ордой, киргизы не стеснялись грабить проходящих и проезжающих едва ли не прямо у стен города. Однако в сентябре 1759 года, воспользовавшись тем, что киргизы без разрешения перекочевали на правую сторону Яика, Давыдов добивался от императрицы разрешения наказать их за то военной силой...

* Почётный заложник, оставляемый добровольно как свидетельство доверия и преданности.

Выкопировка Нижнеяицкой дистанции из карты, составленной Красильниковым в 1753 году

(Увеличенную копию карты смотрите в отдельном файле – 64_b.jpg)

В своё время И. И. Неплюев рассматривал подобные переходы киргизов через Яик на русскую сторону, особенно в зимнее время, как возможность скорейшего сближения их с русскими. Такого же мнения придерживался и Тевкелев, когда исправлял должность губернатора: он также разрешал киргизам кочевать со скотом по правому берегу Яика. Случавшиеся же при этом недоразумения между яицкими казаками и киргизами улаживались более или менее легко.

При Давыдове дело приняло иной оборот. Киргизы стали переходить за Яик без разрешения (и сам хан Нурали с братьями подавал в этом пример своим соплеменникам), словно нарочно выискивая повод для ссор. Переходы сопровождалась грабежами, отгоном скота, драками с казаками и волжскими калмыками, заканчивающимися иногда убийствами.

С обеих сторон сыпались жалобы, расследования же производились медленно и не всегда справедливо. В 1760 году, например, калмыками и казаками было отнято у киргизов три тысячи лошадей, а возвращено немногим более двухсот. Яицкое войско, благодаря слабости главного начальника края, стало даже требовать, чтобы киргизы и по левому берегу близко не кочевали, так как у казаков здесь заведены хутора и сенокосы. Грубость, бестактность и нежелание Давыдова вникать в сущность дел, добиваться справедливости, довели киргизов до того, что хан Нурали стал подумывать об откочевании на свободные зюнгарские земли и даже советовался с только что вступившим в русское подданство нойном Шереном. Султан Ирали говорил: "Для чего за такую безделицу, как один перепуск скота на внутреннюю сторону Яика, давать аманатов, кроме Яика земли много, и Яик можно оставить".

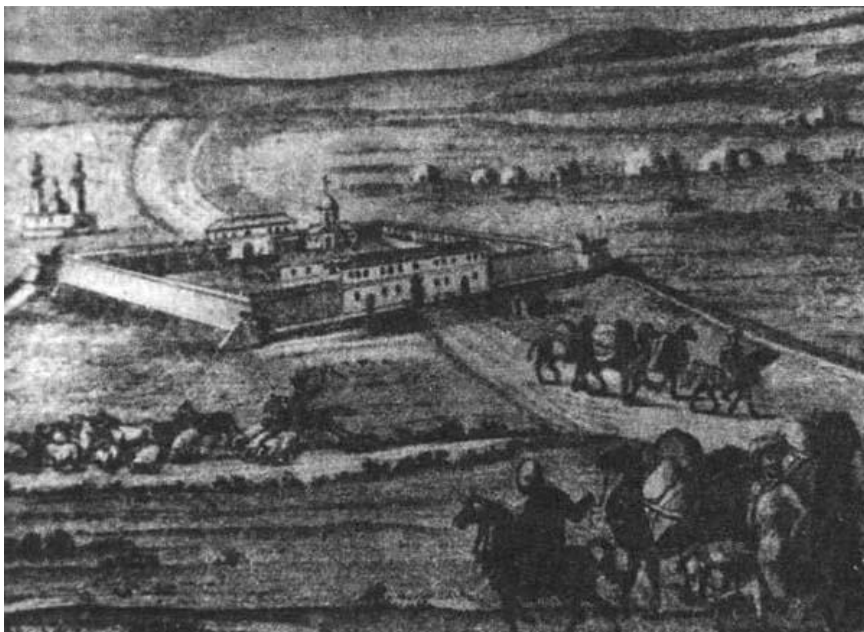
Но удаление киргизов на зюнгарские земли было весьма нежелательно, и Коллегия иностранных дел настоятельно советовала Давыдову обращаться с киргизами ласково, в разговорах с ними иметь умеренность и осторожность, воздерживаться от крепких "терминов", не жалеть денег на подарки и заводить дружбу при всяком удобном случае, в делах поступать без пристрастия и партикулярных ссор. Ханского сына, находящегося в аманатах, Коллегия рекомендовала губернатору охранять от оспы, всячески ублажать, почаще брать к себе в дом, чтобы весть об этом дошла до хана и его братьев. Та же Коллегия, минуя губернатора, в 1761 году положила братьям хана Ирали и Айчуваку по двести рублей в год - для большего взаимопонимания.

Но жалобы киргизов на Давыдова продолжали поступать императрице Елизавете Петровне, причём, в большинстве своём, справедливые, и Давыдов счёл за благо подать прошение об отставке, уверяя, что по старости и болезни не может вести успешно заграничные дела.

Хан и старшины просили назначить вместо него оренбургским губернатором Тевкелева, но Коллегия иностранных дел нашла необходимым ещё на некоторый срок оставить Давыдова на службе и исходатайствовала назначение в товарищи (заместители. - Авт.) к губернатору по заграничным делам находившегося в ссылке в Оренбурге статского советника Василия Евдокимовича Адодурова*. Однако умный и в своё время передовой человек в качестве помощника Давыдова мало чем помог делу - упрямый старик продолжал поступать по-своему и, несмотря на то, что "правительство прилагало всякие старания к тому, чтобы не давать никакого повода к

* Адодуров В. Е. (1709-1789) - учёный и государственный деятель, адъюнкт Академии наук по высшей математике. Известен как переводчик и преподаватель русского языка (среди его учеников была будущая императрица Екатерина II, в царствование которой Адодуров занимал высокие посты в государственном управлении). Во время пребывания в Оренбурге (был сослан сюда в результате дворцовых интриг) вел деятельную научную переписку с историком Миллером (основателем норманской теории), посылал ему чучела местных животных, образцы литературного творчества восточных народов. По возвращении из ссылки назначен президентом Мануфактур-коллегии и куратором Московского университета. С 1774 года - сенатор.

неудовольствиям киргиз", по-прежнему вел себя с ними грубо и вызывающе. Так, осенью 1761 года, когда в Оренбург прибыли из степи ханские братья Ирали и Айчувак, губернатор обошёлся с ними во всегдашнем своём духе, следствием чего явилось возобновление грабежей купеческих караванов, и торговля в Оренбурге, выпестованная трудами и заботами И. И. Неплюева, почти совсем прекратилась. На меновом дворе не стало никакого порядка, случались даже убийства киргизов, которые, в свою очередь, нападали на солдат.

Меновой двор под Оренбургом. Рисунок из рукописи П. И. Рычкова

В том же 1761 году Давыдов отказал хану Нурали в просьбе отправить депутацию в столицу - из опасения, что киргизы будут на него жаловаться. Коллегия иностранных дел, однако, нашла действия губернатора неправомерными, поскольку с 1756 года хану было дозволено посылать депутации в столицу хотя бы для одного только приветствия государыне, и предписала Давыдову пропустить людей Нурали в Петербург.

Следует отметить ради справедливости и те распоряжения, которые характеризуют Давыдова в несколько ином виде – как внимательного и заботливого начальника. По его ходатайству, например, разрешено было выдавать "казакам, командируемым от домов не менее 50 верст, по 50 коп. месячного жалованья и провиант, а на зимние месяцы, если в казаках необходимая на форпостах надобность будет, и на лошадей их фураж, как командируемым за 100 вёрст".

Давыдов выступал и против самоуправства чиновников. В частности, он запретил начальникам дистанций и командирам крепостей самим налагать наказания на казачьих атаманов и других подчинённых, а представлять их "во всех их провинностях и ослушаниях" губернатору. Распоряжение это последовало по жалобе атамана Сорочинской крепости Полякова, которого поручик Малахов "бил плетью за то, что он, атаман, просил письменного приказа о командировании двух казаков, обще с регулярными, для жжения углей". Поручику Малахову - "за то, что так своевольно и отважно к наказанию плетью объявленного атамана Полякова поступить дерзнул" - объявлен при полку "крепкий реприманд".

Однако эти распоряжения мало что меняют в общем портрете второго оренбургского губернатора. По свидетельствам историков того времени, Давыдов "не обладал умением вникать в сущность дела и понимать окружающие обстоятельства", не дорожил людьми способными и знакомыми с условиями края. Именно поэтому, как пишет исследователь, автор "Истории Тургайской области" А. И. Добросмыслов, в 1761 году подал в отставку "известный знаток Оренбургского края" Петр Иванович Рычков.

Правительство, желая покончить с бесконечными жалобами и обидами друг на друга киргизов, яицких казаков и калмыков, предложило оренбургскому губернатору склонить хана Нурали к постройке крепости на реке Эмбе, завести здесь дома для ханского семейства, устроить скотные дворы и, приучив киргизов к сенокосению, постепенно приохотить их зимовать в отдалении от русской границы. Но ничего из этой затеи, кроме продолжительной и бесплодной переписки, не вышло, так как киргизы вообще к постройке крепостей относились подозрительно, тем более ко всему, что делалось при участии губернатора Давыдова.

Двадцать пятого декабря 1761 года скончалась Елизавета Петровна, и на престол взойшёл Петр III, о чём ханам и султанам были посланы известительные грамоты. Но когда воцарилась Екатерина II (28 июня 1762 года), помимо обычной посылки грамот, потребовано было и приведение к присяге. Хан Нурали и все султаны приняли

присягу незамедлительно, и лишь к Ирали пришлось направлять посланца с "увещанием и вразумлением, что он лишится назначенного ему жалования"...

С переменой царствования произошли перемены и в управлении Оренбургским краем: В. Е. Адодуров получил назначение в Петербург, а на его прежнее место был определён в звании вице-губернатора статский советник Дмитрий Васильевич Волков, который вскоре, за увольнением в отставку Давыдова, был назначен оренбургским губернатором.

Дмитрий Васильевич ВОЛКОВ, *оренбургский губернатор в 1763 - 1764 годах*

Дмитрий Васильевич Волков родился в 1718 году в Подмоскowie, в старинной дворянской семье. Завершив образование, поступил на службу в московский архив Коллегии иностранных дел и, благодаря уму и деловым качествам, приобрел расположение влиятельного графа И. И. Шувалова.

В 1756 году, когда императрица Елизавета создала Конференцию (высший на ту пору государственный орган), Волкова, по протекции Шувалова, взяли туда секретарём. Скоро "не было политической тайны, о которой не сообщалось бы ему", утверждал тайный советник фон Гельбиг. Этот саксонец, аккредитованный при русском императорском дворе и создавший на основании личных наблюдений описание 110 исторических лиц России и придворных "любимцев и баловней счастья", первым* заговорил о Волкове как о выдающемся государственном деятеле.

Вот что писал фон Гельбиг:

"Волков был человеке весьма просвещённым умом, говорил на нескольких языках с величайшим совершенством, хотя никогда не выезжал из России; знал своё отечество в точности, обладал необыкновенным знанием людей и вообще был одним из величайших умов, какие только производила Россия... Правила его как мужа, как отца, как друга, хвалились всеми, кто его знал".

Дмитрий Васильевич заслужил славу самого искусного составителя рескриптов, и после кончины Елизаветы Петровны занял в новом Совете Петра III то же место, какое занимал в прежней Конференции. Именно ему было поручено составление условий мирного договора с Пруссией. И 31 января 1762 года довольный Пётр III назначил Волкова тайным секретарём.

Д. В. Волков

Фельдмаршал Миних пишет в своих мемуарах:

"Вместо Кабинета Он (Пётр III. - *Авт.*) учредил Комиссию, членами которой были... и наконец, действительный статский советник Волков, водивший пером и бывший ближайшим советником государя, и потому стоял гораздо выше всех членов комиссии, так что решения Волкова составляли правительство при Петре III".

В словаре Брокгауза и Ефрона на этот счёт сказано короче: "Все думали головою Волкова".

Однако несмотря на своё особое положение, Волкову не удалось избежать гнева Петра III, доходившего до безумия. Екатерина II в "Заметках на книгу абб. Денина: "Опыт жизни о царствовании Фридриха II, короля

* По сообщению оренбургского краеведа Е. Г. Вертоусовой.

Прусского" позднее писала:

"...Когда он (Пётр III. - Авт.) был в гневе, он придирался ко всему, что его окружало. Его фавориты были очень несчастны, они не смели поговорить друг с другом, чтобы не возбудить в нём недоверия, а как только это последнее разыгрывалось в нём, он их сёк на глазах у всех. Oberstallmeister Нарышкин, генерал-лейтенант Мельгунов, тайный советник Волков - были высечены в Ораниенбауме в присутствии дипломатического корпуса и человек до ста мужчин и женщин, которые присутствовали на празднике..."

Прусский посланник в России Гольц и прусский граф Шверин постоянно твердили Петру III об опасности таких людей, как Шувалов, Мельгунов и Волков, ждущих лишь случая для отнятия у Петра престола.

Когда же престол был отнят (а вместе с ним и жизнь), прусский король Фридрих II убедился, насколько обманулись его министры в своих наблюдениях. "Лица, - писал он, - на которых смотрели как на заговорщиков, всего менее были виновны в заговоре. Настоящие виновники работали молча и тщательно скрывались от публики".

После переворота 28 июня 1762 года, Волкова, Мельгунова и Гудовича, считавшихся близкими "отрёкшемуся" императору, подвергли краткосрочному аресту. Впрочем, больше из предосторожности, чтобы они не стали действовать в пользу Петра III.

Освободившись, Гудович вышел в отставку и скрылся в своей черниговской деревне, а Мельгунов был временно удалён на южную Украину. Волкова же, как "человека даровитого и могшего быть очень полезным, в отставку не пустили, - пишет историк С. Соловьёв, - а отправили в Оренбург вице-губернатором: "поступили с ним также, как Елизавета поступила с Неплюевым при своем воцарении".

Но Волков получил и конкретное задание: прислать "обстоятельное тамошних дел описание в рассуждение Башкирцев и Киргизского народа". Довольно скоро он разобрался в обстановке и "с смущением узнал печальное состояние и учреждение Оренбургской губернии".

Не имея достаточных полномочий действовать, Волков начал проситься в отставку, на что Екатерина II предложила ему занять пост губернатора:

"Господин статский действительный советник. Как письмо ваше, так и ревность к службе приемлю я с особым благоволением. Старайтесь и впредь о киргизских и башкирских делах, точные собрав сведения, обстоятельно мне представить... Мне знающий в политических делах человек, в такой отдалённой и пограничной губернии весьма надобен"*.

На милостивое и лестное письмо государыни Дмитрий Васильевич ответил пространным, на восьми листах, посланием (26 мая 1763 года). В нём он ссылаясь на затруднительное положение семьи (у него у самого было три сына и три дочери, да у брата пять дочерей), не находил "в себе способности исполнить ожидание", но вместе с тем касался многих и весьма важных вопросов, имеющих жизненное значение для будущности Оренбургского края.

Историк П. Н. Столпянский в своей книге "Город Оренбург" называет письмо Волкова Екатерине II замечательным документом, запиской о тогдашнем состоянии Оренбургского края. "И мы позволяем себе высказать предположение, - продолжает Столпянский, - что императрица в своих дальнейших предначертаниях и заботах о крае руководствовалась этим документом. Разбор этого документа дело историка Оренбургского края".

Содержание письма стало известно читателям благодаря исследованию оренбургского краеведа Е. Г. Вертоусовой. Вот что писал Екатерине II Волков:

"Я часто разбирал, какая есть разница между здешнею и прочими губерниями? В чём главнейшее состоит или состоять имеет должность здешнего губернатора? И каких потому качеств ему быть надобно? В другом месте довольно не токмо к приобретению от своей губернии похвалы и благодарности, но может быть и к совершенному исполнению своей должности, быть правосудну, не трусу и не лакому, а при том стараться, чтоб дела и тяжбы умалять и сокращать, а не новые заводить. Нужно и здесь всё сие... Великого здесь требует губернаторского труда и попечения..."

Далее он предлагает подробно, по пунктам, разобраться, почему не выполнены планы Петра I о торговле с Индией и что надо делать, чтобы вернуться к ним и их выполнить:

* Историк В. Н. Витевский в своём труде о И. И. Неплюеве приводит следующий факт:

"Когда на место А. Р. Давыдова назначен был губернатором в Оренбург Дмитрий Васильевич Волков, бывший тайным секретарём у Петра III, императрица приказала ему отправиться к Неплюеву, вручив собственноручное письмо следующего содержания:

"Иван Иванович!

По знанию Вашего состояния и дел Оренбургской губернии, приказала я отправить туда губернатору с сим к вам явиться, желая, чтоб нужные наставления в рассуждении тамошних обстоятельств ему дали. Я уповаю, что ваши советы, оставшись в его мыслях, многое подадут ему просвещения".

"В киргизских делах не оставаться при той политике, чтоб им ежегодное только жалование платить, а в прочем за находку почитать, когда, слава Богу, новых и частных хлопот, и российским жилищам от них разорений нет. Хорошо, что одно зло меньше стало, но разве тому и радоваться, что того нет, чему и быть не надлежало... Почто скучать церемониальными с ханом свиданиями'?.. Одним дружеским разговором сто раз можно более сделать, нежелидесятью церемониальными свиданиями. Азиаты имеют ещё славу верных друзей и что деньгами не можно, то дружбою получить удобно... Померзли, например, нынешнюю зиму от холода и голода и киргизцы, и скоты их, вот случай и настoit хлебом их разлакомить и к заведению лесов поощрить. Мало, скажут мне, хлеба и в самом Оренбурге, но если о сём рассуждать, то никогда и Оренбурга не было бы. В самом начале его заведения получался сюда хлеб весьма высокою ценою, да и то так трудно и недостаточно, что помирали люди с голоду. Ныне, слава Богу, становится сюда мука гораздо дешевле, нежели в Новгороде..."

Ответ государыни был таков:

"...Состояние ваше собственное, сколько на первый случай прилично мне показалось, я поправила (из письма правнучки Д. В. Волкова, урождённой Балкашиной, известно, что в 1763 году Екатерина II пожаловала Дмитрию Васильевичу значительное имение. - Авт.). Не скучайте своими обстоятельствами, а трудитесь делом своим, так как вы мыслите изрядно... Генеральное описание оренбургских дел мне очень нужно. Пришлите его поскорее. Что касается до приведения в лучшее состояние коммерции с Бухарцами и Хивинцами, в том начинайте трудиться...

Какие вы думаете политические и экономические распоряжения сделать для коммерции с Бухарцами и Хивинцами, чтоб она простираться могла до Индии, и какой вам прожектор надобен, дайте о том и о другом знать, я вам, усмотря полезное, помогать буду... Противу опасных дорог от грабительств, придумайте способы и мне представьте... О крепостях линейных пришлите прямое сведение, какого и в чём они требуют поправления, а особливо опишите мне тяжкую работу и то иго, в котором тамошние солдаты порабощены... То же сделайте и об Илецкой соли.

Тринадцатого июня 1763 года Екатерина II "облекла Д. В. Волкова полною своею доверенностью". В этот день в журнале Сената появилась запись:

"Оренбургского вице-губернатора Волкова туда же в губернаторы с тем полномочием, что её императорское величество ему доверяет по его в делах способности к её императорскому величеству от себя самого всякие представления делать и присылать проекты".

В киргиз-кайсацкие орды хану Нурали и султану Аблаю был направлен указ:

"Мы, Великая Государыня... заблагорассудили определить в Оренбург губернатором нашего действительного статского советника Дмитрия Волкова".

Волков отказывался от должности, выставляя свою несостоятельность при сильном сопернике генерал-майоре Тевкелеве. Алексей Иванович действительно надеялся получить место оренбургского губернатора после Давыдова, о чём распространился слух и в киргизских степях.

Сам Тевкелев в это время находился в Петербурге, и императрица велела вице-канцлеру Голицыну посоветоваться с ним о киргизских делах.

В своей записке в Коллегию иностранных дел от 1 июня 1763 года Екатерина II писала, что Тевкелев относительно обустройства жизни киргизов "имеет идеи кажется изрядные". И далее:

"Князю Александру Михайловичу (Голицыну. - Авт.) надобно в ту свидании иметь великую терпению, понеже Тевкелев несколько радотировает, и дабы он более гаварил, надобно ему показать податливость, входить в его представления, он многово полезного знает, и весьма великая вера в те народы к нему имеют, а после того разговора желаю знать мнения вице-канцлера и Коллегии иностранных де, дабы можно было установить систематические обхождения с ними (киргизами. - Авт.), что служить опосле может и с прочими похожими народами..."

Тевкелев объявил, что он не может подать никакого мнения, пока не будет знать, угодно ли императрице послать его на восточную Украину; если будет послан, то подаст мнение, каким образом он будет поступать, а иначе для другого человека мнения написать не может, причём превозносил прежние свои службы.

Коллегия доносила:

"Примечено из его слов, что он охотно бы поехал туда, может быть, захочет он получить главную команду в Оренбурге, но кажется, в рассуждении его магометанского закона, то было бы не весьма прилично".

Ознакомившись с докладом об этом канцлера, Екатерина II приказала:

"Генерал-майора Тевкелева оставить в покое и с ним ничего не рассуждать более по киргизским делам".

Так закончилась деятельность этого человека, продолжавшаяся более тридцати лет...

О Волкове же императрица заметила, что ему даны "достаточные средства" держаться на своём месте.

Коллегия иностранных дел препроводила через Волкова известительные грамоты киргизским владельцам о его назначении оренбургским губернатором и рекомендовала послать с грамотами подарки. И вообще, говорится в инструкции далее, "сей дикий и легкомысленный народ не столько строгостью, сколько ласковостью

и снисходительностью уловляем быть может, подлинно, в некоторых случаях и твёрдость нужна..." Однако "не надлежит пренебрегать об оказании им по справедливым их жалобам надлежащего правосудия", возможно, "хан, отчаяваясь ныне видеть генерал-майора Тевкелева, и сам принужден будет искать вашего приятства?"

Несколько опережая события, скажем, что так оно и случилось: хан Нурали очень был недоволен отъездом из Оренбурга Волкова. Он написал императрице, что считает Волкова "способным к управлению киргиз-кайсацких дел", как прежде только Неплюева и Тевкелева, что встречался с ним лично и что после его отъезда "непорядочно стало".

В ответе ему значилось: "Волков определён здесь к другой должности".

В короткое губернаторство Волкова, в 1763 году, разрешено было в пограничных крепостях продавать киргизам беспошлинно хлеб, "дабы этот народ царскую милость чувствовал, от подданства империи пользу признавал".

Успел Волков потрудиться и для славы илецкой соли, представляя, что она наилучшей по всему миру почитается. И Медицинская канцелярия подтвердила слова оренбургского губернатора, признав, что, по испытании в солении мяса и рыбы, илецкая соль оказалась хорошего качества. Однако Главная соляная контора донесла, что "илецкая соль явилась в больших и мелких глыбах вся в пыли, а на некоторых глыбах грязь и сор и часть песку, который и отделить начисто от соли нельзя, и из мелкой соли выбрать сору также нельзя". Сенат потребовал, чтоб соль была прислана к нему на пробу, и приказал Волкову "ехать на то место, где соль ломается, и осмотреть, в каком она состоянии, сама ли собою нечиста или дурной вид её произошёл на пути от небрежения".

О дальнейших действиях оренбургского губернатора в пользу илецкой соли сведений не обнаружено.

Вскоре правительство предписало Волкову, как в своё время и А. Р. Давыдову, заняться постройкой дома хану Нурали, но результат был тот же: хан уклонялся от постройки ему дома. Оренбургский губернатор, со своей стороны, предлагал наказывать плетью тех киргизов, которые будут пойманы на европейском берегу Яика. Но это предложение Коллегия иностранных дел не одобрила, найдя, что сия мера может повести к ещё большим "продерзостям". На случай же, если в экстренных мерах против киргизов нужда всё-таки возникнет, была выслана Волкову грамота на имя калмыцкого наместника Убаши, которой тому предписывалось по слову оренбургского губернатора идти с войском для умирения киргизов.

При Волкове так же, как и при Давыдове, купеческие караваны в степи часто подвергались разграблениям. Но при этом было замечено (и сделано соответствующее заключение), что караваны, сопровождаемые киргизами из рода шекты, обычно достигают Оренбурга благополучно. Секрет был прост: хан Нурали и его братья боялись этого рода, сильнейшего в орде, а потому избегали трогать купцов, сопровождаемых шектинцами...

И всё же Дмитрий Васильевич тяготился своей службой в Оренбурге. Благодаря стараниям друзей, среди которых был знаменитый полководец Румянцев, Волков не задержался на "среднеазиатской украине" также долго, как Неплюев, а скоро был возвращён в столицу.

А возможно, сыграл роль и тот факт, что в 1763 году появилась молва о том, что Пётр III не умер, а бежал и скрывается у яицких казаков. Было известно, что в селе Спасско-Чеснокове поп и дьячок служили благодарственный молебен о чудесном спасении императора Петра III.

Как бы то ни было, но уже в июне 1764 года одно из писем Екатерины II Волкову было адресовано не как оренбургскому губернатору, а как президенту Мануфактур-коллегии.

После того, как Дмитрий Васильевич побыл президентом Мануфактур-коллегии, его назначили петербургским генерал-полицеймейстером, а затем смоленским наместником. Когда в Москве объявилась чума, он был послан в первопрестольную, и его благоразумными распоряжениями и неутомимыми стараниями это ужасное зло было в значительной мере ослаблено. "Везде употребляли его, так как он во всех случаях приносил самые мудрые меры", - писал фон Гельбиг.

В отставку Волков вышел в 1780 году, и в 1785 году, в возрасте шестидесяти двух лет, скончался в своём имении селе Крест Витебской губернии.

Дмитрий Васильевич был женат на Прасковье Борисовне Никитиной и от брака с ней имел шестерых детей: сыновей Николая (впоследствии действительный статский советник, губернатор в западном крае), Алексея (служил в гвардии, секунд-майор), Сергея (камер-юнкер, умер в 1835 году), дочерей Веру (была замужем за статским советником Булычёвым), Надежду (вышла замуж за князя Романа Николаевича Ухтомского), Любовь (жена надворного советника Геденова).

Абрам Артемьевич ПУТЯТИН, *оренбургский губернатор в 1764-1768 годах*

В декабре 1764 года оренбургским губернатором был назначен тайный советник генерал-майор князь

Абрам (Авраам) Артемьевич Путятин.

В 1727 году Путятин был определён солдатом в Суздальский пехотный полк.

Князь Путятин в чине бригадира принимал участие в так называемой Семилетней войне (русско-прусская война 1756-1762 годов). Это явствует из приказа, который полководец граф П. А. Румянцев отдал в 1761 году, накануне осады и взятия Кольберга:

"...Приказано от меня как генерал-поручику и прусскому губернатору Суворову*, так определённому к приготовлению того подвозимого провианта бригадиру князю Путятину... старание прилагать и более провианта и овса в Померанию для будущих тамо войск подвозить, доставляя оной туда сухим путём или из Кенигсберга морем, а особливо в Лебе и Столпеминду, да по занятии вами и в Ригинвальде".

В 1762 году, по окончании войны, князь Абрам Артемьевич Путятин был произведён в генерал-майоры, а через два года, вернулся в Оренбургский край его губернатором.

Герб князей Путятиных

Щит разделен горизонтально надвое; в верхней части в лазуревом поле золотой крест; в нижней части в червленом поле, серебряная литера. Щит покрыт княжеской мантией и увенчан российско-княжеской шапкой

Главная заслуга князя Путятина на этом посту - упорядочение земельных владений в крае, прекращение того беспорядка, какой имел здесь место в те годы, - он отчётливо просматривается из публикуемого чуть ниже фрагмента его пространной записки. Но прежде скажем о том заметном в русской истории событии, которое и послужило поводом для её написания.

Четырнадцатого декабря 1766 года высочайшим манифестом было объявлено о создании в Москве законодательной комиссии для сочинения проекта нового Уложения* и о выборе в неё депутатов от всех сословий. Губернаторы получили право присутствовать в комиссии или присылать сведения об усмотренных ими нуждах и недостатках во вверенных их управлению краях и губерниях.

Оренбургский губернатор Путятин с его обострённым чувством справедливости не мог не воспользоваться такой возможностью, и 10 декабря 1767 года послал в законодательную комиссию обстоятельную записку, в которой детально, по пунктам, изложил причины, следствия и пути исправления чинимого произвола в отношении казённых земель.

Путятин писал, что все земли, лежащие по левую сторону новой московской дороги, если ехать из Оренбурга к Казани, никогда не были башкирскими, а всегда принадлежали короне, приписаны к Оренбургскому уезду и заселены. И вот эти-то казённые земли разворовываются. А дело в том, что в своё время указом Сената служащим при Оренбургской комиссии штаб-офицерам и статским чинам, за усердную их службу были жалованы участки из порожних земель, "по пропорции чинов". Помещики эти, "облакомясь первыми дачами, начали покупку земли у башкирцев, не справляясь, имели ли продавцы права на земли, только бы был башкирец и им продал; покупали земли по малой цене, писали в крепостях обширнейшие округа, вёрст по 200 и более и, не имея возможности заселить купленную землю, перепродавали её другим". Уфимская провинциальная канцелярия не имела надлежащего наблюдения и писала на эти земли крепости, не справляясь, имеют ли продавцы на них право, а когда он, князь Путятин, потребовал от сей канцелярии копии крепостных записей, ему ответили, что все документы сгорели вместе с архивом в пожаре 1759 года.

Князь Путятин просил распоряжения считать эти земли казёнными и потому принять их обратно в казну без всякого вознаграждения покупателей, потому что башкирцы никогда бы не осмелились продавать не принадлежащие им земли, если бы не было происков и наущения купцов.

* Суворов Василий Иванович (1707-1775) -генерал-аншеф, "был... в войне с прусским королём в армии главным при Провиантском департаменте и губернатором Прусского королевства". Отец генералиссимуса А. В. Суворова.

* Уложенные комиссии - временные коллегиальные органы в XVIII веке, созываемые для кодификации законов, вступивших в силу после Соборного Уложения 1649 года.

Далее оренбургский губернатор сообщал, что точно такие же вымышленные покупки и аренды земель делаются в Уфимской и Исетской провинциях.

Беспокоило Путятин и то обстоятельство, что очень много земель заняли новокрещёные татары, из которых "ни один добровольно креститься не пожелал, кроме как будучи приведён за воровство к пытке и казни", почему и просит: "Новокрещён в Оренбургскую губернию к поселению из внутренних губерний отнюдь не увольнять".

Обсуждались в комиссии и законы о купечестве, при этом почти все депутаты из купцов требовали запретить крестьянам и разночинцам торговать чем бы то ни было, даже "произведениями земли" и своими домашними рукоделиями.

Ещё Неплюев в свое время жаловался в Сенат на русских купцов, он писал, что легкомысленные купцы приводят торг в упадок, обманывая азиатцев товарами, и просил тогда Сенат, "чтоб купцы не давали торговать своим именем пахотным татарам, крестьянам и подлому купечеству и подложно не называли их своими прикащиками".

Путятин также был озабочен злоупотреблениями иногородних купцов и делал всё возможное для дальнейшего развития торговли и упрочения собственного купечества. В частности, на основании привилегии, данной Оренбургу 7 июня 1743 года, князь всегда удовлетворял просьбы казаков о перечислении их из казачьего звания в купеческое, имея в виду, что "просители умножат число купечества, которого в Оренбурге очень мало, и в купеческом звании сделают казне приращение платежом купеческого оклада и различных торговых пошлин".

Сохранился указ Иностранной коллегии от 25 января 1766 года на имя оренбургского губернатора князя Путятин, в котором рекомендовалось, в рассуждении невежества азиатцев, "всегда при погрешностях поступать снисходительно, дабы в делаемом расширении коммерции не применять помешательства и не отлучить азиатцев от Оренбургского торгу."

Однако "отлучали азиатцев от торгу" не столько строгости оренбургских властей, сколько высокие торговые пошлины и продолжающееся своеволие купцов. Препятствовали развитию торговли и разбои на дорогах, и набеги на русские границы. Случались и уводы обитателей Оренбургского края в плен.

Чтобы предупредить такие случаи, Путятин в 1768 году предписал войсковому атаману Могутову сделать распоряжение, чтобы из крепостей по реке Яику давался приличный конвой из казаков для охраны от киргизов заводских служителей и рабочих, когда они будут отправляться за реку Яик в степь "для приискания и разработки руд".

В свою очередь и князь Путятин, как старый солдат, с пониманием относился к нуждам казаков... Государство выплачивало казакам за службу совершенно мизерные суммы, да и то не регулярно. В делах войскового архива хранился вопросный лист, составленный по указу Военной коллегии в 1758 году. Из него видно, что атаман исетских казаков получал 60 рублей, хорунжий - 30, писарь - 20 рублей. Казакам, занятым на фортификационных работах, платили по 10 копеек с лошади, пешим - по 5 копеек на день, "но оные, хотя и с переменою употребляют, но по отдалённости от домов в пропитании себя и в кормлении лошадей несут немалую нужду, а особливо в удобные времена, и домашних своих работ лишаются, отчего впредь к продолжению службы могут придти в несостояние. Находящиеся же при глинопромывальных и каменотесных работах, на каждый месяц получают по два рубля, а в бытность при домах жалованья и провианта никакого не получают".

Компенсировать своё скудное жалованье казаки имели возможность лишь за счёт земельных наделов, и распоряжения губернатора во многом способствовали справедливому решению этого вопроса. Так, 16 июля 1767 года, по повелению князя Путятин, командир нижнеяицкой дистанции майор Краузе и депутат с казачьей стороны сотник Стефан Могутов "учинили отвод земли жителям Переволоцкой крепости и был составлен план ея".

Не были освобождены казаки и от воинского постоя, что сильно обременяло их и без того скудный семейный бюджет. В сентябре 1768 года Путятин предложил войсковому атаману Могутову разъяснить казакам Бердской слободы, что "служители Алексеевского полка, стоящие у них на квартирах, хотя и имеют право довольствоваться от хозяев квартир, однако могут требовать только то, что у хозяев найдется может, а чего нет, того они, служители, требовать не должны и не могут".

В войсковом архиве Оренбургского казачьего войска хранился указ князя Путятин об отставке сотника Углицкого (приводим его как образец внимательного отношения оренбургского губернатора к отставным казакам):

"...Согласно указа 18 февраля 1762 года о вольности дворянства отставлен по слабости здоровья с награждением чинов ротмистра и с сим Её Императорского Величества указом отпущен на его пропитание в гор. Самару или где ему в рассуждении лучшего по старости его пропитания в до великороссийских городах жить пожелает и так всякого звания людям рекомендуется ему, Углицкому, в бытность его в той отставке обид и налогов никаких ему не чинить, но паче за его верные службы являть к нему всякое благодеяние. Дан в Оренбурге с приложением моя печати сентября 15 дня 1767 года Её Императорского Величества

Самодержавнейшей Всероссийской и Всемиловитейшей Государыни моей тайный советник оренбургский губернатор и кавалер Авраам Путятин".

Лютеранская церковь (кирха). Построена в 1772 году.

Вообще чувство справедливости было неотъемлемым свойством натуры князя. Когда у оренбургских лютеран возникла крайняя нужда в правильном устройстве своего прихода (у них не было ни пастора, ни кирхи), губернатор сделал об этом в 1767 году представление Екатерине II, и та своим указом от 16 ноября 1767 года велела "учинить" в Оренбурге, по примеру прочих крепостей, должность дивизионного проповедника для лиц лютеранского закона.

Первый проповедник Филипп Вернбюргер прибыл в Оренбург 12 марта 1768 года, и тогда же лютеране приобрели дворовое место, а через несколько лет построили здесь деревянную кирху.

Второго октября 1768 года обер-комендант Оренбурга генерал-майор Николай Яковлевич Ланов сообщил ордером войсковому атаману Могутову, что тайный советник князь Абрам Артемьевич Путятин пожалован в сенаторы, почему все нерегулярные войска поручены ему - генерал-майору Ланову.

В 1769 году князя А. А. Путятина не стало.

Абрам Артемьевич имел трёх сыновей: Алексея, Николая и Ивана.

Николай Абрамович Путятин (1744-1818), - камергер (1786), тайный советник (1795), член Конторы строителей домов и садов (впоследствии гоф-интендантская контора).

Иван Андреевич РЕЙНСДОРП, *оренбургский губернатор в 1768-1781 годах*

Имя Ивана Андреевича Рейнсдорпа чаще всего упоминается в связи с крестьянской войной под предводительством Пугачёва и "оренбургскими" произведениями А. С. Пушкина: "Историей Пугачёвского бунта" и "Капитанской дочкой". Исследователь творчества поэта Реджинальд Васильевич Овчинников в книге "За пушкинской строкой" отмечает, что Иван Андреевич Рейнсдорп послужил для Пушкина прообразом генерала Андрея Карловича Р. Факт этот ныне общепризнан.

"При чтении этих произведений, - пишет Овчинников, - создаётся впечатление, что Пушкин связывал инертность в военных делах Рейнсдорпа с его дряхлостью и преклонными годами. Но вот недавно удалось найти в Государственном военно-историческом архиве СССР (ныне Российский государственный военно-исторический архив. - Авт.) документ, позволяющий установить и уточнить некоторые важные факты биографии Рейнсдорпа. В Коллегии формулярных списков офицеров и генералов XVIII века нашёлся послужной список Рейнсдорпа, посланный в 1763 году в Военную коллегию.

И. А. Рейнсдорп

Документ этот сообщает, что Иван Андреевич Рейнсдорп выходец "дацкой нации из дворян лютерского закона", родился в 1730 году, а в службу вступил 1 ноября 1746 года, будучи записан юнкером в Военную коллегию. Из этого явствует, что Рейнсдорп (равно как и его литературный двойник - генерал Андрей Карлович Р. из "Капитанской дочки") не участвовал в походах фельдмаршала Миниха в 1730-х годах, а в 1773, когда началось пугачёвское восстание, Рейнсдорп был в возрасте 43-44 лет, и, естественно, не мог представлять собою человека, "сгорбленного старостью", как изобразил его Пушкин. Не были известны данные ни об истинном возрасте Рейнсдорпа, ни о начале его служебной карьеры".

Благодаря находке Овчинникова, можно восстановить биографию Ивана Андреевича Рейнсдорпа. Итак, в 1747 году, на следующий год после вступления в службу, И. А. Рейнсдорп - уже поручик, в 1749 - капитан, в 1755 - секунд-майор. В 1756 году, когда началась война, позже названная Семилетней (1756-1763), Рейнсдорп имел звание премьер-майора и участвовал в крупнейших операциях против прусской армии Фридриха II.

Почти каждый крупный успех русских войск памятен был для него очередным тяжёлым ранением: в битве при Гросс-Егерсдорфе Рейнсдорп "пулею близко локтя в правую руку ранен", в сражении у Цорндорфа, одном из самых кровопролитных, "ранен в правую выше колена ногу", в баталии у Франкфурта "ранен в грудь и в правый бок пулями навывлет".

За участие в этих сражениях Рейнсдорп удостоивается в 1758 году звания подполковника, а ещё через год - полковника.

Двадцать пятого декабря 1761 года, после смерти императрицы Елизаветы Петровны, на престол взошёл Пётр III. Поклонник Фридриха II (Великого), он вывел Россию из войны, вернул Пруссии все занятые русскими войсками территории и заключил с ней союзный договор. Однако царствование Петра III продолжалось недолго.

Новой государыней, судя по всему, Иван Андреевич был обласкан. По крайней мере, полгода спустя после своего восшествия на русский престол, Екатерина II производит Рейнсдорпа в генерал-майоры, а через пять лет, 29 сентября 1768 года, назначает губернатором гигантского Оренбургского края.

По сведениям краеведа Е. Г. Вертоусовой, уже 12 марта 1769 года И. А. Рейнсдорп направил императрице письмо с изложением своего мнения о состоянии Оренбурга и губернии. Главный начальник края писал о необходимости постройки в городе караван-сарая для иностранных купцов и о желательной отмене воинского постоя, считая его главной причиной того, что "никто из купцов в г. Оренбурге селиться и мещанином сделаться не хочет".

Представил он и проект увеличения государственных доходов за счёт расширения добычи илецкой соли.

Двадцать второго сентября 1769 года (вероятно, по рассмотрении этого проекта) Рейнсдорп награждается орденом Св. Анны.

В Государственном архиве Оренбургской области хранятся указы "Нашему Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу", подписанные лично Екатериной II. Особый интерес представляет письмо императрицы от 2 октября 1769 года. Вот его содержание:

"Господин Оренбургский губернатор Рейнсдорп. Уведомляюсь я, что вы желание имеете следующую зиму приехать в Санкт-Петербург для представления о разных по губернии и вам вверенных дел. На что Я вам даю дозволение, о котором уже и Генералу Прокурору князю Вяземскому знать дано. Время же для приезда вашего сюда вы сами избереёте".

Семнадцатого декабря 1769 года Рейнсдорп выехал из Оренбурга. Проезжая через Москву, встретился с сенатором Еропкиным, в ведении которого находилось Главное соляное управление. Сенатор обещал ему всяческое содействие в развитии добычи илецкой соли, но, занятый многочисленными пограничными и иными делами, рекомендовал в помощники по соляным делам П. И. Рычкова.

Прибыв в столицу в начале января 1770 года, Рейнсдорп был принят Екатериной II и вручил ей записку о

недостатках вверенной его управлению губернии. Записка настолько интересна, что почти сто лет спустя была полностью опубликована в "Вестнике Императорского Русского Географического общества", а затем перепечатана оренбургскими "Губернскими ведомостями".

Собственно, это настоящая программа преобразования края. И. А. Рейнсдорп писал:

"Первый главный недостаток Оренбургской губернии состоит в следующем: губерния сия в рассуждении всего пространства, подобна некоему полю, на котором, хотя и всё то, что потребно к содержанию и обогащению людей, приобильно находится, но по причине великого её недостатка в жителях надлежит почесть её ныне по всей Российской Империи за беднейшую..."

И предлагал меры для скорейшего заселения края:

"...Точно измерить и описать празднолежащие земли, и те, которые для казённого употребления не нужны будут, продавать из казны дворянам за наличные деньги, переселять на них земледельцев из центральных перенаселённых губерний; заботиться о здоровье всех жителей, для чего определить хороших лекарей хотя бы в городе, и в случае болезней прожиточным людям за деньги, а бедным и без всякого платежа потребное вспоможение чинить и лекарства на лечение их немедленно отпущать".

Рейнсдорп полагал, что для развития земледелия необходимы спокойствие и благополучие, кроме того,

"приращение земледельства, как самого нужнейшего способа к содержанию жизни человеческой и к доставлению всеобщего благополучия, зависит частично и от существенных прибытков земледельцам. А для того, чтобы собранный ими хлеб не был у них мертвым капиталом, а происходил бы в продажу без всякой их тяготы и неволи на наличные деньги, надлежит истреблять притеснение, кое от перекупщиков земледельцам случается, и оных закупищиков... как прямых пиявиц, до того не допускать".

Написал он и об Оренбурге:

"Я... город Оренбург нашёл в самых жалких обстоятельствах, партикулярные дома, да и публичные строения, по большей части к разрушениям уже близки".

В плачевном состоянии были меновой и гостиный дворы. Казармы, вовремя не отремонтированные, разрушались, и солдат четырёх местных полков распределили на постой к жителям, ухудшив положение последних. Всё это не способствовало привлечению в город купцов:

"Самый Оренбург, который около 70 тысяч рублёв приносит казённого дохода и во время ярмарки немаловажную коммерцию производит, не имеет больше 4 или 5 купцов капитальных. Прочие все бедные, да и сих по подушному окладу не более 90 человек находится... Наилучшие писатели в бесчисленных почти сочинениях о коммерции крайне оказывают остроумие. Но ежели точно попытать, то перевес купеческого баланса между всем тем есть самый главнейший предмет, к которому каждая нация перед соседями усиленно ревнует".

Отсутствие богатых купцов, а следовательно и свободных капиталов, приводит к тому, что "нет денежной циркуляции, которая других токмо городов цветущее состояние оживляет".

Для исправления этого положения Рейнсдорп предлагал восстановить бывшую по прежнему штату в городе контору строений, в обязанности которой входило обеспечение всех за наличные деньги дровами, лесом и строительным материалом; построить четыре казармы; подтвердить привилегию Оренбургу, выданную при его основании, и т.д.

Беспокоило Рейнсдорпа и состояние бесконтрольно вырубаемых лесов:

"Недостаток в хлебе и дровах почти равномерно обществу вредительны, ибо за студёную зиму без отопления покоев, народа не менее может погибнуть, как и во время голода, из чего и происходит, что леса так, как сокровища областей уважать надобно, и стараться не только о бережении, но и о размножении их для потомства... При вступлении моём... всевозможно старался я, чтоб на больших проезжих дорогах садить разные родов деревья",

но убедился, что без знаний достигнуть этого не удастся и поэтому просил назначить в Оренбург специалистов по восстановлению лесов:

"Дрова как самая нужная необходимость, во всей пространной Российской Империи нигде столь дорого не продаются, как здесь; словом, если благовременно не будет в том потребного распоряжения, то в следующие времена сему главному городу и устоять едва возможно".

И вновь об илецкой соли:

"Самые богатые и рудные минера высочайшего Вашего Императорского Величества доходам и всеобщему благосостоянию не могут быть прибыточнее, как сие богатое сокровище природы, которым

Оренбургская губерния пред другими сущим превосходным образом награждена".

В самом деле: наиболее богатые медные рудники давали доход в одиннадцать процентов, а соляные месторождения - до двухсот:

"Есть ли в свете такая золотая минера, которая столь была бы прибыточна!"

Находясь в Санкт-Петербурге, Рейнсдорп дважды, 13 января и 4 февраля, побывал в Сенате и давал пояснения к своим предложениям. Результаты его поездки можно проследить по Полному собранию законов Российской Империи за 1770 год. Вот перечень рассмотренных в Сенате и высочайше утверждённых указов: "Об определении суммы на ежегодные починки находящихся в Оренбурге менового и гостиного дворов", "О построении казарм в Оренбурге для гарнизонов", "О возобновлении в Оренбурге конторы строений", "О продаже пустопорожных казённых земель в Оренбургской губернии", "Об учреждении в Оренбурге губернского госпиталя и о определении на содержание оного суммы".

В войсковом архиве Оренбургского казачьего войска хранились распоряжения (ордера) И. А. Рейнсдорпа, дополнительно характеризующие круг его забот на посту губернатора. Вот некоторые из них.

Ордер от 20 февраля 1769 года - о назначении из уфимских казаков двух благонадёжных и знающих татарский язык казаков для разведки, "в каких обстоятельствах башкиры ныне находятся; нет ли в них каких худых замыслов".

Ордер от 10 апреля 1769 года - о командировании казаков для конвоирования заводских рабочих, посылаемых за реку Яик для приискания руд.

Ордер от 11 апреля 1769 года - о командировании на винокуренный завод коллежского советника Тимашева четырёх человек из уфимских казаков для охраны от разбойников.

Ордер от 29 июня 1769 года - о назначении для починки крепостей 265 казаков.

Имеется и такой ордер - о командировании одного урядника или капрала и 50 хорошо стреляющих казаков для стрельбы кабанов, боровов: "Каждая команда, с пострелянными кабанями и пр., должна прибыть в Оренбург к 1 декабря, чтобы успеть отправить в Петербург настрелянное по зимнему пути".

Некоторые исследователи (В. Ф. Мамонов, В. С. Кобзов) склонны считать, что смысл столь бурной деятельности заключался в стремлении произвести впечатление на высочайший двор, обратить на себя внимание, но главного - организации пограничной охраны края - оренбургский губернатор совершенно не знал. Более того, "Рейнсдорп и его офицеры абсолютно не доверяли казакам и всячески их притесняли. Дело доходило до того, что солдаты и казаки выходили в степь для преследования киргизцев имея при себе только холодное оружие - сабли, тесаки и пики, а ружья и огневые припасы к ним следовали в особых обозах под усиленной охраной надёжных команд из унтер-офицеров. Ружья казакам раздавались только в крайних случаях, когда отчётливо ясно было, что боя избежать не удастся".

На время правления И. А. Рейнсдорпа пришлось ещё одно событие, хорошо известное по учебникам истории. В 1770 году, после ограничения правительством ханской власти у калмыков, последние на общем собрании своих князей и духовенства решили этой же зимой возвращаться на родину в Джунгарию.

Обстоятельства, однако, побегу калмыков не благоприятствовали: зима 1770-1771 годов была тёплая, реки долго не замерзали, и калмыцкий наместник Убаши, не дождавшись прихода остальных, 5 января 1771 года приблизительно с 30 тысячами кибиток выступил в поход.

Когда калмыки достигли Яика, Рейнсдорп уверил хана Нурали, что они идут нападать на киргизов, и от имени правительства предложил дать им отпор и пользоваться от них всякой добычей, но с тем, чтобы не допускать калмыков идти далее и вернуть обратно в Россию. Такое же предложение было послано и владельцам Средней орды. Хан Нурали и султан Аблай немедленно ответили оренбургскому губернатору, что они со всей готовностью выполняют волю русского правительства и уже выступили в поход.

Первыми беглецов должно было встретить Яицкое казачье войско, но оно в это время само взволновалось и ничего не сделало для удержания калмыков. Не так поступили киргизы, и, конечно, не из преданности России, а из ненависти к своим исконным врагам. "Всякий киргиз-кайсак, - писал первый историк Уральского казачьего войска А. И. Лёвшин, - спешил идти сражаться с ними и грабить их. Менее нежели в месяце вооружились все орды, и вся степь от берегов Яика до границы Китая наполнилась толпами воинов, с нетерпением ожидавших появления перед ними людей, которых по одному их происхождению и имени, не говоря об обидах, ими нанесённых, почитали они врагами своими. Даже Каип, бывший ханом в Хиве, и по изгнании из оной подданными своими живший в Меньшой орде, обещал соединиться с войсками русскими. В восточной части степей киргизских, ожидал калмыков султан Абулфеис, сын Абулмагмета хана, султан Большой орды Ирали и дикие киргизы, или буруты, превосходящие всех соседственных с ними народов жестокостью и отважностью".

В помощь киргизам для возвращения калмыков было послано два отряда: один из оренбургских казаков, другой из регулярных войск под командованием генерал-майора Траубенберга, но оба они из-за болезней и непригодности в степи вернулись ни с чем.

Киргизы же беспрестанно нападали на бегущих калмыков. Когда калмыки достигли пределов Китая, потери их составляли более половины людей и почти всё имущество*.

В том же 1771 году, несмотря на неудачу с удержанием в России калмыков, Рейнсдорп был повышен в звании. В указе об этом, подписанном 30 июля, говорилось: "О пожаловании в генерал-поручики вас, господина губернатора и кавалера, повелевая остаться вам по-прежнему губернатором".

А вскоре - указом от 26 апреля 1773 года - Сенат одобрил ещё одно пожелание оренбургского губернатора: колодников, подлежащих отправке в Нерчинск, велено было направлять в Оренбург, где они требовались на различных постройках. Однако через полгода, 30 ноября 1773 года, Сенат отменил прежнее распоряжение, и вместо Оренбурга, где уже разгорелась крестьянская война, колодников стали ссылать во внутренние губернии.

Первое известие о мятеже яицких казаков Рейнсдорп принял спокойно, будучи уверен, что это одно из очередных волнений, и его легко будет усмирить. И только в сентябре, узнав о быстром продвижении бунтовщиков вверх по Яику, начал принимать меры: сообщил о появлении Пугачёва губернаторам сибирскому, казанскому, астраханскому и в подведомственные ему провинциальные канцелярии - уфимскую и исетскую, приказал немедленно собрать в городе всех солдат из ближних отлучек и указать каждому батальону, где ему следует быть в случае тревоги.

А. С. Пушкин в "Истории пугачёвского бунта" сообщает:

"Он (Рейнсдорп. - *Авт.*) предписал бригадиру барону Билому выступить из Оренбурга с 400 солдат пехоты и конницы и с шестью полевыми орудиями и идти к Яицкому городку, забирая по Дороге людей с форпостов и из крепостей. Командиру Верхне-Озерной дистанции бригадиру барону Корфу велел как можно скорее идти к Оренбургу, подполковнику Симонову отрядить майора Наумова с полевой командой и с казаками для соединения с Биловым, ставропольской канцелярии велено было выслать к Симонову 500 вооруженных калмыков, а ближайшим башкирцам и татарам собраться как можно скорее и в числе тысячи человек идти навстречу Наумову. Ни одно из сих распоряжений не было выполнено".

И. А. Рейнсдорп, получая ежедневно донесения об успехах Пугачёва и о том, что инородцы принимают сторону мятежников, собрал совет из главных оренбургских чиновников. Были утверждены следующие меры: 1) все мосты через Сакмару разломать и пустить вниз по реке; 2) у польских конфедератов, содержащихся в Оренбурге, отобрать оружие и отправить их всех в Троицкую крепость под строжайшим присмотром; 3) разночинцам, имеющим оружие, назначить место для защиты города, отдав их в распоряжение обер-коменданту; прочим находиться под начальством таможенного директора; 4) сеитовских татар перевести в город и поручить начальство над ними коллежскому советнику Тимашеву; 5) артиллерию отдать в распоряжение действительному статскому советнику В. Я. Старово-Милюкову, служившему некогда в артиллерии. Сверх сего, Рейнсдорп, думая уже о безопасности самого Оренбурга, приказал обер-коменданту "исправить городские укрепления и привести в оборонительное состояние". Гарнизонам же малых крепостей, ещё не занятых Пугачёвым, велено было "идти в Оренбург, зарывая или потопляя тяжести и порох".

Пугачёвцы подошли к Оренбургу 5 октября и осадили его. Была организована вылазка против них, но успеха не принесла. Напуганный неудачей, губернатор опять собрал совет из военных и гражданских чиновников.

Картину заседания военного совета в Оренбурге А. С. Пушкин также изобразил в "Капитанской дочке" и "Истории пугачёвского бунта". "Свой рассказ об этом совещании, - пишет Р. В. Овчинников, - Пушкин построил, опираясь во многом на содержащееся в хронике члена-корреспондента Академии наук П. И. Рычкова "Осада Оренбурга" сообщение о военном совете, состоявшемся в Оренбурге 7 октября 1773 года".

Но имеется ещё один документ, содержащий более полную информацию, нежели сообщение Рычкова, и журнал Рейнсдорпа. Речь идёт о подлинном протоколе военного совета 7 октября, сохранившемся среди бумаг оренбургской губернской канцелярии. В протокол внесены мнения, высказанные и подписанные двенадцатью участниками совета, в числе которых были (в порядке подачи мнений): обер-комендант генерал-майор К. И. Валленштерн, действительный статский советник В. Я. Старово-Милюков, статский советник П. И. Рычков, коллежский советник И. Л. Тимашев, атаман Оренбургского казачьего войска подполковник В. И. Могутов, надворный советник П. С. Обухов, губернский прокурор М. Ушаков, батальонные командиры майоры Ф. Даллеровский, В. Молостов, И. Скиртанов и, наконец, сам губернатор И. А. Рейнсдорп.

Губернаторский товарищ (вице-губернатор. - *Авт.*) Василий Яковлевич Старово-Милюков, единственный сторонник активных действий против повстанцев, высказался так:

"Покамест сии злодеи круг города находятся, то моё мнение: чтоб над ними необходимо изготовленными командами поиск учинить для того, чтобы их от города отогнать и обывателям свободу сделать, а в подкрепление тех команд и всех здешних казаков вслед тех команд выслать. Когда ж они от города отогнаны будут, тогда о

* Эти калмыки, вернее, потомки их, живут сейчас в Монголии.

дальнейшем над ними поиске можно будет иметь по обстоятельствам особое рассуждение".

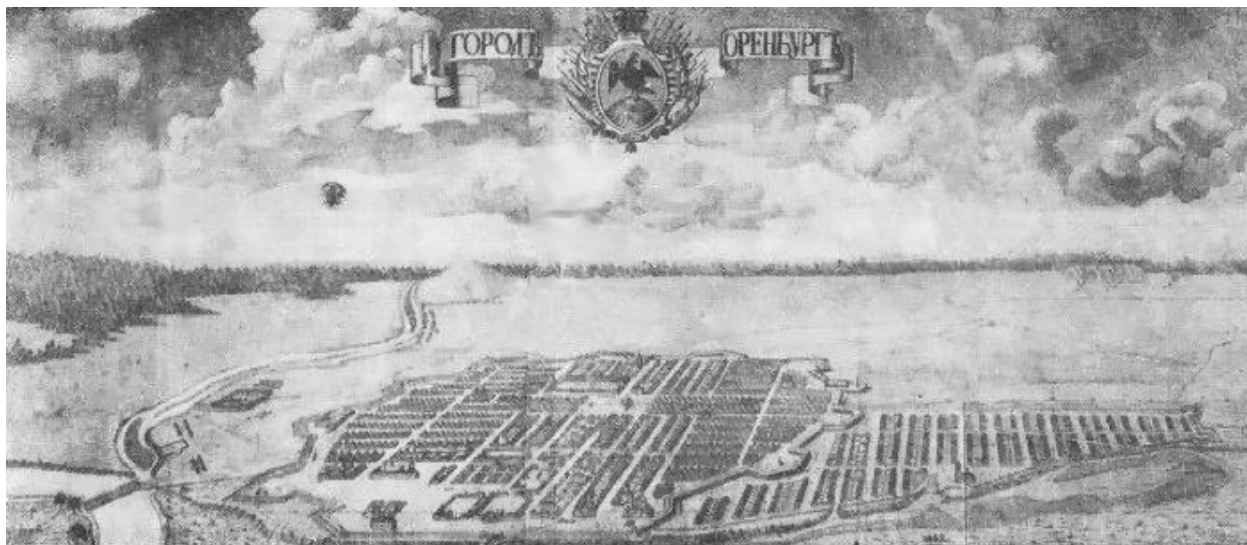
Иное мнение высказал П. И. Рычков:

"По числу нынешней команды, а по превосходству неприятельской силы, атаку учинять за несходно нахожу поэтому: дабы за неудачею здешней команды город не подвержен был вящей опасности или вреду, а смотреть некоторое время на обстоятельства и потому тогда, сообразно со оными и со обоюдными силами, поступать".

Сходного образа действий рекомендовали придерживаться и другие участники совета, как гражданские чиновники, так и военные, обосновывая тактику пассивной обороны Оренбурга такими доводами, как слабая воинская выучка солдат гарнизона, робость и ненадёжность яицких и оренбургских казаков, находящихся в городе, и даже замеченная склонность их к измене.

Рейнсдорп, подводя итог высказанным на совете мнениям, заявил:

"Поиск тогда учинить, когда удача совершенную пользу обещает, а от неудачи не приключилось бы всему обществу гибели. Колеблющееся здешнего народа состояние, а особливо вчерашняя для поиска учинённая вылазка доказывает крайнюю на казаков и татар безнадёжность. К тому ж я неизвестен: какое неприятель иметь будет предприятие. Ежели паки отважится учинить нападение на город, то надобно мне оный оборонять. А буде отступит и пойдёт Казанскою дорогою или Сакмарскою линиею к Казане, то должно за ним преследовать. Буде же оборотится на Яик, то и туда для охранения тамошней воинской команды корпус отправить. Следовательно, теперь высылки на него отсель учинить весьма опасно и почти невозможно, пока дальние обстоятельства его намерения откроют".

План города-крепости Оренбург. Последняя четверть XVIII века

Через два дня после совета во всех церквях Оренбурга было прочитано и объявлено войскам воззвание губернатора, в котором сказано было, что Пугачёв, "за его злодейства, был наказан кнутом, с поставлением на лице его знаков; но чтоб он в том познан не был, для того перед предводительствуемыми им никогда шапки не снимает". На самом деле, Пугачёв не имел на лице никаких "поставленных" знаков, и потому воззвание губернатора послужило в пользу самозванца. Мятежники укоряли губернатора в клевете; почти всё население Оренбургской губернии пришло в движение и, понуждаемое предводителями, распорядившимися именем царя Петра III, принимало сторону самозванца.

Вопреки приказаниям Рейнсдорпа, мосты через Сакмару сломаны не были, и вскоре Пугачёв был уже у Оренбурга. П. И. Рычков в хронике "Осада Оренбурга" сделал несколько критических выпадов в адрес Рейнсдорпа, изобразив его в отдельных эпизодах прямо-таки в гротескном виде, например, при описании нелепой затеи губернатора с установкой железных капканов для ловли конных повстанцев.

А. С. Пушкин описывал эту ситуацию так:

"В сём городе находилось до трёх тысяч войска и до семидесяти орудий. С такими средствами можно и нужно было уничтожить мятежников. К несчастью, между военными начальниками не было ни одного знавшего своё дело. Оробев с самого начала, они дали время Пугачёву усилиться и лишили себя средств к наступательным движениям".

Оренбургский краевед Е.Г.Вертоусова считает, что А. С. Пушкин излишне категоричен в своей оценке, и приводит в подтверждение своих слов любопытный документ - сообщение Рейнсдорпа графу Чернышёву:

"Наиплачевное состояние Оренбургской губернии много опаснее, чем я могу описать, меня бы не утратила регулярная вражеская армия в десять тысяч человек, а между тем один предатель с 3000 бунтовщиками

(Рейнсдорп не учитывал башкир. - Авт.)

приводит в трепет весь Оренбург. Мой гарнизон, состоящий из 1200 человек, единственная к тому же военная сила, на которую я полагаюсь".

Екатерина II высоко оценила тот факт, что Оренбург выдержал шестимесячную осаду пугачёвцами и не был сдан. Первого мая 1774 года И. А. Рейнсдорп был награждён орденом Александра Невского. Кроме того, императрица выразила ему и жителям Оренбурга благодарность именным указом от 1 мая 1774 года, данным "Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, военным и гражданским чиновникам и всем вообще жителям г. Оренбурга за оказанную верность при осаде оного бунтовщиками". Екатерина II писала в нём:

"Выдержание городом Оренбургом 6-месячной осады, с голодом и всеми другими в таковых случаях нераздельно бываемыми нуждами, клятвопреступников, воров и разбойников, пребудет навсегда в деяниях любезного Нашего Отечества славным и неувядаемым знамением верности истинного усердия к общему благу, и непоколебимой твёрдости, перед Нами же истинною и никогда незабвенною услугою, как жителей оного, так и всех тех наипаче, кои по долгу звания своего в службе Нашей там находились, и возложенную на них по состоянию каждого, монаршую доверенность Нашу совершенно оправдали, объявляя сие Наше матернее благоволение верному Нашему городу Оренбургу, справедливо разумею Мы тут первым оного членом вас, генерал-поручика и губернатора, яко мужественным вашим духом и неусыпными трудами достохвальный пример бодрствования всему обществу подавшего; и для того обнадёживаем вас отличною Нашею Императорскою милостию, повелевая вам в то же время возвестить, от собственного Нашего имени и лица, и всем в защите и обороне города Оренбурга под вашею командою соучаствовавших, по мере каждого трудов и подвигов, всемилостивейшее Наше воззрение; жителям городским действительным на два года увольнение их от подушного сбора, а при том и пожалование на их общество в нынешней год всего прибыльного чрез отказы сбора с питейных домов их города. Впрочем, пребываем вам императорскую нашу милостию благосклонны. Екатерина".

Пятнадцатого января 1775 года издаётся ещё один именной указ - о переименовании реки Яика в Урал "для совершенного забвения сего на Яике последовавшего несчастного происшествия". Этим же указом Яицкое казачье войско переименовывалось в Уральское, а Яицкий городок - в город Уральск. Но чтобы окончательно усмирить всех, правительство вынуждено было ещё целый год держать значительное количество войск в губерниях, где до того бушевала крестьянская война.

В пугачёвском бунте киргизы не принимали активного участия, но, пользуясь смутой, делали дерзкие набеги на Новоузенский уезд Самарской губернии, доходили даже до Казанского уезда. В 1776 году Рейнсдорп неоднократно доносил правительству о "многих продерзостях, произведённых в разных местах киргизами Малой орды", и для водворения порядка просил разрешения сделать воинские поиски.

Однако Екатерина II разрешения на карательный поход не дала, предложив мирными средствами добиваться от ханов и киргизских начальников возвращения захваченных людей и награбленного имущества, и лишь при безуспешности этого прибегать к задержанию родственников грабителей; к воинской же силе обращаться только в случае нападений на пограничные селения.

Переписка И. А. Рейнсдорпа с императрицей по поводу последствий восстания продолжалась до самой его смерти.

Умер Рейнсдорп в Оренбурге 3 февраля 1781 года. "Господин генерал-поручик, кавалер и оренбургский губернатор Иван Андреевич Рейнсдорп будучи одержим продолжительною тяжёлою горячкою, а наконец апоплексией - сего числа по полуночи в 10 часов скончался", - сообщал вице-губернатор М. Хвабулов*.

Награды, полученные Рейнсдорпом, помогли искусствоведам определить портрет оренбургского губернатора и даже установить приблизительную дату его написания. Поначалу предполагалось, что портрет создавался в 1774 году, когда Иван Андреевич был награждён орденом Александра Невского, однако известно, что ни в 1774, ни в 1775 году Рейнсдорп не был и не мог быть в столице - крестьянская война в это время охватила всё Поволжье, дороги были перекрыты. Из документов же, хранящихся в оренбургском архиве, явствует, что И. А. Рейнсдорп был вызван в Санкт-Петербург в конце весны 1777 года и находился там до весны 1778 года; вероятно, в это время и был написан портрет неизвестным нам художником.

* Хвабулов Матвей Афанасьевич (1721-?) - князь, участник Семилетней войны и войны с польскими конфедератами (1756-1763), вице-губернатор Оренбургской губернии (с конца 1770-х годов), генерал-майор. С 16 февраля 1781 по 12 июня 1781 года исполнял обязанности оренбургского губернатора.

СИМБИРСКИЕ И УФИМСКИЕ

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Иван Варфоломеевич Якоби

(1726-1803),

симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1781-1782 годах

Аким Иванович Апухтин

(1723-1792),

симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1782-1784 годах

Осип Андреевич Игельстром, барон

(1737-1817),

симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1784-1792 годах

Александр Александрович фон Пеутлинг

(1739-1795),

симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1792-1794 годах

Сергей Кузьмич Вязмитинов, граф

(1744-1819),

симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1794-1796 годах

Иван Варфоломеевич ЯКОБИ,

оренбургский губернатор в 1781 году, симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1781-1782 годах

Иван Варфоломеевич Якоби (Якобий) родился в 1726 году в офицерской семье. Образование получил в Петербургском сухопутном кадетском корпусе, военную службу начал в Сибири.

Участник русско-турецкой войны (1768 - 1774). В последний военный год командовал Московским легионом*. Награждён орденом Св. Георгия III степени.

В 1774 году турецкая война окончилась, но на Кавказе действия не прекратились. "В это время, - писал историк В. А. Потто, - и выдвинулись деятели Кавказской войны генералы Иван Варфоломеевич Якоби и Александр Васильевич Суворов. Оба они были назначены командовать только что сформированными тогда корпусами: Якоби - Кавказским, а Суворов - Кубанским. Оба они были замечательнейшими деятелями в устройстве Южного края".

Якоби попал на Кавказ благодаря князю Г. А. Потемкину, именно ради этого и способствовавшего назначению его на должность астраханского военного губернатора (кавказская линия тогда входила в состав Астраханской губернии). Как опытный боевой генерал, Якоби начал с самых решительных мер по умиротворению горцев. Затем были заложены новые крепости: Георгиевск и Ставрополь, получила правильное устройство военная азовско-моздокская линия, обширные степные пространства, лежащие между Кубанью и Доном, прикрылись рядом крепостей и сильных казачьих станиц. Якоби хорошо понимал, что сами по себе договоры с Турцией не обезопасят наши границы от вторжений и набегов её вассалов, и потому спешил

* Главнокомандующий Крымской армией генерал-аншеф В. М. Долгоруков писал в реляции Екатерине II (28 июня 1774 года) о сражении под Алуштой: "...Неприятель, пользуясь удобностью места и превосходством сил, защищался из ретраншаментов (внутренняя оборонительная ограда крепости или галерея позади главного вала. - Авт.) с такой упорностью, что оба кара, подаваясь вперёд непроходимыми стезями, приобретали каждый шаг кровью... По приближении к обоим ретраншаментам, генерал-поручик граф Мусин-Пушкин... приказал, приняв неприятеля в штыки, продаться в ретраншамент, что и было исполнено с левой стороны, где самое сильнейшее сопротивление было Московского легиона гренадёрским батальоном под собственным приводством храброго господина генерал-майора и кавалера Якобия... В сём случае генерал-майор Якобий командовал и второю бригадою, в жесточайшем огне поступал с отменною неустрашимостью, получив контузию, застрелена под ним лошадь и близ него убиты собственные его два человека..."

укоренить на новой линии переведённых сюда хоперских и волжских казаков, начал массовое заселение Ставропольской губернии казёнными крестьянами...

Но плодотворная деятельность генерала Якоби на Кавказе была кратковременна - в начале 1781 года он получил новое направление: в Оренбургский край...

Указ Сената о назначении оренбургским губернатором "генерал-поручика и кавалера Якобия" поступил в войсковую канцелярию 18 марта 1781 года, а 12 июля и сам Иван Варфоломеевич прибыл в Оренбург. Среди первых его распоряжений было такое: *"В Оренбургской крепости позволено иметь дома из казачьего сословия только чиновникам, а казакам приказано всем выселиться в казачью слободу - Фориштадт"*.

Но потребовались годы и годы, чтобы это распоряжение можно было счесть выполненным.

Двадцать третьего декабря 1781 года Оренбургская губерния как самостоятельная административная единица была упразднена и на правах области в составе четырех уездов (Оренбургский, Верхнеуральский, Бузулукский и Сергиевский) вошла в новоучреждённое Уфимское наместничество, а резиденция главных начальников Оренбургского края временно переместилась из Оренбурга в Симбирск - до постройки в Уфе, ставшей центром наместничества, необходимых казённых и присутственных мест. Главное начальство над Оренбургским краем вверялось генерал-поручику И. В. Якоби с поименованием его уфимским и симбирским генерал-губернатором.

Уфа

Оренбург

Стерлитамак

Белебей

Бирск

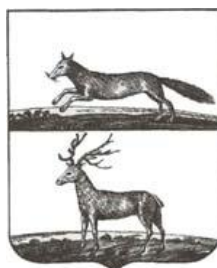
Мензелинск

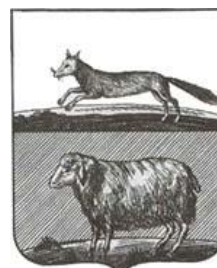
Челябинск

Верхнеуральск

Бузулук

Бузуруслан

Гербы городов Уфимского наместничества, утверждённые Сенатом в 1782 году

Императрица Екатерина II, настойчиво и последовательно вводя новое административное устройство в европейской России (на началах, изложенных в указе 7 ноября 1775 года), постановила ввести особое управление и для киргизов.

Четырнадцатого января 1782 года последовал указ на имя генерал-поручика Якоби об открытии в Оренбурге пограничной экспедиции. В пятом пункте указа говорилось:

"Пограничные дела с соседственными тамошними народами отправлять обер-коменданту под главным руководством вашим, а для помощи ему иметь одного канцелярии или надворного советника, секретаря, переводчиков, толмачей и прочих служителей".

С учреждением пограничной экспедиции был отменён запрет о пропуске киргизского скота на правый берег Урала, пограничные начальники обязывались блюсти правосудие, заботиться о заведении киргизских школ и постройке мечетей. Генерал-губернатору Якоби Екатерина II предписала строить мечети на границах Уфимского наместничества и Тобольской губернии по плану, ею одобренному, и отпустила на их постройку 20 тысяч рублей (эта сумма должна была поступать в течение четырех лет, начиная с 1783 года).

Постройка мечетей назначалась и в Оренбурге, Верхнеуральске, Троицке, Петропавловске. По следующим соображениям: в Оренбурге - "в рассуждении близости пребывания Малой Орды Нурали-хана", в Верхнеуральске - "по случаю расположения всех знатных старшин своим кочевьем против Верхнеуральской дистанции", в Троицкой крепости - "по причине продолжаемой там торговли и для лучшего их по сему поводу приобщения к непрерывному приезду", в Петропавловской крепости - "по соглашению Уфимского и Симбирского губернатора Якоби с Пермским и Тобольским генерал-губернатором Огарёвым, ввиду вероятной близости пребывания хана Средней орды Вали".

К решению строить мечети императрица пришла после того, как увидела, что попытка вселить в киргизах "лююдскость и лучшее обхождение" путем обучения аманатов русскому языку и русской грамоте не удалась. Пугачёвский же бунт показал, что Оренбургский край, населённый башкирами, калмыками, киргизами, тептярями и другими народами, вообще ещё нельзя считать русской провинцией. Ханы, поставленные русским правительством во главе Средней и Малой орд, в большинстве случаев не исполняли требований пограничных властей, в свою очередь и народ не слушался русских ставленников.

Когда, например, 25 февраля 1782 года в Петропавловской крепости генерал-поручиком Якоби был торжественно приведён к присяге и провозглашён ханом Средней орды султан Вали, сын Аблая, его поддержали только киргизы, проживающие в северной части Средней орды, южная же часть, состоящая из нойонского поколения*, избрала себе другого хана, утверждённого в этом звании китайским богдыханом.

Русское правительство было бессильно что-либо изменить; и, не располагая в настоящее время и в настоящих условиях средствами для внушения киргизам своей воли, Екатерина II положила наводить мосты к взаимопониманию с ними путем строительства мечетей и насаждения татарской грамотности. (Делалось это, конечно, не ради укрепления киргизов в магометанстве, но, в конечном итоге, послужило именно последнему).

На тот же 1782 год пришлось четвёртая ревизия, то есть перепись податных лиц (налогоплательщиков, говоря современным языком), всегда вызывающая в Империи немалый переполох. И было отчего прийти в отчаяние тем, кто на местах, в глубинке, проводил перепись: огромные территории, плохие и часто опасные дороги, редкое население, в большинстве своём совершенно неграмотное, десятки народов и племён, из которых один-два человека кое-как понимают по-русски, нехватка людей, средств, самого элементарного... Полковник Оренбургского казачьего войска Углицкий доносил генералу Якоби, что во многих крепостях атаманы при казаках малограмотные, а другие совсем неграмотны, отчего в "переписках" происходит немалое затруднение и медленность.

По приказу генерал-губернатора, вероятно, вознамерившегося убить двух зайцев одновременно, назначенным для переписи офицерам дано было следующее наставление, великолепно рисующее быт и нравы того времени:

"...Наблюдать, чтобы в высокоторжественные, воскресные и предпраздничные дни собирались как на вечеринку, так и к утреннему пению, а особенно к божественной литургии и благодарственным молебнам: кто будучи празден и по лености не придёт в церковь, тех наказывать при собрании команды, записывать в журнал и рапортовать о них в войсковую канцелярию, выказавших раскол или другое привношение святой соборной и апостольской церкви брать под караул, обстоятельно допрашивать и подробно даносить войсковой канцелярии, наблюдать и принуждать, чтобы, соблюдали святые посты, особенно Великий, а также исповедовались и приобщались святых христовых тайн... Наблюдать, чтобы все подчинённые свои просьбы и жалобы приносили своим начальникам, от них ожидали решений и наставлений, а подчинённых защищать от всяких обид и притеснений.

Неусыпно наблюдать, чтобы все подчинённые имели по собственному званию наилучшую исправность к службе -ружья, лошадей и одежду, чтобы были прилежны к домостроительству, к пашне и к прочим промыслам от чего зависит вся их справность.

Наблюдать, чтобы казаки жили добropорядочно, не бездельничали, не пьянствовали...

Если кто из казаков знает какое ремесло, то поощрять их всячески...

* Нойоны, при принятии киргизами Средней орды русского подданства, долгое время считались во владении хана Абдул-магомета. Даже родные братья Вали, султаны Чингиз и Тыз, были более привержены Китаю, чем России.

Наблюдать, чтобы в крепостях не было блудных домов, чтобы в неуказанные часы пьяные по ночам не шатались и песен не пели".

Деятельность Ивана Варфоломеевича Якоби на посту симбирского и уфимского генерал-губернатора была, как и на Кавказе, непродолжительной. В декабре 1782 года генерал-поручик Якоби был назначен иркутским и колыванским генерал-губернатором. Он много сделал полезного и для Сибирского края, но там ему довелось испытать тяжёлую превратность судьбы: обвинённый по ложному доносу, он был отставлен от должности и предан суду.

Дело Якоби тянулось более двенадцати лет, пока Екатерина II сама не принялась, наконец, за пересмотр бумаг. Когда привезли затребованное ею дело Якоби, то бумаги заняли от пола до потолка половину кабинета. Взглянув на них, Екатерина II сказала: "Этим меня не испугают", - и тут же объявила обер-секретарю, что будет заниматься делом Якоби каждый день по одному часу.

Иван Варфоломеевич был полностью оправдан, награждён орденом Св. Владимира I степени, император Павел I, по вступлении своём на престол, пожаловал ему чин генерала от инфантерии. Но Якоби, уже решивший оставить военную службу, вышел в отставку.

Умер он в первые годы царствования императора Александра I, в 1803 году.

Дочь И. В. Якоби Анна Ивановна была замужем за отставным капитаном лейб-гвардии Преображенского полка, советником нижегородской гражданской палаты Александром Никаноровичем Анненковым; их сын, Иван Александрович Анненков, поручик Кавалергардского полка, состоял членом петербургской ячейки Южного общества, участвовал в деятельности Северного общества декабристов, и после событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 года был приговорён к каторжным работам в Сибири. После амнистии 1856 года восстановлен в правах, и, прожив 76 лет, скончался в Нижнем Новгороде, где служил председателем нижегородской земской управы.

Аким Иванович АПУХТИН,

симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1782- 1784 годах

Аким Иванович Апухтин родился в 1723 году. Принадлежал к старинному дворянскому роду, известному с конца пятнадцатого столетия. Апухтины (в старину - Опухтины) служили воеводами, стряпчими, стольниками. Род Апухтиных записан в VI часть родословной книги губерний: Орловской, Калужской и Смоленской.

К моменту назначения на должность симбирским и уфимским генерал-губернатором Аким Иванович Апухтин долгое время служил в армии. Во время русско-турецкой войны (1768 -1774) сражался под командованием графа П. А. Румянцева (Задунайского). В 1769 году произведён в генерал-майоры.

С 1773 по 1782 год состоял членом Военной коллегии, его подпись, в соседстве с подписями графа Чернышёва, князя Потёмкина и некоторых других, значится на документах Военной коллегии о награждении отличившихся во время русско-турецкой войны. Примечательно, что в списках награждённых, представлявшихся Екатерине II на рассмотрение, был и М. И. Кутузов, тогда ещё молодой штабной офицер.

В декабре 1782 года генерал-поручик Апухтин был назначен симбирским и уфимским генерал-губернатором. Основная деятельность Акима Ивановича Апухтина на этом посту была сосредоточена на охране юго-восточных границ России. Непокойствие степи в 1782 - 1784 годах достигло крайних пределов, "воровство и продерзости" встречались на каждом шагу. Объяснялось это тем, что из среды киргизов стал выделяться батыр Сарым Датов - байулинского поколения, байбактинского рода, обладавший умом, энергией, ловкостью. Сарым был непримиримым врагом ханов и султанов. Старый хан Нурали не только не мог принять каких-либо мер к прекращению беспорядков, но и сам подвергался нападениям своих подданных.

Шестнадцатого сентября 1783 года генерал Апухтин представил Екатерине II пространное донесение о состоянии Средней и Малой орд. В нём он писал:

"Если бы повиновались они начальствующему и имели между собою общую связь, то могло бы их собраться годных к вооружению тысяч до ста; но как они род против рода имеют всегда междоусобную ненависть, то и не могут никогда составить из себя общества в великом количестве..."

Далее Апухтин сообщал:

"Политического и светского закона на письме они никакого не имеют, да и иметь, за неумением грамоте, нужды не находят. И для того письменно никогда не судятся, но на словах - по образу Третьейского суда..."

О Средней орде Апухтин доносил, что

"она находится в порядке и таких продерзостей, какие от Меньшей орды при оренбургских границах

бывают, не происходит, чему причиною хорошее и правосудное управление хана, султанов, биев и старшин".

Малая же орда, отмечал оренбургский губернатор,
"обращалась и обращается в продерзостях. А что всего сожальнее, увозом подданных Её Императорского Величества, которых продают в азиатские Великой Татарии области за немалую цену, где они употребляются в тяжчайшие и несоответствующие силам человеческим работы. По объявлениям выкупаемых по Высочайшему милосердию Её Императорского Величества пленников, в Хиве и... Бухарии около десяти тысяч душ в мучительной неволе находится, исключая женского пола, коих по большей части, киргизцы оставляют у себя в орде по той причине, что платят они за национальных своих жён великий калым, или выкуп, а сии достаются им безденежно..."

Причиной своевольства киргизов Апухтин считал самих ханов и "салтанов", правление которых основывалось на мздоимстве и корыстолюбию.

"Злодейства и похищение людей, по большей части бывает на дистанции от Оренбурга до Верхнеуральска, крепости и редуты которой есть не что иное, как селение, обнесённое деревянным и уже согнившим забором; а стражею за малоимением и великим некомплектом войск менее других линий обеспечена".

Лучшим способом к удержанию киргизов от "продерзостей", Апухтин полагал учреждение в Оренбурге пограничного суда под руководством генерал-губернатора, "в котором бы обоюдных сторон ссоры разбираемы были". Расход "на сей суд", по мнению Апухтина, "не мог быть велик, а польза та, что воровство их уменьшится может, и сами они избегут разорения, в случае чинимой со здешней стороны репрессалии..."

Второго мая 1784 года императрица утвердила представление генерал-губернатора Апухтина о пограничном суде в Оренбурге. И ещё раз, в том же указе, напомнила "о скорейшем окончании мечетей для народов магометанского закона".

В четырехлетний срок, как и рассчитывали, мечети были построены - в Оренбурге (около менового двора), в Верхнеуральске, Троицке и Петропавловске. Здания были каменные, внутри прилично обставлены (насколько позволяла это сделать простота магометанских молитвенных домов).

В 1784 году хан Нурали, не находя поддержки ни в своём народе, ни в российском правительстве, стал проситься у императрицы в Мекку для богомолья и вновь ходатайствовал о прибавке ему жалованья. Через генерала Апухтина ему был дан ответ, что в Мекку он может быть отпущен, если найдётся достойный заместитель, а жалованье будет увеличено вдвое, если в степи не станет "своевольства" и будут приняты меры "к изысканию и наказанию виновных киргиз".

В то время, когда Нурали просился на богомолье, правительство распорядилось послать в степь значительный отряд (численностью 3462 человека) для поимки разбойных шаек, но в результате пришлось удовольствоваться только захватом 43 киргизов, скорее всего, не имевших отношения к грабёжам. Это послужило новым поводом к набегам на пограничную линию. Особенно сильно от Сарыма Датова и его приспешников пострадала Таналыцкая крепость: в 1784 году отсюда было увезено 176 её жителей.

В конце 1784 года на должность симбирского и уфимского генерал-губернатора вместо Апухтина был назначен генерал-поручик барон Игельстром.

О дальнейшей жизни и деятельности Ивана Акимовича Апухтина сведений не обнаружено. Известно лишь, что умер он в 1792 году, в возрасте 69 лет.

Осип Андреевич ИГЕЛЬСТРОМ,

*симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1784-1792 годах, оренбургский
военный губернатор в 1796-1798 годах*

Осип Андреевич Игельстром (в "Энциклопедическом словаре" Брокгауза и Ефрона: Иосиф Игельстрём) - барон, а затем и граф, сын лифляндского дворянина, родился в 1737 году.

Послужного списка Игельстрома не обнаружено, но известно, что в 1762 году Осип Андреевич был произведён в подполковники. Служил в Польше под начальством князя Репнина, участвовал в предотвращении беспорядков. В 1767 году полковник Игельстром был деятельным помощником при аресте и высылке из Польши епископа Солтыка, архиепископа Львовского, епископа Киевского Залусского и воеводы Краковского Ржевусского.

С началом русско-турецкой войны (1768-1774) барон Игельстром находится в действующей армии. Его имя часто упоминается в штабных документах того времени. Восьмого ноября 1771 года граф Румянцев, делая общий обзор кампании 1771 года, отметил перед Екатериной II "виновников толиких знаменитых побед": "...Генерал-майор князь Трубецкой, князь Долгоруков и барон Игельштрот в самое критическое положение дел в

Валахии и когда почти все генералы разных болезней ради оттуда удалялись, последние оба, будучи прямо больными, оказали своё ревностное желание быть там, где больше служба Вашего Императорского Величества тогда требовала..."

За взятие Ясс, Измаила, Аккермана, Килии и "за ревность к службе" барон О. А. Игельстром был произведён в генерал-майоры и удостоен ордена Св. Георгия III степени.

В марте 1773 года Игельстром обеспечивал русско-турецкие переговоры о перемирии, находясь в распоряжении статского советника И. М. Смолина. Довелось Осипу Андреевичу участвовать и в дальнейших событиях, последовавших за Кайнарджийским мирным договором.

В 1784 году О. А. Игельстром, завершив крымские дела, благодаря покровительству князя Потёмкина был назначен на должность симбирского и уфимского генерал-губернатора.

Прибыв на место, генерал-поручик Игельстром "нашёл оренбургскую линию в опасности" от волновавшихся повсеместно киргизов Малой орды, из среды которых особо выделялся байбактинец батыр Сарым Датов (он открыто нападал даже на Таналыкскую крепость). Видя совершенное бессилие ханской власти для водворения спокойствия в степи, Игельстром признал полезным отменить управление Ордой при посредстве ханов и султанов и ввести управление по положению 7 ноября 1775 года, утверждённому Екатериной II.

Чтобы узнать об этом мнение самих киргизов, Игельстром в середине 1785 года разослал по всей Малой орде воззвания к старшинам, биям и другим влиятельным лицам, в котором предлагал им, оставив грабежи и нападения, сойтись для всеобщего соглашения жить в мире между собой и в покорности России и для обсуждения важнейших народных дел.

Собрание состоялось в том же году осенью под председательством батыра Сарыма Датова. Яростный противник ханской власти, Сарым убедил народных представителей в бесполезности дальнейшего существования ханов в Орде и предложил принести присягу на верность русской царице.

Собрание приняло предложение Сарыма и, присягнув на верность России, обещало прекратить грабежи и набеги, восстановить порядок, исполнять все повеления русского правительства, но взамен потребовало низложения хана Нурали и уничтожения навечно ханской власти.

Генерал-поручик Игельстром исполнил желание киргизов: хан Нурали был вызван из Орды в Оренбург и отправлен в Уфу вместе с сыновьями, некоторыми из приближенных и с прислугой. Здесь ему и его свите отвели приличное помещение и отпустили на содержание около пяти тысяч рублей в год.

Киргизы также оставались верны своему обязательству. В 1786 и 1787 годах было возвращено много русских пленников, уводы с линии почти прекратились: в 1786 году пропало двенадцать человек, в 1787 году - всего два.

Спокойствие в степи нарушалось только султанами, преимущественно потомками Абул-Хаира. Но после открытия в главных родах Малой орды низовых судебных учреждений - расправ, и султаны были отстранены от управления киргизами: расправы подчинялись пограничному суду, а главы и родовые старшины получили полицейскую власть.

Благодаря этому Игельstromу удалось на некоторое время умиротворить степь. Когда началась новая турецкая война (1787-1791), киргизы сохраняли спокойствие, несмотря на все старания Турции вызвать волнения через посредство эмира бухарского.

Ободренный успехом, барон Игельстром сочинил проект нового управления, а на случай, если бы этот проект не был одобрен, подготовил предложение о лишении Нурали ханского звания и замене его Каипом из рода Джадека, бывшего до того ханом в Хиве.

Императрица отнеслась к проекту Игельstromа сочувственно, но рекомендовала действовать осторожно, а кандидатуру Каипа отклонила. И в свою очередь предложила иное решение: разделить Малую орду на три части (по числу поколений - алимулинского, байулинского, семиродского) и построить в степи город, а также мечети для главных родов, школы и гостиные Дворы - "где прилично".

Проект о разделении Малой орды самой Екатерине II осуществить не удалось. Но сорок лет спустя, при Александре I, это было сделано...

«Карта генеральная Оренбургской губернии и смежных к ней мест...», 1755

(Увеличенную копию карты смотрите в отдельном файле – 118_b.jpg)

Для руководства и установления нового порядка управления в Малой орде, Игельстром командировал туда в первой половине 1786 года адъютанта князя Черкасского и ахуна Мухамеджана Гусейнова (с 1788 года - муфтий). Кроме того, киргизам дозволено было получать пособие из казны без возврата, в 1788 году - переселяться из дальних степей на внутреннюю российскую сторону (с условием, что они не будут поселены вблизи один от другого). А в 1789 году Игельstromу было поручено составить проект уложения для киргизов, основанный на народных обычаях.

Ещё в августе 1785 года Игельstrom доносил императрице об открытии построенных в Оренбурге и Троицкой крепости мечетях, на что получил от неё такой ответ:

"...Не сомневаемся, что... сооружение мест для публичной молитвы привлечёт и прочих в близости кочующих или обитающих на границах наших, а сие и может послужить со временем способом к воздержанию их от своеволия лучше всяких строгих мер.

Вследствие того нужно есть: первое - при помянутых мечетях построить татарские школы по примеру казанских и тут же завести караван-сарай или частные дворы для выгоды торгующих магометан; второе - мечети обвести каменным забором, осведомясь у татар, как то пристойно по их обычаю; третье - где же вновь следует построить мечети и особливо в таких местах, как удобнее других посещаемы быть могут, стараться оные так расположить, что хотя и до тысячи пятисот человек в них вместиться могло. О людях, потребных для татарских школ, не оставьте снести с казанским генерал-губернатором князем Мещерским".

Слова свои о построении мечетей и школ императрица подтвердила указом о киргизских делах 27 ноября того же 1785 года (пункт седьмой).

Двенадцатого ноября 1786 года в рескрипте на имя барона Игельstromа государыня опять пишет:

"Как предписано уже от Нас устроить при мечетях школы, то принять меры к скорейшему введению там учения по формальным правилам, заимствуя оные из устава народным училищам в Российской Империи, Нами опробованного, и снесясь о том с комиссиею о народных училищах".

Эти распоряжения дали впоследствии повод утверждать о каком-то множестве заведённых для киргизов магометанских школ. На самом же деле была открыта всего лишь одна такая школа - при оренбургской меновинской мечети, штаты которых (и мечети, и школы) Екатерина II одобрила 28 февраля 1789 года. Всего на содержание мечети и школы повелено было отпускать по 2007 рублей в год.

Барон Игельstrom, по получении указа об утверждении штатов школы, предписал пограничной экспедиции:

"...Училище открыть в непродолжительном времени и наполнить число недостающих при Оренбургской мечети, положенных в штате, мечетных служителей, но прежде определения представить их мне; второе - публиковать во все киргизские Меньшей орды роды, что Её Императорское Величество, попечаясь всемилостивейше о просвещении народа их, указала учредить при здешней мечети для детей их школу, в которую для заимствования учения закону их и грамоте могут прислать и принимаемы будут от каждого из тридцати двух частных их родов по два человека их детей, которым и содержание будет производиться, по пяти копеек в день..."

Девятнадцатого декабря 1789 года пограничная экспедиция разослала приглашения главным старшинам, родовым старшинам и батырам Малой орды привозить в школу детей, - все приготовления к началу "учебного года" были сделаны, лишь предназначавшиеся для школы здания оказались не готовы (постройка их окончилась не ранее 1793 года), и ученики-киргизы до поры до времени направлялись для учения к муллам в Сеитовский

посад.

В качестве преподавателей приходилось пользоваться и услугами казанских мулл. Но казанские муллы отличались религиозным фанатизмом, и в известной степени им удалось развить такой же фанатизм и среди киргизов, которые прежде религиозными фанатиками не были. Так что этот выбор оказался не особенно удачным.

Следует отметить, что новые учреждения и порядки, созданные в Малой орде в 1782 -1790 годы, также не оправдали себя. Вот, например, как описывает тогдашнюю обстановку в степи А. И. Лёвшин:

"...Нападения на границу ежедневно умножались, внутренние междуусобия в орде усиливались, султаны и часть народа требовали себе хана, старейшины, избранные для присмотра за поведением народным, равно как и члены расправ, ничего не исполняли, никогда вместе не собирались, к разбирательствам дел не приступали и ездили в Оренбург только для получения жалованья, а на орду не имели никакого влияния".

Когда Игельстром увидел, что наладить порядок в Малой орде при посредстве новой системы управления не удаётся, он задумался о восстановлении ханской власти и начал было советоваться по этому поводу с султанами. Но тут его вызвали в Петербург, и 10 января 1790 года он уже направлялся в действующую против шведов финляндскую армию.

На время отсутствия Игельстрема исправление должности генерал-губернатора и начальника войск Оренбургского полевого корпуса возложено было на правителя дел Уфимского наместничества генерал-майора Александра Александровича фон Пеутлинга.

Двенадцатого февраля 1790 года генерал-поручик Игельстром сообщил Пеутлингу, что императрицей разрешено ему иметь при себе в Финляндии полторы сотни оренбургских казаков, и посему просил командировать к нему требуемое число их. Отбирать следовало лучших казаков, а им иметь по два хороших коня, порядочную одежду и исправное оружие. Приказ Игельстрема был выполнен.

В мирных переговорах со Швецией, завершившихся заключением Верельского мира (3 августа 1790 года), Игельстром принимал главнейшее участие, за что был награждён орденом Св. Андрея Первозванного, чином генерал-аншефа, похвальной грамотой и золотой шпагой. Предполагалось даже отправить его послом в Швецию...

После окончания войн с Турцией (1787-1791) и Швецией (1788 - 1790), шестьдесят оренбургских казаков вернулись домой, а оставшиеся при Игельстреме числились в комплекте Оренбургского казачьего полка.

В 1792 году барон О. А. Игельстром был назначен наместником псковским, в 1793 году - наместником киевским и черниговским, а 30 мая того же года Военная коллегия поручила ему командовать "некоторою частью войск", расположенных в Польше, и быть при этом полномочным послом императрицы в Варшаве.

В 1794 году барон О. А. Игельстром прибыл в Варшаву, на смену послу Я. Е. Сиверсу.

Польша в это время пребывала в состоянии анархии. Королевской власти фактически не существовало. Борьба между партией "патриотов" и партией "конфедератов" грозила вылиться в восстание... Генерал Игельстром, давно знакомый с Польшей, служивший в Варшаве при Репнине, отличался точным исполнением приказов. Но, как часто бывает, верный исполнитель оказывается не на высоте, когда приходится самому быть главным распорядителем.

Оказалось также, что Игельстром, несмотря на давнее пребывание своё в Польше, совершенно не знает поляков. Когда русские войска поместили на квартирах, между жителями Варшавы поднялся сильный ропот. Ропот подогрело распоряжение польских чиновников, благодаря которому вознаграждение за квартиры получали только избранные (по разным причинам), бедные же должны были держать постояльцев даром. Игельстром, слыша жалобы и желая сделать облегчение городу, вывел часть русских войск из Варшавы, но ропот не уменьшился, уменьшились только средства, сдерживающие заговорщиков. Начались многочисленные сборища.

Встревоженный развитием событий, Игельстром дал знать о них в Петербург и просил усилить его войсками. Но Екатерина II на это не пошла и повелела "употреблять все деятельные способы к усмирению волнения". Между тем, вождь "патриотов" Костюшко принял главное командование и был провозглашён диктатором.

С целью ликвидации восстания генерал Игельстром привёл в движение отряд генерала Денисова, однако в бою под Росла-вицами 24 марта 1794 года Костюшко наголову разбил противника. При известии об этой победе восстала вся Польша. Игельстром не решился действовать смело и энергично, и 6 апреля 1794 года, в ночь на Великий четверг, русские в Варшаве были вырезаны почти поголовно. С большим трудом удалось Игельстрому вывести из города остатки гарнизона (всего 250 человек) и соединиться с прусскими войсками.

Навести порядок в Польше оказалось по силам лишь А. В. Суворову с десятью тысячами войск.

После польских событий Игельстром впал в немилость и вышел в отставку, поселившись в Риге. Однако 1 декабря 1796 года новый император Павел I вновь призывает его на службу.

Когда 12 декабря 1796 года состоялся указ "О новом разделении государства на губернии" и учреждении Оренбургской губернии, "что до сего была Уфимской", генерал от инфантерии барон Осип Андреевич Игельстром был назначен военным губернатором Оренбургской губернии.

Тридцать первого декабря стал известен штат Оренбургской губернии: десять уездов, города Белебей, Бугуруслан и Сергиевск переводятся из уездных в заштатные, учреждаются губернское правление, палаты гражданского и уголовного суда, казённая палата, приказ общественного призрения, шесть городнических и десять уездных судов. Губернским городом остаётся Уфа...

Для управления губернией вводилось разделение власти и учреждались должности военного губернатора и губернатора гражданского. Военному губернатору давались права генерал-губернатора; помимо военных дел, в его ведении находились и пограничные дела. Местом пребывания военного губернатора был определён Оренбург.

Таким образом, О. А. Игельстром стал первым военным губернатором Оренбургской губернии.

В Оренбург он прибыл в январе 1797 года, а 10 февраля 1797 года генерал от инфантерии, военный губернатор, командующий Оренбургской дивизией, шеф Рыльского мушкетёрского полка барон Игельстром объявил о своем вступлении в должность и распорядился по всем делам, касающимся до Оренбургского казачьего войска, обращаться к нему и состоять непосредственно под его начальством как Оренбургского военного губернатора.

Тогда же генерал Игельстром приказал:

"...При поездке его по инспекции, для осмотра им воинских, нарядить в каждой попутной крепости по 20 лучших упряжных казачьих лошадей и в конвой по 10 хороших казаков, при начальниках, по тракту: от г. Оренбурга на Самару, Ставрополь, Уфу, Красноуфимск и Екатеринбург, а оттуда прямейшим трактом на Звериноголовскую крепость".

Проведя смотр всем прилинейным войскам, Игельстром пришёл к выводу о необходимости реформирования в них системы управления и предложил Сенату новую систему -

"кантональную": "...Стража по Оренбургской линии вообще достаточная и содержится так, как надобно, и долговременные опыты доказали, что сими учреждениями граница совершенно безопасна от соседей".

Проект барона был принят, и 10 апреля 1798 года ему было поручено: "1) Точно исчислить башкирцев, казаков и калмыков, способных нести службу, считая по летам от 20 до 50 лет и разделить их по кантонам. А при нарядах на службу строго наблюдать, чтобы службу на линии отбывали жители ближайших к линии кантонов; 2) самую линию для отбывания службы разделить на пять дистанций". И выражалась надежда, что благодаря "вышеописанным учреждениям, Оренбургская линия навсегда будет безопасна, и тягость содержания оной гораздо менее чувствительна, нежели ныне".

Третьего августа 1798 года Игельстром сообщил в Петербург, что, оренбургская линия, имеющая протяжение от реки Тобола вниз по реке Уралу до Каспийского моря, "разделяется, для отправления на ней службы, на пять дистанций": 1-я - крепости и редуты от Усть-Уйской крепости до Верхнеуральска, присоединяя к ней Звериноголовскую крепость и Алабужский редут; 2-я - от Верхнеуральска до Орска; 3-я - от Орска до Оренбурга; 4-я - от Оренбурга до Уральска, и 5-я - от Уральска до Гурьева городка.

Крепостные атаманы должны были доставлять кантонным вернейшие списки и месячные ведомости. Игельстром приказал им определить, "где каждому кантону службу нести", избрать "прямейшие тракты для следования на службу, дабы где нет фуража, можно было требовать через военного губернатора помощи от гражданского начальства". На время службы всех командированных приказано было снаряжать от общества, а "оставшимся семействам также делать подмогу в хозяйстве, особливо во время жатвы и сенокоса, смотря по их состоянию, о чём песчись кантонным".

Всего в кантонах насчитывалось служащих, отставных и малолетков 20449 человек и, сверх сего, в Оренбургском казачьем корпусе - 1090 человек.

Башкиры распределялись по одиннадцати кантонам, мещерыки - по пяти. Башкир насчитывалось около двадцати восьми тысяч, мещеряков - около восьми тысяч; башкиры и мещерыки несли службу по оренбургской линии наравне с казаками. Во главе башкирских и мещеряцких кантонов были утверждены Военной коллегией юртовые старшины и назначены зауряд-чиновники. Зауряд-офицерские звания от зауряд-хорунжего до зауряд-есаула присваивались оренбургским военным губернатором без согласования с Петербургом.

В ордере, данном башкирским и мещеряцким кантональным начальникам и утверждённом Военной коллегией 10 апреля 1798 года, особенно подчёркивалось, чтобы "командируемые на службу партии, наряжены были не иначе, как по очереди, и снабжаемы оружием, одеждою, лошадьми и съестными припасами от всего

* В 1798 году ещё один проект Игельстрёма получил одобрение, и 10 апреля того же года генерал-прокурор А. Б. Куракин издал указ "Об учреждении полиции в г. Оренбурге". Первым оренбургским полицмейстером стал Афанасий Зайцев.

общества". Помимо оружия и лошадей, командируемые на линию наряды должны быть "обмундированы отнюдь не ветхой одеждой по башкирскому обыкновению".

Система управления по кантонам закрепилась и существовала у башкир до 1860 года, а у казаков до 1841 года, когда особо изданными для каждого народа положениями последовало разделение первых на уезды, а вторых - на полковые округа.

Несмотря на все предпринимаемые меры, набеги киргизов на оренбургскую линию полностью не прекратились. В августе 1798 года шайка киргизов, захватила из деревни помещика, коллежского советника Тимашева, а за рекой Сакмарой шесть человек. На возвратном пути пленные были отбиты казаками под начальством капрала Безкручининова, за что тот ходатайством Игельстрома был произведён в сотники.

Оценивая деятельность Игельстрома в устроении границ, Ф. И. Лобысевич в статье "Главные начальники Оренбургского края" писал, что Игельстром в первый период управления Оренбургским краем вводил новые порядки крайне спешно и непоследовательно. Непоследовательность эту Лобысевич объясняет тем обстоятельством, что Игельстром пленился Той-Карой, дочерью хана Нурали, женщиной умной и красивой. Той-Кара была замужем за киргизом, коллежским ассесором Нурмухаметом Хожею (занимал должность заседателя за султана в пограничном суде), жила постоянно в Оренбурге, бывала и в столице, усвоила светскость, но одевалась всегда в национальный костюм. Разумеется, она содействовала потомкам хана Абул-Хаира.

"Игельстром за ласки Той-Кары выхлопотал ей титул княжны, пастбищное место для её стад в окрестностях Оренбурга и право, из уважения к её породе, ездить цугом.

Ловкая киргизка могла приобрести влияние на губернатора тем легче, что барон Игельстром любил молодиться и казаться бодрым. Постоянно скрывая свои лета, он, на 63 году от рождения, говорил, что ему только 47 лет, и один раз с досадой бросил свой послужной список, в котором чиновник, недавно определённый в канцелярию, осмелился прибавить один год".

В сентябре 1798 года оренбургский военный губернатор Игельстром вышел по нездоровью в отставку. Бумаги подписывал по 27 октября.

Умер Осип Андреевич в 1817 году.

Александр Александрович фон ПЕУТЛИНГ, *симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1792-1794 годах*

В 1792 году, после перевода барона О. А. Игельстрома в Псков, симбирским и уфимским генерал-губернатором был назначен генерал-поручик Александр Александрович фон Пеутлинг*.

Александр Александрович фон Пеутлинг родился в 1739 году. Уже в возрасте 11 лет поступил на службу, участвовал в Семилетней войне с Пруссией (1756-1763) и русско-турецкой войне (1768-1774). За отличия в боях получил досрочно несколько чинов. Знаменательно то, что он одним из первых в русской армии был удостоен ордена Св. Георгия IV степени.

До своего назначения А. А. фон Пеутлинг состоял "правителем дел Уфимского наместничества и Уфимской губернии губернатором" (такой титул после административных преобразований Екатерины II носили начальники губерний), в 1790-1792 годах ему пришлось замещать на посту симбирского и уфимского генерал-губернатора О. А. Игельстрома, убившего на войну со Швецией.

Так что с обстановкой в крае Пеутлинг был более чем хорошо знаком.

До учреждения Уфимского наместничества все дела о киргизах находились у оренбургского губернатора, который жил на самой границе киргизских степей, в Оренбурге, и мог отсюда скорее и лучше знать, что делается в степи. Генерал-губернаторы же, квартируя сначала в Симбирске, а затем в Уфе, были слишком удалены от степи, и все сведения о случавшихся в ней происшествиях получали через пограничную экспедицию. При таком положении дел пограничная экспедиция могла служить только промежуточной, передающей инстанцией между киргизскими владетелями и генерал-губернатором, сначала уведомляя последнего о каком-либо событии, имевшем место в степи или на границе, а затем дожидаясь распоряжений, какие меры по нему следует принять.

К одной переписке сводилась и вся деятельность пограничного суда, не выполняли своих функций низовые судебные учреждения - расправы, бездействовала полицейская власть... Поэтому окончательно было решено восстановить в Малой орде ханское правление.

Когда слух об этом пошёл по степи, возмущению батыра Сарыма Датова не было предела. Он уже не хотел довольствоваться набегами, а стал искать помощи у эмира бухарского, прося через доверенных людей присылки войск. Эмир войск не прислал, но обнадёжил его, подстрекая продолжать набеги на русские границы.

В конце января 1791 года Екатерина II остановила свой выбор на султани Ирали, втором сыне Абул-

* В книге П. Н. Столпянского "Город Оренбург" в написании фамилии А. А. Пеутлинга допущена опечатка: Неутлинг. Эта досадная неточность тиражирована во многих трудах и изданиях.

Хаира, и повелела добиться избрания его ханом собранием народных представителей.

Выборы хана были назначены на реке Ори, в шестнадцати верстах от Орской крепости. Генерал-губернатор Пеутлинг прибыл сюда уже 21 августа.

Тридцать первого августа на место, где должна была состояться церемония выборов, начали отправляться войска: семь рот пехоты, три эскадрона гусар, три сотни оренбургских и одна сотня орских казаков, а также три сотни резервных башкир при восьми орудиях. На следующий день туда же выехал и генерал Пеутлинг.

Третьего сентября, в 8 часов утра, тремя пушечными выстрелами было возведено, что наступило время выбирать хана. Собранию прочитали грамоту с обращением императрицы к киргиз-кайсацкому народу о ее желании видеть ханом султана Ирали, затем приступили к самому ритуалу избрания.

Наконец, новый хан в экипаже Пеутлинга, сопровождаемый султанами и почётным эскортом, прибыл в лагерь, и войска по пути отдавали ему честь барабанным боем.

Пеутлинг послал штаб-офицера поздравить хана Ирали с избранием и пригласить его с султанами, старшинами и лучшими людьми к обеду. В это время, по данному знаку, в лагере был произведён 51 пушечный выстрел в знак благодарности государыне за попечение о верноподданном киргиз-кайсацком народе.

Хан с султанами и некоторыми старшинами (всего около шестидесяти человек) обедали в ставке генерала Пеутлинга, а остальные (до двухсот человек) "нарочно приготовленным для них обедом, по обычаю их, на траве были удовольствованы". Во время обеда вновь был дан пушечный салют: пятьдесят один залп за здоровье государыни, двадцать один - за наследника с супругой, одиннадцать - за великих князей и княгинь и семь залпов - за новоизбранного хана Ирали.

Сарым Датов участия в торжествах не принимал.

Генерал Пеутлинг находился в лагере до 8 сентября и вёл с новым ханом переговоры о месте его будущего пребывания. Ирали хотел по-прежнему жить на Сыр-Дарье и оттуда управлять Ордой, но начальник края настоял, чтобы от русской границы он далеко не отдалялся - "для лучшего приобретения любви и доверенности народа", безостановочного разбора дел между киргизами и устранения затруднений по сношению с ним пограничного начальства. Тогда же были выбраны члены в ханский совет и депутаты для посылки ко двору с изъявлением благодарности государыне.

Во время торжеств, происходивших по поводу избрания Ирали в ханы, султан Пирали, управлявший туркменами, прислал к Пеутлингу прошение на имя государыни о принятии его со всем народом в русское подданство, на что 31 октября того же года последовало высочайшее соизволение. Расход на торжества и посылку депутации в Петербург достигал семи тысяч рублей.

Сарым Датов, основываясь на обещании, данном Игельстромом, что потомки хана Абул-Хаира будут навсегда устранены от власти, старался как можно сильнее заявить свой протест против хана Ирали и употреблял всевозможные средства, чтобы возбудить население. Так, он объявил, что по Корану мусульманам запрещено быть под властью неверных, настаивал на прекращении торговли с русскими, убеждал киргизов откочевать подальше от русских границ и вновь посылал просить помощи в Хиву и Бухару.

Наиболее дерзкими в то время были набеги шаек Сарыма на Илецкий городок и Калмыковскую крепость.

В 1792 году Сарым Датов послал генералу Пеутлингу в высшей степени оскорбительное письмо, при этом не удержался и от упрёков в адрес императрицы, а в заключение объявил России войну. И опять пошли те же порядки, что и при хане Нурали...

Невзирая на это, Пеутлингу пришлось продолжать дело Игельстрома об организации школ для детей киргизов. Тринадцатого ноября 1792 года для обучения грамоте был прислан султан Абул-Феис и при нём сын муллы Дуседа. Однако принять этого ученика пограничная экспедиция затруднилась, так как в указе ничего о султанах не говорилось.

Возникшее недоразумение Пеутлинг разрешил следующим образом:

"Хотя доставленный от Ирали хана в экспедицию для обучения татарской грамоте Абул-Феис - солтан и произошёл из роду хивинского, и что прадед его учинил российскому войску великое разбитие, но как сие произошло по военным обстоятельствам, а к тому же Её Императорское Величество всемилостивейшая наша государыня, по беспримерному Её человеколюбию не позволяет чинить взыскания на детях за преступления отцами их содеянные, и для того благословит пограничной экспедиции приказать Абул-Феиса - солтана татарской грамоте по надлежащему обучать, производив ему и служителю его по приличию состояния их кормовые деньги".

Следует отметить, что киргизы совершенно не были расположены отдавать детей в школы, хотя бы и магометанские. В Школе при мечети у менового двора в Оренбурге обучались всего один-два ученика в год. Таким образом, киргизская школа при оренбургской меновинской мечети не имела никакого влияния на распространение среди киргизов татарской грамотности и магометанского вероучения.

Однако попытки Екатерины II вселить в киргизах "людскость" при посредстве просвещения нельзя считать напрасными. Они были только первым семенем, брошенным на дикую почву, которое хотя и долго

пролежало, но всё же пустило впоследствии ростки.

Кроме "ведения киргизскими делами", генерал Пеутлинг выполнял и другие обязанности, лежащие на симбирском и уфимском генерал-губернаторе. Как начальник войск Оренбургского полевого корпуса, генерал-поручик А. А. Пеутлинг назначал наряды на линейную службу, производил в зауряд-офицеры, в урядники, избирал атаманов станиц, увольнял в отставку, а в Оренбургском нерегулярном корпусе производил и в капралы.

Так, по ходатайству прибывшего из армии в Оренбург начальника казачьей команды Оренбургского драгунского полка секунд-майора Степана Борисовича Мертваго, 15 февраля 1793 года Пеутлинг произвёл урядников Михаила Сурова и Ивана Морева "за усердие, знание, прилежание к должности, расторопность и добропорядочное поведение" в хорунжий. А вот войскового старшину Ивана Авдеева Военная коллегия отказалась наградить обер-офицерским чином, по ходатайству Пеутлинга, "ибо мало времени ещё службы, а впредь, по заслуге его, Коллегия наградой не оставит".

В 1793 году к Пеутлингу поступил манифест императрицы от 12 июля, в котором сообщалось о мире, заключённом 29 декабря 1791 года в Яссах и о молебствии, предназначавшемся "для приношения Всевышнему торжественного благодарения". Говорилось и о приобретении пространных областей от Польши - "или паче сказать возвращения к России древнего достояния, неправильного от нея отторгнутого".

День 2 сентября был назначен молебственным для столицы, а для других - "по получении сего указа".

Военная коллегия в свою очередь предписывала (а, следовательно, ждала и доклада об исполнении): "1) О неношении никому тростей со вделанными в них потаёнными кинжалами" и другими орудиями; 2) о высылке "всех обоего пола французов, признающих нынешнее в землях их правление, изо всех мест Российской Империи", с оставлением только тех, "кои не отрекутся присягать по Высочайше Конфирмованному Её Императорским Величеством образцу".

Введенская церковь. Построена в середине XVIII века

Второго сентября 1793 года последовал ещё один манифест, в котором перечислялись события войны с Турцией и Швецией и делалось обращение ко всем начальствующим лицам и учреждениям "вести дела добропорядочно". Объявлялись редкие милости, учреждалась серебряная медаль, для всех нижних чинов. Устанавливался предельный срок службы: 25 лет (раньше служили бессрочно), вводились отличия тем нижним чинам, которые оставались на сверхсрочной службе, перечислялись льготы по денежным сборам и т.д.

Шестнадцатого сентября 1793 года, по рекомендации генерала фон Река, Пеутлинг произвёл в хорунжий урядников Степана Стрельникова, Михаила Скорнякова, Василия Подурова, Леонтия Смирнова и Григория Чигвинцева "за усердие и расторопность, заслуживающих особого внимания, а особливо бывших в Шведской войне".

Первого ноября 1793 года Пеутлинг предписал зачислить в красноуфимские казаки двух башкир

"новобашкирского полка, бывшие под шведом и заполонённые поляками". Башкиры эти насильно были окрещены в католическую веру, а потом бежали в Смоленск и затем в Москву и пожелали принять православие.

Были и другие заботы - будничные, повседневные, порой забавные, но, тем не менее, очень важные для нормального течения жизни. В войсковом архиве хранилось предписание Пеутлинга о командировании казаков на озеро "в Троицкой округе Туа-Заксуль", для охраны самосадочной соли от расхищения жителями соседних деревень, при чём при испытании оренбургскими "господами аптекарями и докторами химическим правилом, соль оказалась в пищу человеческую годною".

Семнадцатого декабря 1793 года Пеутлинг приказал назначить казака, знающего татарский язык, в распоряжение кондуктора Авдеева, командируемого в Хиву. Назначен был ротный писарь Никита Гагин, и на него отпущено жалованье на год.

В 1794 году вследствие прикочевания киргизов к линии Пеутлинг приказал казакам иметь "недрёманую и крепкую" предосторожность и на ночь выставлять секретные пикеты - "при-тины", чтобы не пропускать киргизов на внутреннюю сторону. Пикеты содержались около Оренбурга и при главном лагере, в августе был прибавлен пикет при урочище Большой Остров, у брода около Нежинского отряда - из одного урядника и двадцати казаков...

В июне 1794 года скончался хан Ирали. Генерал-губернатор Пеутлинг, получив уведомление о его смерти, тотчас же сделал распоряжение, чтобы впредь, до назначения государыней нового хана, управление Малой ордой было поручено ханскому совету. Кроме того, Пеутлинг поручил пограничной экспедиции секретно собрать подробные сведения о том, кто из султанов более достоин на возведение в ханское достоинство.

Вскоре, однако, выяснилось, что совет не способен управлять делами, так как члены его или никогда не являлись на заседания, или были явно недоброжелательны к России. На место же Ирали пограничная экспедиция наиболее предпочтительным претендентом сочла султана Ишима. Но дело об избрании нового хана пришлось продолжать уже другому генерал-губернатору: 7 ноября 1794 года вице-губернатор Уфимского наместничества, действительный статский советник князь Иван Михайлович Баратаев сообщил войсковой канцелярии, что Уфимский губернатор генерал-поручик фон Пеутлинг по Высочайшему повелению уволен впредь до определения к другим делам, а исполнять должность правителя наместничества и губернатора поручено ему, князю Баратаеву.

За время деятельности на посту губернатора А. А. фон Пеутлинг, заступивший на эту должность в чине генерал-майора, за отличия по службе был произведен в генерал-поручики и награжден орденом Св. Владимира II степени. Отдав службе 45 лет своей жизни, Пеутлинг скончался в 1795 году (по другим сведениям в 1801 г.).

После смерти у Александра Александровича осталось семеро детей, четверо из которых (два сына и две дочери) были малолетними. В 1808 году вдова его Анна Петровна фон Пеутлинг обратилась к тогдашнему оренбургскому губернатору князю Волконскому за помощью, поскольку средств на содержание семьи и воспитание детей было недостаточно (под Уфой у А. А. Пеутлинга было крохотное поместье с девятнадцатью душами, но доход оно давало мизерный).

Сын А. А. фон Пеутлинга, Петр, был прокурором оренбургской межевой контрольной комиссии, надворным советником.

Сергей Кузьмич ВЯЗМИТИНОВ,

симбирский и уфимский генерал-губернатор в 1794-1796 годах

Сергей Кузьмич (Козьмич) Вязмитинов* родился 17 (18) октября 1744 года. В 1754 году, в возрасте десяти лет, был записан унтер-офицером в observationalный корпус, в 1761 году произведён в прапорщики и определён на службу в ландмилицкий полк Украинского корпуса.

Через десять лет С. К. Вязмитинов, уже в чине подполковника, служит адъютантом у графа П. А. Румянцева-Задунайского, бывшего в ту пору губернатором Малороссии, ещё через шесть производится в полковники и назначается командиром Астраханского пехотного полка, за успешное командование которым в 1784 году получает чин бригадира, а в 1786 - генерал-майора, в том же году ему поручается формирование Астраханского гренадерского полка, после чего он становится его командиром.

В русско-турецкую войну (1787-1791) Вязмитинов командует Екатеринославским корпусом и участвует во взятии Хотина (1788), Аккермана и Бендер (1789). Награждён орденом Св. Владимира II степени.

В 1790 году Вязмитинова ставят правителем Могилёвского наместничества и командиром Белозерского егерского корпуса, ему удаётся продемонстрировать недюжинные организаторские способности: за считанные

* Основателем дворянского рода Вязмитиновых считается потомок древних литовских князей Николай Витоватый, правнук которого Венедикт Станиславович Витоватый в начале семнадцатого столетия поселился около города Вязьмы и стал писаться Вязмитиновым.

дни и с большой экономией для казны он строит на Двине целый гребной флот (70 судов). Такое мимо Екатерины II незамеченным пройти не могло...

В 1793 году С. К. Вязмитинова производят в генерал-поручики и на следующий год назначают сенатором и симбирским и уфимским генерал-губернатором.

Одним из первых документов, адресованных на имя нового генерал-губернатора Вязмитинова, был указ Военной коллегии от 23 декабря 1794 года, предписывающий произвести пятую генеральную ревизию до окончания 1796 года. Требовалось, чтобы "никто не оставался без переписи и чтобы каждый внесён был в ведомость, состоянию ему свойственную".

Если это требование было выполнено, то в 1796 году, по данным пятой ревизии, в Уфимском наместничестве (то есть в Уфимской и Оренбургской губерниях) проживало: положенных в оклад (платящих подушную подать) - 233316 человек, неположенных в оклад - 119918, всего - 353234 человек.

Указ этот ещё раз подтверждает, что Сергей Кузьмич Вязмитинов вступил в должность симбирского и уфимского генерал-губернатора в конце 1794 года, а не в 1793 году, как указали известные уфимские краеведы XIX века Р. Г. Игнатьев и Н. А. Гурвич в "Хронологическом перечне лиц, состоявших во главе управления духовного и гражданского Оренбургским краем и Уфимской губернией, от построения г. Уфы до настоящего времени" (то есть до 1883 года; неточности были допущены ими при обозначении годов службы и других начальников края). Эта ошибка кочует теперь из одного издания в другое.

Настоящую дату подтверждает и "Дневник" М. С. Ребелинского - уфимского чиновника, ежедневно записывавшего происходящие события в течение двадцати лет с 1792 по 1812 год (рукопись дневника хранится, по сведениям Г.Ф. и З.И.Гудковых, в Башкирской книжной палате). Там есть такие записи:

"24 октября (1794. - Авт.) новости таковы, что определён наместник сюда Вязмитинов.

1 ноября (1794. - Авт.) получен указ о бытии здесь генерал-губернатором Вязмитинову..."

С. К. Вязмитинов

В 1795 году генерал Вязмитинов был назначен командиром Оренбургского корпуса. Полковник Лев Николаевич Энгельгардт, сестра которого Александра была замужем за Вязмитиновым, в своих "Записках" писал:

"Он (Вязмитинов. - *Авт.*) уговорил меня перейти под (своё) начальство, чтобы быть вместе с моей сестрой. Почему в 1795 году дан мне был третий Оренбургский полевой батальон, и так я переместился в столь отдалённый край".

Как командир Оренбургского корпуса, Вязмитинов имел и особое поручение: "Возводить порядок среди киргизов и настоять на избрании ими ханом приверженца России - Ишима".

А. Болотов, писатель и естествоиспытатель восемнадцатого столетия, так описывал в своём дневнике церемонию выборов киргиз-кайсацкого хана:

"Нынешним летом (в 1795 году. - *Авт.*) избран был... новый хан киргизский, по воле императрицы. Странная церемония: султаны или начальники их сажали его на особом войлоке, называемом ими кошмою, на лошадь, потом снимали долой и, посадив на войлок сей, долгое время качали, говоря что-то. Потом посадив опять на лошадь, а войлок в клочки расщипывали и по себе разделяли. Ему же отдавалась честь княжеская и от своих и от наших войск. Платье богатое парчовое, шапка от двора лисья чёрная бурая, полукафтанье бархатное, и процессия пышная".

Верность Ишима русскому правительству не вызывала сомнений, и 20 октября 1796 года императрица окончательно утвердила его в ханском достоинстве.

Однако избрание Ишима в ханы только увеличило беспорядки в степи, и сам он, несмотря на все меры, предпринимаемые для своей безопасности, скоро был убит шайкой Сарыма Дато-ва.

В дневнике А. Болотова (1795) есть запись и о самом "губернаторе Пермском" генерал-майоре

Вязмитинове. Несмотря на лаконичность и неточность в названии должности, она, без сомнения, интересна и ценна:

"Молва и приезжие сказывали, что он (Вязмитинов. - Авт.) очень хороший человек и, однако, тамошнего исправника изготовил в ссылку за взятки, сей даже до того забылся, что при ревизии брал с души по рублю с тамошних чудных и диких и глупых народов, и набрал многие тысячи..."

В 1796 году Вязмитинов был назначен шефом Московского мушкетёрского полка. В том же году из состава шести полевых батальонов Оренбургского отдельного корпуса были созданы три мушкетёрских полка: Уфимский и Рыльский, позднее прославившиеся в Бородинском сражении, и Бутырский, хорошо показавший себя в итальянском и швейцарском походах А. В. Суворова.

При Вязмитинове численность Оренбургского казачьего войска постоянно росла. В 1795 году в Оренбургский край было сослано 578 душ обоего пола из Донского казачьего войска, и все они были зачислены в Оренбургское войско. Девятнадцатого августа того же года в войсковую канцелярию поступило предписание Вязмитинова о зачислении в казаки, по их желанию, выходцев из Польши, бывших запорожцев Осипа Мережецкого, Григория Голубничаго, Игнатия Дахи и Андрея Нестеренко. Все четыре запорожца были записаны казаками в Нижнеозёрную крепость.

Зачислялись в войско и иностранцы. Так, 8 сентября 1796 года зачислен был крещёный турок Степан Егорович Бакиров, взятый в плен у Анапы в 1792 году. Турок оказался грамотным, и его назначили ротным писарем.

Записали в казаки, также по распоряжению Вязмитинова, одного молдаванина и принявших православие персиян и башкирцев, всех по трое.

При Вязмитинове Оренбургский край не испытывал особых потрясений, и деятельность губернатора была плодотворной и служила к облегчению тягот всех сословий. Например, до Вязмитинова с тептярей и бобылей ежегодно брали налоги до 85 копеек в год. Кроме денег, налоги платились рожью и крупой. Это было непосильным бременем, так как тептяри, помимо налогов, содержали на свой счёт пятисотенный казачий полк. После обращений губернатора к правительству, тептяри и бобыли стали платить на пять копеек меньше, а налоги продуктами были отменены вовсе.

В 1796 году образовались затруднения с доставкой соли в Челябинск, Троицк и Верхнеуральск, и Вязмитинов со свойственным ему административным талантом, добился снабжения этих городов солью из других источников. Ситуация нормализовалась.

С Сергеем Кузьмичом в дружеских отношениях был наш земляк, великий поэт и государственный деятель Г. Р. Державин. В письме Д. М. Мертваго в Оренбургскую губернию (17 июля 1796 года) Державин так отзывался о Вязмитинове:

"Я и сам совершенную цену знаю почтенного человека. Дай Бог, чтобы он в нашем краю побыл подолее и был благополучен".

Однако быть "подолее" в Оренбургском крае С. К. Вязмитинову не пришлось.

Двенадцатого декабря 1796 года вышел указ "О новом разделении государства на губернии", и, согласно ему, Россия была разделена на 34 губернии, в числе которых "повелено быть Оренбургской губернии, что до сего была Уфимской". Военным губернатором Оренбургской губернии стал генерал от инфантерии барон Осип Андреевич Игельстром, Вязмитинов же, указом от 16 декабря, назначен был "военным губернатором в Чернигов и управлять малороссийской губернией".

Отправляясь к новой должности, Сергей Кузьмич поручил командование войсками Оренбургского корпуса генерал-майору Тренбулату, а Оренбургское и Ставропольское казачьи войска и тептярский полк - уфимскому губернатору.

О дате отъезда Вязмитинова в упомянутом "Дневнике" М. С. Ребелинского записано:

"16 декабря (1796. - Авт.) получен указ, чтоб здешнему генерал-губернатору быть военным губернатором Чернигова".

В должности черниговского военного губернатора Вязмитинов пробыл всего два дня. Об этом в "Записках" Л. Н. Энгельгардта читаем:

"Зять мой... пожалован военным губернатором в Каменец-Подольск, на другой день прибыл новый курьер с известием, что вместо того он назначен в Чернигов, куда он отправился в самой скорости, и только что там пробыл два дня, пожалован был комендантом в Петропавловскую крепость",

Столь стремительное и неожиданное назначение Вязмитинова в Петербург Павлом I позволяет предположить, что именно Вязмитинова подразумевал Сергей Тимофеевич Аксаков, описывая одно из своих ранних детских воспоминаний - о том, как восприняло уфимское общество известие о смерти Екатерины II и о вступлении на престол Павла I (6 ноября 1796 года):

"...Неуспели мы получить известия от кого-то бегущих мимо, что "государыня скончалась", как раздался в соборе колокольный звон и, подхваченный другимидесятью приходами, разлился по всему городу...

Все были в негодовании на В**, нашего, кажется, военного губернатора или корпусного командира -

хорошенько не знаю, который публично показывал свою радость, что скончалась государыня, целый день велел звонить в колокола и вечером пригласил всех к себе на бал и ужин. Я сейчас подумал, что губернатор В** должен быть недобрый человек, тут же я услышал, что он имел особенную причину радоваться: новый государь его очень любил, и он надеялся при нём сделаться большим человеком. Я прогневался на В** ещё больше: зачем он радуется, когда все огорчены. Сначала я слышал, как говорила моя мать, что не надо ехать на бал к губернатору, и как соглашались с нею другие, и потом вдруг все решили, что нельзя не ехать.

Мать не спорила, но сказала, что останется дома. Поехал и мой отец, но сейчас воротился и сказал, что бал похож на похороны и что весел только В**, двое его адъютантов и старый депутат, мой книжный благодетель, С. И. Аничков, который не смог простить покойной государыне, зачем она распустила депутатов, собранных для совещания о законах, и говорил, что "пора мужской руке взять скипетр власти..."

Итак, в 1797 году С. К. Вязмитинов становится комендантом Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости, а затем членом Военной коллегии и управляющим Комиссариатским департаментом, дела которого находились в крайнем запущении. Умелому организатору удалось быстро навести порядок во вверенном ведомстве и пошить для армии обмундирование нового образца, чем он "упрочил милостивое отношение к себе государя". В 1798 году Павел I произвёл Вязмитинова в генералы от инфантерии.

Через год Сергей Кузьмич по собственному прошению уходит в отставку, но Александр I, едва взойдя на престол, вновь возвращает его на службу. Сначала Вязмитинов был назначен вице-президентом Военной коллегии, а после основания Министерства военно-сухопутных дел определён на пост военного министра (первого в истории России).

Трудную задачу создания и организации нового ведомства Вязмитинов решил успешно. При нём в русской армии были начаты и завершены следующие преобразования: учреждена на время коллегия Военного министерства, реорганизованная позже в департамент, упорядочена деятельность Военной коллегии, инженерная часть отделена от артиллерийской и учреждена особая Инженерная экспедиция, объединены Провиантский и Комиссариатский департаменты, реформирован генерал-аудиторат, преобразовано управление крепостями и артиллерией и учреждены особые комитеты для рассмотрения проектов по улучшению артиллерии, в войсках введена на новых началах дивизионная организация, сформировано земское ополчение и т.д.

В 1802 году военный министр Вязмитинов и юстиц-министр Г. Р. Державин стали инициаторами продления именных указов Петра III и Екатерины II о том, чтоб дворян, не дослужившихся до обер-офицерского чина, прежде двенадцати лет службы их в отставку не увольнять. Однако московские дворяне, спровоцированные особым мнением "либерала" графа Потоцкого, устроили настоящую демонстрацию." ...А глупейшие или подлейшие души (московские дворяне. - Авт.) не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодеев выставить на перекрёстках, не проникая в то, что попусшением молодого дворянства на праздность, негу и своеволие без службы, подкапывались враги отечества под главную защиту отечества", - писал Державин.

Отъезжая в 1805 году на фронт (шла русско-прусско-французская война), Александр I поручил Вязмитинову управление столицей со званием главнокомандующего, которое он носил во время отсутствия императора.

В 1808 году, устав от службы, Сергей Кузьмич вновь уходит в отставку, но по образованию Государственного Совета в 1810 году, назначается его членом. Через два года Александр I утвердил Вязмитинова председателем Комитета министров, ему было поручено руководство полицией и управление Санкт-Петербургом.

Во время Отечественной войны 1812 года, Вязмитинов был одним из шести высших государственных деятелей России, которые 5 августа 1812 года на заседании чрезвычайного комитета приняли постановление о назначении М. И. Кутузова главнокомандующим.

Одиннадцатого июня 1813 года Вязмитинов, как начальник гарнизона Санкт-Петербурга, стал организатором прощального парада в связи с доставкой в столицу тела умершего спасителя Отечества - Кутузова.

Охрана императора также находилась в ведении Вязмитинова. Но, по всей видимости, полиция слишком переусердствовала, так как 6 января 1816 года на имя министра полиции Вязмитинова поступил высочайший указ, в котором было изложено следующее:

"...Я узнаю, что полиция во время моих путешествий... воспрещает подавание прошений ко мне в собственные руки.

Такое действие полиции, в некоторой мере удаляющее от моего сведения нужды жителей обозреваемых мною частей государства, никогда не могло быть согласным с моим желанием".

Более никто не мешал государю встречаться со своими подданными...

В 1816 году Сергей Кузьмич был назначен военным губернатором Петербурга, а ещё через два года, 18 августа 1818 года, возведён в графское достоинство.

Судя по сохранившимся изображениям, первый военный министр имел следующие ордена: Св. Андрея Первозванного, Св. Владимира, Св. Анны и Св. Станислава I степени.

Вязмитинов, по воспоминаниям современников, очень любил театр и даже сам написал в 1781 году оперу

"Новое семейство". Как и Державин, он - член (с 1811 года) и один из попечителей общества "Беседы любителей русского языка".

Скончался граф Вязмитинов 15 октября 1819 года в Санкт-Петербурге. Сообщая о его смерти Аракчееву, Александр I писал:

"Смерть Сергея Козьмича меня весьма опечалила и расстраивает в моих соображениях".

Жена Вязмитинова, статс-дама Александра Николаевна, урождённая Энгельгардт, умерла в 1848 году, пережив мужа почти на тридцать лет.

Супруги Вязмитиновы похоронены в Санкт-Петербурге, в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры.

Детей не имели.

ОРЕНБУРГСКИЕ ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Осип Андреевич Игельстром, барон
(1737-1817), оренбургский военный губернатор в 1796 - 1798 годах

Николай Николаевич Бахметев
(?-?), оренбургский военный губернатор в 1798-1803 годах

Григорий Семенович Волконский
(1742-1824), оренбургский военный губернатор в 1803-1817 годах

Пётр Кириллович Эссен, граф
(1772-1844), оренбургский военный губернатор в 1817-1830 годах

Евгений Александрович Головин
(1728-1858), оренбургский военный губернатор в 1830 году

Павел Петрович Сухтелен, граф
(1788-1833), оренбургский военный губернатор в 1830-1833 годах

Василий Алексеевич Перовский
(1795-1857), оренбургский военный губернатор в 1833-1842 годах

Владимир Афанасьевич Обручев
(1793-1866), оренбургский военный губернатор в 1842-1851 годах

Николай Николаевич БАХМЕТЕВ,
оренбургский военный губернатор в 1798-1803 годах

Николай Николаевич Бахметев происходил из старинного дворянского рода, основателем которого был золотоордынский царевич Аслам (Ослам) Бахмет, во святом крещении Иеремия, прибывший в Москву в 1469 году к великому князю Василию Васильевичу (Тёмному) вместе со своими родственниками Касимом и Ягуном Бахментами. Праправнуку его, Евтифею Дорофеевичу, была пожалована в 1562 году волость Собакина в Арзамасском уезде; сын Евтифея, Ерофей, был воеводою в Муроме. Потомки их в XVII веке служили воеводами, стольниками и стряпчими. Яков Хрисанфович, писавшийся Бахмиотовым, состоял полковником при Петре I и комендантом Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Бахметевы внесены в VI часть родословной книги Новгородской, Московской, Пензенской и Саратовской губерний.

Послужного списка Н. Н. Бахметева не обнаружено, но на основании документов известно, что генерал-майор Бахметев был назначен оренбургским военным губернатором в сентябре 1798 года. Полный титул, который Николай Николаевич сам указывал в представлениях на имя императора Павла I, а затем и Александра I, таков:

"Генерал-майор, Оренбургский военный губернатор, управляющий гражданской частью по сей губернии, начальствующий Оренбургским пограничным краем, инспектор Оренбургской инспекции по инфантерии, шеф Рыльского мушкетёрского полка, орденов Российского Св. Анны I степени кавалер и Мальтийского Святого Иоана Иерусалимского командор Бахметев".

В своих "Записках..." отставной генерал-майор И. В. Чернов замечает, что на эту должность Бахметев поступил молодым ещё человеком.

За год до назначения Бахметева, в июне 1797 года все губернские учреждения были переведены из Уфы в Оренбург, но, за недостатком помещений для присутственных лиц, в 1802 году были возвращены в Уфу. Военный губернатор со своими службами остался в Оренбурге поближе к границе.

Ознакомившись в Оренбурге с пограничными учреждениями, Бахметев 25 января 1799 года сделал представление Павлу I о необходимости преобразования пограничной экспедиции в комиссию пограничных дел; что касается пограничного суда, то его Бахметев предложил вообще упразднить "не только по бесполезным казне издержкам на содержание его отпускаемых", но и за полной его ненадобностью.

Павел I представление Бахметева одобрил, и 19 марта того же года утвердил штат пограничной комиссии. А 27 мая 1799 года пограничная комиссия была открыта.

В том же году, 19 октября, в Оренбургской губернии была учреждена епархия третьего класса, но, дабы избежать расходов на постройку помещений для архиерея, пребывание его назначили в Уфе, в имеющемся там казённом доме. Епархия получила название Оренбургской и Уфимской, к ней причислялись Уфа, Оренбург, Троицк, Челябинск, Верхнеуральск, Бузулук, Бу-гуруслан и другие населённые пункты, насчитывающие в общей сложности 205 приходов. Первым главой новой епархии стал преосвященный Амвросий (Келембет).

По сведениям, дошедшим до нас через генерал-майора И. В. Чернова, военный губернатор Бахметев был строгим притеснителем и гонителем казаков; по народной молве, он через особых людей заставлял поджигать кварталы с плохими домами и таким образом переселял их в Форштадт. В своих "Записках..." Чернов пишет также: "Одного из пехотных полков солдаты, по послаблению их шефа, генерала Бахметева, много обижали и даже грабили горожан; суда на них не было". Чернов утверждает, что слышал это от Василия Михайловича Смольникова, лично знавшего Бахметева...

Преосвященный Амвросий (Келембет), первый епископ новой епархии

Строгость губернатора в отношении казаков подтверждают и многие его распоряжения. Вот, например, некоторые из них.

Ввиду того, что срок службы казаков в указе Военной коллегии от 4 ноября 1798 года не был упомянут, войсковая канцелярия испрашивала разрешения Бахметева, "каким образом поступить в рассуждении отставки от службы подведомственных ей казаков", на что Бахметев отвечал: казаки должны быть в службе до тех пор, пока "кто оную отправлять в силах", если же "кто придёт в какую уже старость, или болезнь, что за одного исправлять службы не найдётся в состоянии", то таковых представлять к главному воинскому начальству "с назначением кто за чем исправлять службы не может".

Это разъяснение Бахметева, кроме всего прочего, красноречиво характеризует и порядок службы казаков в XVIII веке.

По предписанию Бахметева от 18 января 1799 года, майору Углицкому поручено было совершить экзекуцию над казаками Скобелькиным, Силкиным, Кадышевым, Чернышёвым, Кичигиным и Сеитуловым, обличёнными в ложных жалобах на своих начальников. Согласно этому предписанию, "первым четырёх по три, а последним по одному наказанию шпицрутенами учинено февраля 7 дня".

Генерал-майор И. В. Чернов

Четвёртого мая 1800 года Оренбургский военный губернатор отклонил ходатайство войсковой канцелярии о выдаче провианта сверхкомплектным казакам, живущим по линии.

В предписании от 7 апреля 1802 года Бахметев обещает, что он будет судить как "дезертиров" всех, кто окажется в станице "спущенным раньше срока" с летней службы, и что атаман Зубков за спуск казаков, бывших в крепостях Ильинской и Губерлинской, со взяткою с некоторых по 20 рублей, а с прочих по 5 рублей, фуражных и жалованья, уже отдан под суд и судится.

Но есть свидетельства и иного рода. Например, когда в ноябре 1799 года повелено было по всей Империи завести в селениях всякого звания, казённых и владельческих, запасные хлебные магазины (на каждую ревизскую душу полагалось по три четверти ржи и по три четверика ярового хлеба - овса или ячменя, какой где родится, собирая его со всех поселян, "которые живут селениями и питаются произведениями земли, кроме кочующих народов"), то Бахметев ходатайствовал перед Сенатом об освобождении казаков от заведения хлебных магазинов, поскольку

"казаки отправляют всегда по очереди службу, старики же из них и малолетние не в состоянии быть такими хозяевами, чтобы можно было собирать с них хлеб в магазин... большая часть казаков, не имея у себя собственного хлеба, Оренбургские военные губернаторы покупают следующий с них за детей с базара по высоким ценам, через что происходит при сборе великая недоимка; хотя же некоторые производят и хлебопашество, но только для своего единственного употребления и то по одному яровому".

Представление оренбургского военного губернатора Сенат признал убедительным и освободил казаков от хлебного сбора.

Что же касается участия казаков в содержании почты и полиции, то Бахметев обязал их отбывать все те повинности, какие исполняют мещане и все вообще городские и деревенские жители. В январе 1800 года он писал в войсковую канцелярию, что казаки избавлены от податей и рекрутских наборов, и, следовательно, если бы остались свободными от отбывания почт, эстафет, содержания полиции, "тогда бы были собственно себе лишь полезными". Бахметев обязал казаков отбывать почты и эстафеты лично или наймом, выставя лошадей для возки почт, курьеров и проезжающих. Земскую почту казаки отбывали преимущественно натурою.

При Бахметеве войска постоянно пополнялись новыми казаками. Так, в 1801 году генерал-майор Бахметев зачислил в войско трёх малороссиян, проживавших в губернии без письменного вида, восемь башкирцев, трёх мещеряков, одного татарина, одного "персиянца", принявших крещение, семь человек "не помнящих родства", четырёх человек "детей работных", пять человек детей своекоштных, двадцать два человека незаконнорожденных - по просьбам их матерей, и одного калмыка, бежавшего из плена.

На службу принимались и казаки, вышедшие из плена, и новокрещёные башкиры - не испрашивая при этом согласия "общества", а лишь "по ордерам Бахметева".

В 1802 году в Оренбургском войске числилось по спискам: офицеров и старшин - 248, казаков - 9112; в Ставропольском калмыцком войске старшин и казаков - 2869; башкир и мещеряков, отбывавших службу на линии - 5519; в двух конных тептярских полках, сформированных из тептярей и бобылей Оренбургской и Вятской губерний - 1030 человек.

Есть ещё одна интересная страница в истории правления Бахметева, и рассказывает она о том, как в Оренбурге в самом начале XIX века чуть было не открылся кадетский корпус.

Пятнадцатого августа 1801 года Александр I подписал Указ "О заведении в некоторых губерниях военных училищ", в котором предлагалось в течение пяти лет открыть военные училища в семнадцати городах: в восьми городах - большие училища на две роты по 120 человек в каждой, а в девяти - малые училища на одну роту. Училища должны были ежегодно направлять по шестнадцать человек от каждой роты в кадетские корпуса для

"окончательного образования к военной службе" и по восемь в университеты - для "окончательного образования к гражданской службе".

В перечень городов, в которых предполагалось открыть малые училища, вошёл и Оренбург.

Пятнадцатого августа того же года Александр I обратился к губернаторам, в том числе к оренбургскому:

"Господин генерал-майор оренбургский военный губернатор Бахметев.

Желая доставить дворянству новые и удобнейшие способы к воспитанию детей и приуготовлению их на службу и зная, с единой стороны, что существующие ныне кадетские корпуса, ограничиваясь по заведению своему известным количеством военачальников, с расширением просвещения и общих понятий о лучшем воспитании сделались несоразмерны ни к числу желающих, ни пространству столь обширной империи, и, что ежели по положению их в столице представляют они особенные удобства в окончательном усовершенствовании воспитания, то в первых по степеням несравненно более можно найти выгод и способов в училищах, учреждениях в самих губерниях, где воспитанники, не разрывая родственных связей, только существенных в нравственном образовании, в глазах родных своих. С лучшим сохранением чувств их привязанности, с большею Удобностию для их помещения, без дальнего переезда в том почти воздухе и на той воде, и, следовательно, с лучшею целостью их здоровья и с большею достоверностью успеха, могут получить приличное им воспитание, я положил в некоторых губерниях, и между прочим Оренбургской губернии, в городе Оренбурге, учредить дворянское военное училище..."

Завершая обращение, император высказывал уверенность, что оренбургское дворянство пожелает принять участие в этом деле своими пожертвованиями, но при этом остерегал: "Не упустите из виду самое существенное правило, чтоб добрая воля и свободное движение чести было единым побуждением его действия, чтоб удалён был от него самый вид понудительных внушений..."

В 1803 году была создана временная комиссия для рассмотрения проекта о заведении военных корпусов в губерниях. Комиссия предложила открыть военные училища только в десяти городах, "чтобы избежать больших расходов, потребных на постройку сих заведений". В новые списки Оренбург не попал, поскольку в 1802 году центром Оренбургской губернии вновь стала Уфа...

В годы правления Бахметева, вследствие внутренних раздоров киргизы реже, чем прежде, нападали на оренбургскую линию, но торговые караваны не смели показываться в степи. Большой караван был разграблен в 1799 году. Пограничное начальство употребляло все возможные меры к выдаче награбленного, но они ни к чему не привели.

Не уменьшила внутренних смут в орде и замена пограничной экспедиции пограничной комиссией... После того, как хан Малой орды султан Ишим был убит Сарымом Датовым, на его месте большинство населения Малой орды желало видеть султана Каратая Нуралиева, энергичного и храброго человека, о чём и было заявлено пограничной экспедиции, но решено было управлять Ордой без хана, ханским советом. Однако киргизы для разбора дел в совет не явились, и новая попытка управлять Ордой без хана опять не удалась.

Шестнадцатого сентября в ханы был избран султан Айчувак, сын Абул-Хаира. Айчувак был стар, глух, без воли и энергии, а народ считал его похитителем власти у султана Каратая. Последствием этого назначения стали внутренние смуты и грабежи, а набеги на границы, преимущественно на башкир, усилились.

По ведомости, составленной статским советником Жуковским, с 1758 по 1800 год киргизами было пленено 2893 человека. Но за выходящих из киргизского плена казна не платила, а платила лишь за "хивинских и бухарских пленников".

В подчинении главного начальника Оренбургского края и оренбургской пограничной комиссии с 1801 года стала находиться и Букеевская орда. Одиннадцатого марта 1801 года разрешено было султану Букею Нуралиеву с подвластным ему народом части Малой орды кочевать навсегда между Яиком и Волгой, на землях, оставленных бежавшими в 1771 году калмыками. Переселенцы получили название Внутренней (Букеевской) орды, а её султану Павел I, и позволивший это переселение, пожаловал золотую медаль на чёрной (мальтийской) ленте со своим портретом - для ношения на шее.

Седьмого мая 1803 года генерал-майор Бахметев предписал

"командировать немедленно из оренбургских русских казаков, благонадёжных и исправных 15 человек, чтобы в том числе находились знающие кузнечное, плотничное и печное мастерство. При одном начальнике хорунжем Шубине и Никольской станции есауле Абдуле-Кариме Мухамет-Каримове, со всем оружием без лошадей и послать их к свите Его Величества поручику Гавердовскому, которых и считать в особой комиссии при Гавердовском".

В том же 1803 году из Оренбурга в Бухару было отправлено посольство под начальством Гавердовского (Якова) с требованием выдачи беглого тептяря Валита Халитова, делавшего в Бухаре фальшивые русские ассигнации, и с предложением улучшить торговые сношения. Гавердовский вёз от государя подарки хану бухарскому. В переводчики был назначен губернский секретарь Мурсалим Бекчурин. С Гавердовским пошёл и купеческий караван с червонцами и товарами на сумму 296846 рублей.

Возбуждённые слухами о несметных богатствах каравана, киргизы 9 сентября в числе тысячи человек обрушились на отряд в урочище Ходжа-Берген (недалеко от Сыр-Дарьи) и, несмотря на отчаянное сопротивление конвоя (было пятнадцать оренбургских казаков и девять человек тептярского 2-го полка), разграбили караван. Гавердовский, отступая с боем, 27 сентября вернулся в Оренбург.

Из-за продолжающихся неурядиц в Орде и обеднения, многие киргизы проявили большое стремление к переходу на жительство в Россию. Часть из них спрашивала разрешения пограничного начальства на водворение в Башкирию, но ещё больше селилось там тайно, без всякого спроса. Киргизы приходили на русскую границу и предлагали своих детей (иногда за несколько четвертей хлеба), нередко и себя в рабство русским, или изъявляли желание поступить в казачью службу - при полном с их стороны согласии принять христианскую веру...

Но разбираться пришлось уже князю Г. С. Волконскому, сменившему в 1803 году на посту оренбургского военного губернатора Н. Н. Бахметева.

Где и когда умер Николай Николаевич, установить не удалось. Известно, что он ещё дважды был губернатором: с 1812 года - смоленским, а с 1815 - волынским.

Григорий Семенович ВОЛКОНСКИЙ, *оренбургский военный губернатор в 1803 - 1817 годах*

Волконские, писал Л. Н. Толстой, одна "из тех русских фамилий, которую всякий знает и всякий произносит с некоторым удовольствием".

По сохранившимся летописям и преданиям, род Волконских ведётся от Святого князя Михаила Всеволодовича Черниговского (потомка Рюриков, умер в 1246 году), внук которого Иван Юрьевич, по прозвищу Толстая голова, был пожалован уделом на реке Волокне. Известно, что два сына его сложили головы в Куликовской битве в 1380 году.

Волконские служили воеводами, стольниками, послами, окольничьими при царском дворе, князь Фёдор Фёдорович в 1650 году получил боярство. В XVIII-XIX веках многие из этого рода достигли видных государственных должностей.

Дед Г. С. Волконского, князь Фёдор Михайлович, был, как и прадед, окольничьим, ходил на Азов с Петром I. Отец, князь Семён Фёдорович (1703-1768), участвовал в Семилетней войне с Пруссией, дослужился до чина генерал-аншефа. Мать, Софья Семёновна (1707-1777) - урождённая Мещерская, княжна.

Григорий Семенович Волконский родился 25 января 1742 года. В возрасте четырнадцати лет поступил на военную службу в чине поручика, а в двадцать один год уже был полковником Рязского карабинерного полка.

В 1767 - 1768 годах Волконский участвовал в военных действиях против польских конфедератов. В 1768 году получил назначение командиром Сибирского карабинерного полка и вместе с ним воевал против турок в русско-турецкой войне 1769-1774 годов*.

За победу при Кагуле (приток Дуная в Бессарабии) 21 июля 1770 года, "пожаловали Мы, - писала Екатерина II командующему 1-й армией генералу П. А. Румянцеву, - полковников Енгепарда, Панина, кн. Прозоровского и кн. Волконского - кавалерами 4 класса ордена Св. Георгия".

В 1774-1776 годах Г. С. Волконский, уже в чине генерал-майора, принял участие в усмирении крымских татар, в 1787-1791 годах, во время второй русско-турецкой войны командовал 1-й дивизией в составе Украинской армии генерал-фельдмаршала графа П. А. Румянцева, затем состоял при светлейшем князе Г. А. Потёмкине, объединившем командование, и, наконец был зачислен в корпус генерал-фельдмаршала князя Н. В. Репнина.

* Из указа Военной коллегии (от 21 октября 1769 года):

"...С наименьшим удовольствием видит коллегия и весьма благоразумные распоряжения господина генерал-майора Черторижского, усердие его к службе и военное искусство, так <же> как и отменная храбрость, расторопность и хорошая резолюция господина бригадира Суворова, господ полковников князя Волконского и Рене достойны по всей справедливости отменного примечания и уважения, сего ради и имеете вы не только им, но и во всём нашем корпусе, о особливом Военной коллегии сами их столь похвальными поступками удовольствия объявить, а притом и обнадёжить, что оные впредь конечно послужат им к приобретению монаршей милости и благоволения..."

Герб князей Волконских

Щит разделён на две части: в правой герб великого княжества Киевского: в лазоревом поле стоящий ангел в сребротканой одежде, держащий в правой руке серебряный меч, а в левой золотой щит; в левой части герб княжества Черниговского: в золотом поле чёрный одноглавый коронованный орёл с распростёртыми крыльями, держащий в левой лапе большой золотой крест, вправо наклонённый. Щит покрыт княжеской мантией и увенчан российско-княжеской шапкой.

Главным сражением в военной судьбе Волконского стало сражение у дунайского города Мачин 28 июня 1791 года. Григорий Семёнович командовал корпусом в армии Репнина, на который пришлась основная тяжесть боя (кстати, соседним корпусом командовал М. И. Кутузов). В ходе шестичасовой битвы Волконский находился в передовой линии войск и был ранен в голову саблей (это ранение ещё даст знать о себе). Турки здесь потеряли четыре тысячи человек, русские - в шесть раз меньше.

"Во уважении на усердную службу и мужественные подвиги, коими он отличался в сражении при Мачине", генерал-поручик князь Волконский был награждён орденом Св. Георгия II степени (этим же орденом был отмечен генерал-поручик М. И. Кутузов).

В 1795-1796 годах Г. С. Волконский (генерал-аншеф с 1794 года) командовал 2-й дивизией в армии Александра Васильевича Суворова и глубоко усвоил его "науку побеждать". Но и великий полководец был доволен своим учеником - "неутомимым Волконским", как называл он Григория Семёновича за его энергичность.

Г. С. Волконский

Четырнадцатого июля 1803 года Александр I назначил героя екатерининских войн генерала от кавалерии князя Волконского оренбургским военным губернатором. При этом Волконский становился инспектором Оренбургской инспекции, кроме того, в обязанность ему вменялось и управление гражданской частью Оренбургской губернии.

Второго августа 1803 года в Петербурге Г. С. Волконский представлялся Александру I и благодарил за назначение "в Оренбургскую губернию Военным губернатором", 15 и 20 сентября обедал за императорским столом и около 10 октября, то есть через три месяца после назначения, выехал из Петербурга. По дороге князь на несколько дней заехал в Москву, 16 ноября был в Уфе и только в конце ноября - начале декабря 1803 года прибыл, наконец, в Оренбург.

Перед отъездом из столицы новоиспечённому губернатору была вручена высочайше утверждённая инструкция, которой предписывалось: "1) обратить внимание на весьма усилившиеся хищничества киргиз-кайсаков на линии и на неоднократные разграбления... караванов, проходящих по степи; 2) тщательно расследовать причины недовольства киргиз и строгими, но справедливыми мерами устранить усиление злобы и вражды; 3) исследовать, соответствует ли положение и устройство кантонов своей цели, надлежащим ли порядком отправляется служба в кантонах и нет ли каких злоупотреблений; 4) изыскать меры для усиления

поселений на линии, чтобы лучше обеспечить границу, не привлекая излишнего числа регулярных войск, требующих больших издержек на продовольствие и другие служебные надобности; 5) обратить внимание на внутреннее положение губернии и пресечь злоупотребление земской полицией, не допуская недоразумений между гражданским и военным начальством; 6) возможно чаще доставлять соответственным министрам полные и обстоятельные сведения о всём заслуживающем внимания..."

Десятого января 1804 года Волконский присутствует на открытии канцелярии Оренбургского казачьего войска, а неделю спустя, прослужив в два только месяца в новой для себя должности, удостаивается "особенной признательности" Александра I - "за то, что при самом вступлении в управление вверенного... края, деятельностью и благоразумными распоряжениями... заготовление провианта для магазинов Оренбургской линии и по уезду Уфимскому произведено с ощутимыми для казны выгодами".

Шестнадцатого июня князь отправляется в ознакомительную поездку по губернии. Возвратившись из неё через шесть недель, устраивает инспекторскую проверку частям оренбургского гарнизона. Вероятно, весьма неудовлетворённый результатом, Г. С. Волконский добивается и очень скоро (19 августа) получает позволение составить для охраны оренбургской пограничной линии четыре гарнизонных батальона из неспособных к полевой службе и подлежащих отставке нижних чинов Оренбурга и других инспекций. Чуть позже (28 ноября) эти гарнизонные батальоны слились в один и стали именоваться Оренбургским линейным батальоном.

В отношении киргизов новый губернатор начал своё правление с того, что упразднил расправы и исходатайствовал разрешение посылать в Орду, по собственному усмотрению, отряды из иррегулярного войска численностью 500-1000 человек, с присоединением к ним в случае надобности лёгкой артиллерии, под начальством благонадёжных чиновников. Следует отметить, что Г. С. Волконский быстро и вполне рационально разрешил проблему перехода киргизов на правую сторону Урала, установив за перепуск их скота через линию (в сущности, границу) следующую таксу: "С лошади по 1 коп., с коровы и быка по деньге, а с барана по 1 полушке в месяц". Киргизам, кроме того, разрешено было наниматься в работники, за что взималась билетная плата.

По-новому была образована система управления и среди башкир, что впоследствии принесло хорошие плоды.

А вот указ о том, чтобы уральским казакам "служить не по найму, а по очереди", и введение по всему войску единообразного обмундирования вызвали между уральцами такое неудовольствие и ропот, что в 1804 году губернатор вынужден был лично отправиться в Уральск для их взамумления...

При Волконском произошло заселение внешней оренбургской линии от Оренбурга до Западной Сибири, при этом исетские казаки, узнав, что их вывозят на линию, заявили, что все они "повергаются священной Монаршей воле и готовы где бы его Императорское Величество благоугодно назначить им место".

Растроганный этим князь велел председательствующему Оренбургской войсковой канцелярии капитану Ханжину объявить исетским казакам, что, первое, их готовность к переселению на линию "показывает особливые их усердия к службе и преданность к Отечеству, как истинных сынов Отечества", о чём он в своё время представит монаршему воззрению, а так как количество их превышает надобность в заселении линии, и правительству не угодно, чтобы они оставляли прежние свои места, то

"предъявить им по приложенным спискам назначить людей к переселению. Остающиеся, равно и переселяющиеся, всегда имеют будут свободу беспрепятственно по желаниям их видаться между собою и друг другу давать помощь, о чём и последует в своё время войсковой Оренбургской канцелярии повеление".

Помимо благодарственных слов, Волконский распорядился снабдить переселенцев лошадьми (по две на семью), семенами и всем необходимым "для обзаведения нового хозяйства".

Забота о переселенцах потребовала немалых расходов: 1300 лошадей и двадцать тысяч пудов хлеба (помимо прочего). И Волконский предложил пополнить казну за счёт разработки илецкой соли. Восемнадцатого апреля 1805 года было образовано управление Илецкого соляного промысла, а 31 августа того же года - экспедиция для управления Илецкого соляного промысла. Разрешили "вольную продажу" соли ("до 1½ миллионов пудов, вместо ныне добываемых 500 тысяч пудов"), почти вдвое увеличили число ссыльных работников (до трёхсот вместо 173), повысили плату за работы "по выломке и по перевозке соли", улучшили условия труда.

В мае 1805 года князь сам побывал в Илецкой Защите и сделал, что мог для облегчения участи ссыльных рабочих.

Для лучшего устройства промыслов правительство разрешило отмежевать из "пустопорожних земель киргизской степи" шесть тысяч десятин наилучшей пахотной земли и сенокосных лугов возможно ближе к Илецкой Защите, и "две тысячи десятин лесу и кустарника, могущего вырасти в строевой лес". Четыре с половиной тысячи десятин земли предназначалось для трёхсот человек ссыльных, по пятнадцать десятин каждому, тысяча десятин - для свободных поселенцев, издавна проживающих здесь, и пятьсот десятин - "для хозяйственного распоряжения в пользу Илецкой Защиты".

О положении на линии и вблизи Илецкой Защиты свидетельствует такой факт: год спустя, по приказу

Волконского, из казаков, служащих на форпостах по Илецкому соляному тракту и в самой Илецкой защите, были сформированы команды для охраны от киргизов межевщиков при отмежевании земель и леса, и для разъездов и осмотра лесов, когда они будут отмежеваны...

В 1805 году военный губернатор отправился второй раз инспектировать Оренбургскую губернию и вверенные ему войска. Побывал в Уральске, Симбирске, Казани, Уфе, в других городах обширного края.

Двадцать третьего июня князь пишет из Уфы своей дочери Софье:

"...Доезжаю 3000 вёрст - осматриваю войска, обозреваю уезды, благосостояние народу и справедливость в городах генерального всех судей; жалоб довольно, и много закоренелых и гнусного интереса вижу; браню, страшаю, иных переменяю, только б с Божескою милостью удовлетворить бедных терпящих. Не исключая повсюду осмотреть остроги и их жилища. Я очень доволен, что в сие лето и происшедшим все 12 уездов лично обозрел и тех уездов города, присутственные главные места и нижние здесь каждое видел и подтвердил чиновникам прилежание попечительнее быть каждому вверенному их смотрению..."

Возвратившись в Оренбург и отдыхая у "добродетельного Н. И. Тимашева", Волконский снова пишет письмо дочери и как бы подводит в нём итоги своей поездки:

"...Довольно хлопот с частью моей Азии: Лечебник (то есть рецепт. - Авт.) один - самому за всем смотреть и быть строгу: таковы здесь в Губернии люди, особенно в Уфе, нравственности и совести мало".

В другом письме к ней же Волконский не без гордости признаётся:

"Наш "Меновой двор" людней Петербургской биржи. Слава Богу, что в моё начальство начался цветущий торг, и хищный и необразованный народ создал, что их берегу и обоюдной пользе в торговле помогаю".

Увиденное в поездке и при инспекции войск, вероятно, и на этот раз не слишком удовлетворило Г. С. Волконского. По крайней мере, именно после возвращения из неё он решает открыть в Оренбурге военное училище, чтобы обеспечить губернию подготовленными кадрами. По мысли Г. С. Волконского, училище должно было содержаться за счёт пожертвований и средств самого населения^{*} и носить имя высоко ценимого всеми первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева.

С этой идеей Григорий Семёнович в 1806 году обратился к родственникам и потомкам Неплюева, а также общественности. Идея была принята с благосклонностью, и на строительство училища поступила 21 тысяча рублей. Однако в Петербурге проект Волконского отклонили, и только в 1824 году преемнику Григория Семёновича, Эссену, удалось выхлопотать разрешение на учреждение в Оренбурге военного училища.

Между тем в Европе уже во всю полыхали "революционные" войны. Третьего декабря 1806 года Александр I издаёт манифест о поражении союзных государств Австрии и Пруссии от Наполеона и образовании в связи с этим временных ополчений и земских милиций. Во исполнение манифеста Волконский приказывает командиру Оренбургского казачьего полка полковнику Углицкому "быть при двух казачьих полках, выкомандированных из войска, к Москве".

Но до Европы от Оренбурга далеко, и, оценивая свою трехлетнюю службу на посту военного губернатора, Григорий Семёнович пишет:

"Дел у меня почти нет, и на границе спокойно, решения о войске буйных уральцев другой год ожидаю. Четыре новых батальона в новых готовы. Хана выбрал. С Божеской милостью, от Оренбурга до самой Сибири, на пространство тысячу вёрст желающие войны, оренбургские казаки других названий, с их семействами, на линии водворяются. К сему заведению их хозяйств и домов не употребил ни рубля одного казны. Лес приготовлен, строение <место> ветхих зданием каменных. Гостиный двор, Меновой двор. Государем утвержденную сумму уторговал 50000 р. Слава Богу, всё успешно по милосердию Божескому. Киргизцы смиренны - в губернии смиренны. Усмирить бы подлежало и 20000 россиян, предложенных в экспедицию на Хиву".

В июне 1806 года, побывав в Уральске и погостив в Ташле у Тимашевых, Волконский выехал в Петербург, посетив по дороге Миасский завод, Челябинск и Пермь. В столице князь пробыл около двух месяцев, и 18 ноября "за состояние в порядке" Оренбургской губернии был награждён высшим орденом России - Св. Андрея Первозванного.

Поэт Евреинов на награждение Волконского (как и на отъезд его при назначении в Оренбург) отозвался стихотворным посланием, в котором есть такие строки:

Иной бы, получа такую благодать,

^{*} Исключение Оренбурга из списка городов, в которых надлежало официально открыть военные училища, произошло из-за изменения статуса города, с 1802 года числящегося уездным.

*В театр бы поскакал, чтоб там себя казать,
А ты, достойный муж, в храм Божеский спешишь;
Всевышний зрит с небес, как ты его высоко чтишь.
Наш Первый Александр благословит к тебе.
Известен он уже подробно о тебе,
Что ты сколь справедлив, сколь чист своей душою,
Все рады за тебя итти крутой горою.
Ты прямо человек, ты прямо христианин,
Волконский князь! Так ты прямой у нас Болярин.*

О расположении Александра I к Г. С. Волконскому свидетельствует не только это награждение, но и тот факт, что за время своего двухмесячного пребывания в столице князь пятнадцать раз приглашался к обеду в Зимний дворец.

В Оренбург губернатор вернулся в январе 1807 года...

Год 1807 отмечен был в губернии частыми и сильными пожарами. В Самаре выгорело 155 казачьих домов, в Сорочинской крепости - сорок. Особенно сильный пожар случился в Уральске: 11 июля, при сильном и порывистом ветре, здесь выгорело 2120 домов (из 3584) и два храма. В августе князь сам отправляется в Уральск, чтобы лично содействовать устранению страшных последствий этого несчастья, и, возвратившись, отдаёт распоряжение завести пожарные инструменты всем жителям Форштадта: по две заливные трубы, пристойное число багров, вил, больших крючьев и несколько бочек для воды.

В январе 1808 года в Оренбург к Г. С. Волконскому приезжали сыновья: Николай и Сергей (будущий декабрист). В феврале Оренбургскую инспекцию наименовали дивизией и расписали на бригады. Осенью 1807 и весной 1808 годов у князя разыгрались приступы лихорадки, но помогли кумыс, "благорастворённый" воздух и "прилежная ходьба"...

Двадцать пятого июня 1808 года губернатор отправляется в третью инспекционную поездку по губернии. Он проехал через Таналыцкую и Верхнеуральскую крепости, побывал в Шадринске (Пермская губерния), в Челябинске, Златоусте, Уфе, сделал остановку в Оренбурге (в начале августа) и далее через Уральск добрался до берегов Каспийского моря. За два месяца им было проделано около четырёх тысяч вёрст.

Углежжение на Златоустовском заводе. Начало XIX века

Добыча руды на Златоустовском заводе. Начало XIX века

Чрезвычайный интерес представляет "Эскиз из замечаний во время вояжа", написанный Волконским во время остановки его в Златоусте 18-20 июля 1808 года:

"Проехав более тысячи семисот вёрст Оренбургской линии и перед дверием (дверью. - Авт.) края Сибирского я возвратился в границы порученной управлению моему Оренбургской губернии. Находясь ещё за 600 вёрст от моего неперменного местопребывания, неизлишним считаю сказать: Оренбургская линия, за четыре года обнажённая и от хищных соседей-киргисцов ежечастно посещаемая, ныне заселена четырьмя линейными внутренними неподвижными баталионами и тремя тысячами казаков. Непрерывная цепь на пространстве более тысячи вёрст составлена из самих водворённых, тем надёжнейшая, что они, защищая свою собственность, защищают и границы. Устройство крепостей средняго разряда, рядут-домов, изобилие в скотоводстве, успех в земледелии, радость сияющая на лицах новых защитников линейной черты, их рвение и всегдашняя готовность к отражению хищников-ордынцов - всё доказывает довольство собственным их состоянием. Признаться можно откровенно, что сии успехи моих предложений и мне приятны, тем более, что последствия сего заселения будут сопряжены с ощутительными выгодами для казны по предмету продовольствия всех линейных здешних войск. Опыты в земледелии там, где прежде были пространства дикие степи, ручательствуют в абыльных и плодах на будущее время; казна, получая провиант из рук поселенцев для продчих войск, збережёт ежегодно многия тысячи.

Проехав до самой Сибири, осмотрев за Тоболом рекою войски, я в границы возвратился в округ Челябинской, принадлежащий к Оренбургской губернии. Повсеместное обилие в продовольствии по всем отношениям, чистота нравов жителей, прекрасныя местоположения, подобно садам английским, приводили меня в восхищение. Можно сказать безошибочно, что этот уголок есть лучший уголок в России, сохранивший непорочность нравов и откровенность души праотцов русских.

Из города Челябинска продолжал я путь самую срединую гор Уральских, известных в древности под именем Рифейских. Сто вёрст сими прелестными местами уже проехал, остаётся ещё вояжировать горами триста вёрст в прямую линию. Судя по описаниям об Альпийских горах, нельзя подумать, чтобы здешния горы с прекрасными долинами, покрытыми многочисленными стадами, не могли сравняться с оными: и здесь есть седые Альпы, покрытые вечным снегом, и здесь бьют каскады, и здесь есть утёсы, устрашающие путешественников, но не страшные оттого, что уж несколько веков грозят разрушиться над головами непрерывных вояжиров и никогда ещё не упали. Взбираться на гору восемь вёрст и спускаться с неё 16 вёрст значит поставить в параллель Уральские горы с Альпийскими; но я это сам делал, проезжая сквозь густые туманы. Преимущество здесь ещё то, что богатые рудники, редкие заводские заведения обогащают и казну и заводсодержателей миллионами. Теперь я в заводе Златоустовском. Пушечный гром, освящение завода были моею встречей: фейерверк, громкое ура, веселие народа были моим препровождением. Пушечный гром дотоле раздавался, пока я расстался с добрыми здешними жителями, при всех трудах благоденствующими".

Между тем, "добрые здешние жители" выходили на работы партиями и не иначе, как вооружённые, и не проходило дня без донесений с линии "о злонамеренных действиях киргиз".

В июне 1806 года в ста верстах от линии был разграблен купеческий караван в триста верблюдов, следовавший из Хивы в Оренбург. Отбить караван не удалось. Вернулся ни с чем и генерал-майор Герценберг с отрядом.

С августа 1807 года во главе крепостей были поставлены коменданты, "главнейшие обязанности" которых состояли "в соблюдении граничного спокойствия, отвращении всего того, что вред жителям причинить может". С. Г. Волконский, заботясь о безопасности торговли с Бухарой, составляет положение о вооружённом караване и через газеты "Московские ведомости" и "Санкт-Петербургские ведомости" дважды обращается к русскому купечеству с приглашением принять в нём участие.

Однако набеги и грабежи продолжались, и охотников участвовать в караване не находилось...

История последних волнений в степи такова. В 1805 году хан Малой орды Айчувак Абулхайров, ссылаясь на старость и болезни, попросился в отставку. Просьба была удовлетворена, и Айчувак вышел в отставку, получив содержание в тысячу рублей в год. Но, оставляя пост, Айчувак повёл дело таким образом, что Волконский в качестве единственного приемлемого кандидата в ханы Малой орды представил государю старшего сына Айчувака султана Джантюрю.

Такой выбор не сулил ничего доброго, поскольку большая часть Орды первым кандидатом на ханское достоинство полагала султана Каратая, сына хана Нурали. Но при Айчуваке, приходившемся Каратаю дядей, претендент свой протест выражал глухо, теперь же, когда стало известно, что ханом будет его двоюродный брат Джантюрю, начал протестовать открыто.

Опасаясь больших беспорядков при церемонии избрания хана, Волконский назначил выборы на 3 сентября 1805 года около Оренбурга, собрав тайно живших в его окрестностях почти одних байгушей (бедняков), которые и подтвердили выбор Джантюрю. Но, как ни скрывали место и время выбора хана, Каратай узнал об этом и немедленно приехал в Оренбург.

Григорий Семёнович, очевидно, желая поправить дело, пригласил Каратая и Джантюрю к себе обедать, и здесь, объявив о состоявшемся избрании хана, предложил Каратаю поздравить Джантюрю и выпить за здоровье государя и нового хана. Каратай в самых "энергических" выражениях объявил своё несогласие с выбором и прибавил, что пьёт за здоровье государя, но не за здоровье нового хана.

Не расположен был к Джантюрю и председатель ханского совета султан Урман Нуралиев, брат Каратая, который жаловался на производимые Джантюрю поборы.

Александр I утвердил Джантюрю ханом Малой орды 15 сентября 1805 года, а 31 мая 1806 года последовало и одобрение состава ханского совета. После этого набеги на линию и нападения на караваны стали беспрестанными. Более того, вскоре Каратай уже не стеснялся именовать себя ханом и утверждал свою власть силой: непокорных избивали, лишали имущества. Мятежные шайки действовали по всей линии - от Гурьева городка до сибирских слободок.

Второго ноября 1809 года султан Каратай во главе двухсот шехтинцев и при поддержке многих султанов напал на ханский аул и убил хана Джантюрю Айчувакова.

После гибели хана правление Малой ордой Волконский возложил на ханский совет, но на самом деле в Орде не стало никакого правления, и самозванный хан делал всё, что хотел: грабил прилинейные селения, уводил людей в плен. Особенно страдали башкиры 6-го и 9-го кантонов.

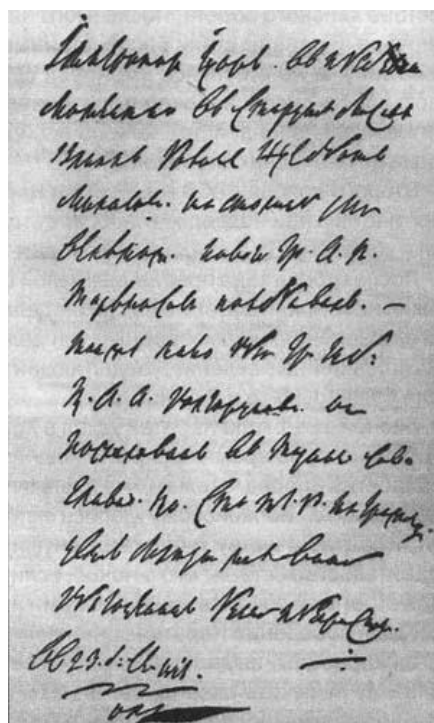
Весной 1811 года Каратай уехал в Хиву, и беспорядки в степи на некоторое время прекратились.

Забегая вперёд, скажем, что лишь в последние годы своего правления Г. С. Волконскому удалось склонить непокорного султана к сотрудничеству: губернатор внушил Каратаю, что русское правительство оставит его в покое, если он сам не навлечёт на себя строгости законов хищническими предприятиями. С этого времени поведение Каратая совершенно изменилось: он оберегал караваны, выдавал беглых, и местное начальство поручало ему вырывать пленников. В 1815 году Волконский даже предложил ему (после смерти хана Пирали) звание хана туркменского, но Каратай отверг предложение и ходатайствовал о возведении в ханское достоинство одного из сыновей умершего брата.

Но вернёмся к хронике наиболее заметных событий...

В конце 1808 года один из оренбургских приятелей князя Волконского купец Ф. К. Шапошников пожертвовал десять тысяч рублей на предмет постройки в городе богадельни - "с тем, чтобы на проценты с этой суммы содержалось 25 человек", сам выстроил для неё каменный дом и обеспечивал это заведение всецело на свой счёт в течение пяти лет.

Двадцать седьмого апреля 1809 года за содействие научным изысканиям в Оренбургской губернии её главный начальник Г. С. Волконский был избран Почётным членом Императорского общества испытателей природы, Президентом которого состоял граф Алексей Кириллович Разумовский.

Фрагмент письма Г. С. Волконского из Оренбурга от 23 сентября 1816 года

Одиннадцатого октября 1809 года был образован инженерный департамент и введено разделение всех крепостей на десять округов. В Оренбургском округе в семи штатных крепостях назначены инженерные команды.

Десятого мая 1810 года князь Волконский, уважив просьбы казаков, переменял расписание наряда летней службы, и теперь казаки могли служить при своих крепостях.

В июле 1810 года Г. С. Волконский вновь выехал в Петербург. В столице он остановился в собственном доме на Мойке (в том самом, в котором впоследствии жил и умер А. С. Пушкин). Подсчитано, что за семь месяцев пребывания в Петербурге, Г. С. Волконский сорок четыре раза встречался с императором. А 18 февраля 1811 года, перед самым выездом в обратный путь, ему были присланы перстни от государя и государыни.

В начале 1812 года ханом Малой орды, вместо убитого Каратаем в 1809 году Джантюрю Айчувакова, был утверждён его брат Ширгазы Айчуваков. Однако, опасаясь грозившего расправиться и с ним мятежного султана, он редко показывался в степи.

В связи с такой щекотливой ситуацией, чреватой усилением беспорядков в Орде, Волконский разослал комендантам линейных крепостей циркуляр, в котором предостерегал от киргизских нападений на линию:

"...Не дремать, вверенную вам дистанцию охранять всеми возможными данными вам средствами, я требую от вас, чтобы вся линейная стража была налицо и в действии, никакие отговорки не спасут вас от должного взыскания по законам".

В июле 1812 года, по получении высочайшего манифеста о нашествии Наполеона, Г. С. Волконский призвал

"всех верноподданных" на защиту Отечества и предложил, чтобы "во всех местах, где есть храмы, объявлены были копии одного манифеста священникам, а магометанского закона - ахунам и другим духовным лицам, дабы не оставили они, соединённо с прихожанами Всемогущему Господу Богу, принести тёплые моления о ниспослании Святой благодати Его на преодоление возставшего врага и на поражение укреплённых противу России сил его, а потом чиновникам и казакам, всем без изъятия служащим и неслужащим, как только могут действовать оружием, повергнуть, чтоб тотчас приготовились они на оборону своего Отечества..."

Губернатор приказал войсковой канцелярии сформировать три пятисотенных полка из Оренбургского казачьего войска и один пятисотенный полк из казаков Илецкой и Сакмарской станиц Уральского казачьего войска.

Всего из Оренбургской губернии в 1812 году поступило в состав армии двадцать четыре полка Оренбургского и Уральского казачьих, башкирских и мешеряцких войск. Все эти полки участвовали в сражениях и были в заграничном походе русской армии.

Восемнадцатого мая 1814 года мир с Францией был заключён. Однако через год от управляющего

Министерством полиции и главнокомандующего в Петербурге генерала от инфантерии С. К. Вязмитинова поступило секретное сообщение о принятии мер против разосланных Наполеоном эмиссаров (шпионов), "через коих без сомнения, возмутитель спокойствия всей Европы, в теперешнем его положении, по своим вероломным правилам прибегнет к заслуженному средству, т.е. будет рассеивать повсеместно ложь, подстрекать на дерзкие поплзновения и разглашения буйства и безначалия, действовать на дух людей. Подобные примеры уже были в 1812 году..." Ввиду сего князь Волконский предписал "усугубить старание к открытию подобных зловредных людей, донесению о них и задержке таковых".

После войны 1812 года в крае было немало казаков и солдат, отмеченных наградами за геройские подвиги. Но встречались и фальшивые "герои". Сохранился любопытный документ: предписание князя Волконского в войсковую канцелярию от 30 мая 1816 года, сделанное по поводу обращения к нему юртового есаула Фехтуллы Махмутова. Махмутов просил Волконского позволить носить ему снятую им по бытности в армии с убитого офицера золотую медаль, объясняя при этом, что он, по примеру прочих башкирских чиновников, имеющих на себе знаки отличия, снятые с убитых же, носил медаль до самого прибытия в Оренбург, здесь же, без особенного на то дозволения, носить не осмеливается...

Князь Волконский усмотрел из этого, что "проситель и многие другие не по заслугам получили знаки отличия" и немедленно требовал отобрать и медали, и знаки отличия, снятые с убитых.

В 1815 году в Российской Империи была "учинена" новая ревизия, седьмая по счету. И, как всегда, возникли немалые затруднения: от казаков требовали сведений по форме о податных, а казаки податным сословием не были, специальных же форм (бланков) для них не прислали; в башкирских и мещеряцких кантонах требовалось дать сведения о прибыли и убыли против прежней, шестой ревизии, но шестая ревизия в башкирских кантонах не проводилась, кроме того, писарей, знающих русский язык, было всего по одному на кантон. Не хватило, за расходом в оренбургском казачестве, и просто печатных бланков, списки составлялись "вольно", на обычной бумаге.

Княгиня А. Н. Волконская

Списки через войсковую канцелярию от всех комендантов поступали в оренбургскую казённую палату. За непредставление списков губернатор Волконский назначил пеню (штраф) по пять копеек с души. Со всех почти станиц были взяты по этой причине немалые деньги. С одного только казачьего 4-го кантона собрали 198 рублей и 4 копейки. Некоторые списки, сданные в казённую палату, не были даже подписаны и неизвестно какой станицы, а потому возвращались.

Вскоре Волконский отдал распоряжение не взыскивать пеню с казаков, так как запоздание произошло не по их вине.

Двадцать шестого декабря 1817 года Г. С. Волконский был вызван в Петербург и назначен членом Государственного Совета. На этом посту он и умер 17 июня 1824 года, прослужив государю и Отечеству 66 лет.

Князь Волконский был женат на дочери своего командира княжне Александре Николаевне Репниной (1757-1834), бывшей обергофмейстериней Высочайшего двора и статс-дамой. У них было три сына и дочь.

Старший из детей, Николай Григорьевич (с 1801 года князь Репнин - он принял фамилию матери, чтобы сохранить угасающий род князей Репниных), генерал от кавалерии, участвовал во всех походах против Наполеона. Раненый и взятый в плен под Аустерлицем, отказался отличного предложения Наполеона освободить его из плена, если он даст честное слово два года не воевать против него. В 1813-1814 годах был наместником Саксонского королевства.

Второй сын, Никита Григорьевич (1781 - 1841) - генерал-майор, участвовал во всех войнах начала XIX века. Был женат на княжне Зинаиде Александровне Белосельской-Белозерской (1792-1864), известной своими талантами и образованностью.

Третьим ребенком в семье была Софья Григорьевна (1785 или 1786-1868). Вышла замуж за своего дальнего родственника князя Петра Михайловича Волконского, генерал-фельдмаршала, неразлучного спутника Александра I, Министра Двора в 1826 - 1852 годах.

О Сергее Григорьевиче Волконском, младшем сыне, многие знают как об участнике Отечественной войны 1812 года и декабристе. Был женат на М. Н. Раевской, которая, как известно, I последовала за мужем в Сибирь.

Интересен и тот факт, что оренбургский губернатор Г. С. Волконский доводился двоюродным дедом Л. Н. Толстому.

Похоронен князь Григорий Семёнович Волконский, кавалер всех российских орденов (исключая орден Св. Георгия I степени), в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге.

Из-за контузии в голову Григорий Семёнович отличался некоторыми странностями в поведении. Историк Ф. И. Лобысевич в статье "Главные начальники Оренбургского края" рассказывает, что князь "был большой чудаки, постоянно ходил в халате с надетыми на него орденами и в таком костюме даже прогуливался по улицам, сопровождаемый толпами мальчишек. Когда князь выходил из дому посидеть на крыльцо, то любимым его занятием было останавливать женщин и любезничать с ними. Получив из С.-Петербурга бумаги, князь Волконский прежде всего распечатывал царские указы, благоговейно крестился, целовал подпись, но не читая, клал их за образ в своём кабинете. Когда же являлся правитель канцелярии, который собственно управлял краем, то, отдавая ему указы, приговаривал: "дать надлежащий ход".

Бумаги князь подписывал, не читая, и только спрашивал правителя канцелярии: "Ты читал, что здесь написано?" - "Читал, ваше сиятельство". - "Побожись". Правитель божился, что читал, и тогда его сиятельство изволил подписывать всё, что ему ни подавали".

По воспоминаниям генерал-майора И. В. Чернова, князь Волконский, проходя по улицам, иногда бросал медные деньги в народ, особенно в большие праздники.

Такой странный и причудливый образ жизни, конечно, был известен в Петербурге, и говорили, что князя не раз вызывали в столицу, но тот прямо отвечал, что не поедет, потому что тотчас же по приезде умрёт в тамошнем климате.

Вместе с тем И. В. Чернов опровергает утверждение Лобысевича о том, что Волконский плохо управлял краем. В своих "Записках" он пишет, что Г. С. Волконский был хорошим администратором, но в последние годы своего правления занимался исключительно важными делами. Кроме того, без его ведома невозможно было делать никаких указаний.

Характеризуя время правления в крае Волконского, Чернов приводит воспоминания современников оренбургского военного губернатора:

"Князь Волконский устраивал вечера для танцев, на которые приглашал жён и дочерей казачьих офицеров в их казачьих нарядах: девицы в жемчужных лентах или повязках, а замужние в кокошниках. Он был последний губернатор, к которому на вечера приглашались казаки. Военный губернатор Волконский давал народные увеселения для всего населения, особенно в исключительных случаях. Вечера отличались своею затейливою программой: фейерверки, ракеты, разноцветные огни в виде каскадов. Особенно блистательные праздники были во время приезда к нему жены с семьёй из Петербурга".

В оренбургском доме Волконского было много клеток с птицами, подаренными ему: канарейками, соловьями и др.

Б. Л. Модзалевский писал о Григории Семёновиче:

"Старик был характера мягкого, добродушного, поэт в душе, страстный меломан... и знакомил оренбургских обывателей с творениями Марчелло, Палестрины, Перголеза, Страделла и др., а также с польской Козловского, русской Бортнянского. Волконскому всякая практика жизни была чужда. Он, кроме того, был со странностями, и здесь сказывалось влияние раны в голову, полученной при взятии Мачина. В семье было предание, что однажды он своего старшего сына Николая ударил по щеке. Сын ушёл и заперся в своей комнате. Через несколько минут раскаявшийся отец стучится в дверь, но сын не открывает. Тогда слышится голос: "Отопри, я стал на колени". Сын открывает дверь, - и оба, отец и сын, стоят на пороге друг перед другом коленопреклонённые".

С годами странности увеличились. В книге княгини Е. Г. Волконской "Род князей Волконских" упоминается о том, как Григорий Семёнович в Петербурге в карете цугом выезжал на базар и сам закупал провизию; сзади кареты, по бокам от ливрейных лакеев, висели гуси и окорока, которые он раздавал бедным. Будучи чрезвычайно богомольным (на портрете В. Л. Боровиковского он изображён с руками, положенными на Библию), он иногда останавливал свою карету, выходил и, посреди улицы становясь на колени, творил молитву. Непомерно употреблял одеколон...

Ещё одна причина чудачеств Волконского - это подражание А. В. Суворову, память к которому он благоговейно хранил всю жизнь. Как и Суворов, считавший прусскую военную форму уродливой, он не хотел носить косы и букли ("букли - не пушки, косы не штыки"), чем навлек на себя гнев императора Павла I.

Барон М. А. Корф в своих "Записках" называет князя Волконского "человеком известным в своём роде; ездя по Петербургским улицам без мундира или сюртука, в одном комзале и с непокрытою головою, он заходил на пути в каждую церковь, прикладывался к иконам и вообще старался подделываться во внешних приёмах под все причуды и странности Суворова".

Как и Суворов, оренбургский губернатор любил холод. Так, А. И. Второв писал, что Волконский "зимой и летом ежедневно обливался холодной водой, ходил часто по улицам без верхнего платья и говорил "Суворов не умер. Он во мне!".

Пётр Кириллович ЭССЕН, *оренбургский военный губернатор в 1817-1830 годах*

Во время отступления Наполеона, казаки отбили у французского штаба коляску с документами. Среди прочих бумаг обнаружили заметки о русской армии и её военачальниках, собранные за год адъютантом французского посла в России де Лонгерю. Заметки эти впервые опубликованы в 1906 году военным историком П. Н. Симанским, в них - краткие, но весьма точные, по мнению специалистов, характеристики 58 генералов и высших офицеров русской армии. Что для нас особенно интересно, значился здесь и будущий оренбургский военный губернатор Пётр Кириллович Эссен.

Вот его краткий словесный портрет, сделанный французским разведчиком:

"Генерал Эссен-3*. Пётр Кириллович, 38 лет, начальник 8-й пехотной дивизии, хороший генерал и очень храбрый подогнём; всегда употребляемый для действительной службы. Имеет достаток".

Следует отметить, что не все генералы, указанные наполеоновским резидентом, удостоились столь лестной оценки.

Этот документ, а также другие исторические источники опровергают утверждение некоторых современников Эссена о том, что карьера генерала составила волей случая и стечением благоприятных обстоятельств.

Карьера Эссена и впрямь была стремительной, но отнюдь не случайной. Пяти лет от роду, в 1777 году он был зачислен в лейб-кирасирский полк вахмистром, а 1 марта 1790 года переведён в морской гренадерский батальон. Служа в Гатчине, Эссен обратил на себя внимание цесаревича, будущего императора Павла I, и по воцарении на престол тот перевёл Эссена в лейб-гвардии Измайловский полк, в декабре 1796 года произвёл в полковники, а ещё через год в генерал-майоры и назначил шефом Выборгского пехотного полка. В том же году за отличное состояние полка Эссен был награждён орденом Св. Анны II степени.

Широкое поле деятельности открылось для молодого генерала в 1799 году. Находясь со своим полком в корпусе генерала Римского-Корсакова в Швейцарии, Эссен мужественно дрался с французами* и за отличия в боях был награждён орденом Св. Анны I степени, а в январе 1800 года произведён в генерал-лейтенанты.

* В русской армии существовал обычай присваивать военным с одинаковыми фамилиями номера. Оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену соответствовал номер третий, поскольку Эссеном-1 был Иван Николаевич Эссен (1759-1813) - генерал-лейтенант, каменец-подольский военный губернатор, Эссеном-2 - Александр Александрович Эссен (?-1805), генерал-лейтенант, шеф Черниговского драгунского полка.

* Донесение (от 29 сентября 1799 года) А. В. Суворова императору Павлу I о неудачной атаке французами отряда А. И. Горчакова: "От генерал-лейтенанта Римского-Корсакова из Цюриха от сентября 1-го числа получил я рапорт, что 28-го августа в час пополудни неприятель атаковал перед Цюрихом четырьмя батальонами отряда генерал-лейтенанта князя Горчакова пост генерал-майора Эссена, где два батальона Эссена полку, две егерские роты полков Титова и Фока и один эскадрон драгунского Шепелева находились. Он хотел воспользоваться темнотою ночи, но генерал-майор Эссен, собрав тотчас свою передовую цепь, встретил его картечными выстрелами, после которых бросился он на левый фланг, где штыками мушкетёр и огнём егерей был отбит до его передовых постов. Потеря неприятельская состоит убитыми 2 . . I офицера и 50 рядовых; в плен взято 11 <человек>, отбито несколько ружей, сум и патронов. У нас убито: низших чинов 14, ранено 34. Генерал-лейтенант князь Горчаков много похвалит генерал-майора Эссена в соблюдении совершенного порядка при сём нападении в большую темноту ночи и хорошее его распоряжение в сём первом в Швейцарии российских войск действии.

Князь Италийский, граф Александр Суворов-Рымникский".

П. К. Эссен

По возвращении из Швейцарии П. К. Эссен занял пост Выборгского военного губернатора и инспектора Финляндской инспекции, спустя два года стал шефом Шлиссельбургского пехотного полка, а ещё через четыре года - начальником 8-й пехотной дивизии, с которой и принял участие в войне с Францией в 1806-1807 годах и во всех сражениях показал себя храбрым и распорядительным командиром. За эти "баталии" император (уже Александр I) наградил Эссена орденами Св. Георгия III степени и Св. Владимира II степени, а прусский король орденом Красного орла I степени.

Участвовал П. К. Эссен, в то время начальник 27-й пехотной дивизии, и в русско-турецкой войне 1809-1812 годов, за что по окончании её был награждён золотой шпагой с надписью "За храбрость" и двумя орденами: Св. Александра Невского с бриллиантами и Св. Владимира I степени.

В 1812 году, с началом наполеоновского нашествия, Эссен снова воюет против французов и за свои подвиги награждается ещё одной золотой шпагой с надписью "За храбрость".

После окончания войны и возвращения из Франции сорокачетырехлетний генерал-лейтенант Пётр Кириллович Эссен был назначен оренбургским военным губернатором, управляющим гражданской частью, командиром отдельного оренбургского корпуса и начальником пограничного края. В должность вступил 15 марта 1817 года.

Одним из первых распоряжений нового главного начальника края был приказ по Оренбургскому отдельному корпусу от 26 марта 1817 года, которым он запретил существовавший дотоле свободный переход через границу как военных, так и обывателей, и предписал комендантам и начальникам кордонной стражи, чтобы впредь

"никто с нашей стороны, ни под каким видом, за черту границы не смел сделать ни одного шага, кроме тех, коим представлены права сии, по положению законов, равно есть ли бы и случились какие происшествия, не преследовать киргизов в их границах ни одного шагу, не делать на кочёвки их нападения и не грабить имущества их под строгою ответственностью, воров же стараться ловить не в их пределах, а по поимке ссылатъ к суду пограничной комиссии, по чему с сего времени всех, переходящих за границу без его ведома, брать под стражу, не смотря ни на какое лицо и мне доносить".

Безусловно, столь категоричное воспрещение переходить за Урал даже для защиты увозимых жён и детей было серьёзнейшим просчётом со стороны нового губернатора и не могло не сказаться на отношении к нему казаков. В конце концов, злополучный приказ отменили (по высочайшему повелению от 31 марта 1823 года), разрешено было преследовать разбойных киргизов и за Уралом, но - на расстоянии не более одного дня пути.

Что касается других начинаний нового губернатора, то они были и удачны, и полезны. Так, в первые же дни правления П. К. Эссен решительно поддержал идею своего предшественника об открытии в Оренбурге военного училища имени И. И. Неплюева и 30 мая 1817 года поручил войсковому атаману

"везде по линии и в кантонах обвести чиновников и казаков о предположенном заведении Неплюевского училища и о выгодах для детей их от просвещения ожидаемых, приглашая всех и каждого на возможное пожертвование к составлению училищного капитала, кто сколько заблагорассудит, и на присылку детей своих в училище по устройению оногo. Пожертвования сие должно сопровождаться добровольною подпискою, а отнюдь не раскладкой на души..."

Эссен просил сообщать и о цели, и о программе, и об условиях обучения в училище:

"...Предместник мой, г. генерал от кавалерии князь Волконский предположил завести в Оренбурге училище, в пользу нерегулярных войск сдешнего края, наименовав оное в память Неплюева, Неплюевским, в котором полагается обучать детей: Оренбургского войска чиновников и казаков, бакирских и меццерацких, киргизских равно и других азиатцев. Беднейшие из них будут содержаться на счёт капитала, пожертвованного от потомков Неплюева и других благотворительных особ, а достаточные на иждивении отцов, которое

назначится весьма умеренно..."

В том же 1817 году, для составления капитала на учреждение в Оренбурге военного училища, губернатор установил сбор с киргизов (по 50 копеек ассигнациями в месяц) за дозволение наниматься в работники к жителям оренбургской линии.

В последние семь лет при Эссене сумма поступлений составила уже 152 тысячи рублей (за время с 1806 по 1817 год пожертвований было собрано всего лишь 40 тысяч рублей). К этим деньгам П. К. Эссен присовокупил бесплодно лежавшие в пограничной комиссии несколько тысяч так называемых "мечетных денег", так что составил капитал в 230 тысяч рублей ассигнациями. Этих средств оказалось достаточно для осуществления мечты князя Г. С. Волконского, и 2 января 1825 года открытие военного училища имени И. И. Неплюева наконец состоялось.

Но ещё раньше, в 1819 году, стараниями П. К. Эссена были основаны школы для первоначального обучения казачьих детей при станицах первых пяти кантонов и при Оренбургском казачьем полку. Затем Эссен стал хлопотать об учреждении гимназии в Уфе, которая и была открыта в 1821 году.

Другой заслугой П. К. Эссена является упорядочение землевладения в губернии, по крайней мере, его начатки. Так, например, в ноябре 1824 года он выговаривал оренбургской межевой конторе, что нарезка земли крестьянам делается землемерами несправедливо, с "поноровкою разночинцам, и везде казаки противу крестьян обижены", и предписал нарезок не утверждать, а представить ему план всему 50-вёрстному округу с показанием всех сделанных нарезок и с подробными исчислениями о каждой нарезке. Полученные план и исчисления Эссен передал учреждённой в Оренбурге комиссии об отмежевании земель к оренбургской линии и казачьим станицам, о чём рапортовал Сенату 19 апреля 1827 года.

Генерал Эссен заметил также, что вследствие быстрой распродажи земель за ничтожные цены положение башкир стало тяжелым, и он воспретил продажу этих земель, чем в значительной мере и сохранил благосостояние башкирского народа.

При Эссене была отправлена в Бухару знаменитая миссия действительного статского советника Александра Негри.

Четвёртого августа 1820 года генерал Эссен сообщил войсковой канцелярии, что

"по Высочайшему Его Императорского Величества именному повелению, назначено к отправлению за границу в Бухарию миссия, в состав которой предложил я начальнику артиллерии отдельного Оренбургского корпуса, генерал-майору Нератову, приготовить к 25-му числу сего месяца два орудия из рот конно-артиллерийских Оренбургского войска, с надлежащим количеством людей и лошадей и со всеми потребностями, а оной войсковой канцелярии предписываю приготовить к тому же времени из ближайших станиц Оренбургского войска есаула 1, сотника 1, хорунжего 1, урядников 4 и казаков 100, с тем, чтобы люди были непременно все из русских, одеты и вооружены исправно и лошадей, как строевых, так и вьючных, имели бы хороших к продолжению хода надёжных..."

Официальной целью миссии были переговоры с бухарским ханом об усилении торговли, никаких указаний от правительства по поводу русских пленников А. Негри не имел. Правда, ему ещё предстояло получить ряд инструкций от военного губернатора Оренбургского края...

Эссен инструкции дал. И предложил А. Негри сделать всё возможное для выкупа пленников частным образом, коли правительство не сочло нужным афишировать эту сторону деятельности миссии.

Вместе с инструкциями губернатор передал миссионерам двенадцать тысяч рублей в червонцах из специальных сумм пограничной комиссии и сверх того 610 рублей на выкуп подканцеляриста Соколова, похищенного из-под Троицка* (деньги эти были собраны местными благотворителями). Плату за одного пленного русское правительство установило в 150 рублей, но Эссен предупредил Негри, что на месте выкуп могут потребовать куда больший, и просил не стеснять себя в средствах.

Передал Эссен и список пленников. Открывался он 1794 годом и заключал в себе 242 имени. Большинство пленников было похищено кочевниками во время рыболовства на Каспийском море и на реке Эмбе, один с солёных озёр в степи, а остальные увезены с покосов, пашен, из-под крепостей и форпостов.

Восемнадцатого декабря 1820 года миссия прибыла в Бухару и оставалась там до 23 марта. Негри постоянно уведомлял П. К. Эссена о ходе переговоров с ханом и его министрами, подробно описывал мучения полонян.

Десятого мая 1821 года миссия возвратилась в Оренбург, привезя с собой девятнадцать освобождённых пленников. Все они пробыли в неволе от 10 до 55 лет, некоторые были похищены в детстве.

Негри представил Эссену и список пленников, оставшихся в Бухаре: ещё 158 человек.

* По сведениям оренбургского краеведа Н. Степаненко

Следует добавить, что проводником у Негри служил султан Арунгазы, которого за успешное выполнение задания наградили медалью. Эссен не раз ходатайствовал о назначении Арунгазы ханом вместо неблагонадёжного Ширгазы, да и сами киргизы высказывали то же желание в своих прошениях, однако безрезультатно. А в 1821 году, по жалобам хана Ширгазы, султан Арунгазы был вызван в Петербург и там задержан.

Этот непродуманный ход русского правительства имел весьма негативные последствия; то относительное спокойствие, которое царило в 1816-1822 годах на оренбургской линии, сразу же, едва по степи разнёсся слух о задержании Арунгазы, было нарушено, снова начались грабежи караванов и нападения на пограничные селения.

Позже, в 1825 году, когда на престол взошёл новый император Николай I, оренбургский военный губернатор сделал ещё одну попытку просить о возвращении Арунгазы на родину, предлагая предоставить ему должность султана-правителя в Средней орде, но Министерство иностранных дел отказало Эссену. Впоследствии Петр Кириллович выхлопотал Арунгазы дозволение на жительство в Москве, но тот этим не воспользовался и остался в Калуге, куда был отправлен из Петербурга...

А тогда, летом 1824 года, Оренбург ожидал у себя Александра I - по установившемуся с 1818 года порядку император предпринимал большую поездку по восточным областям Европейской России. Выехав из Петербурга 16 августа и миновав Москву, государь проследовал через Псковскую, Смоленскую, Тверскую, Калужскую, Московскую и Тульскую губернии, посетил Рязань, Тамбов, Пензу, Симбирск, Самару, Оренбург, Уфу, златоустовские заводы, Екатеринбург, Пермь, Вятку и Вологду.

В конце августа генерал Эссен через пограничную комиссию и комендантов крепостей и линейных казачьих начальников разослал грамоты султанам-правителям Малой орды, хану Букеевской орды и почётным старшинам, биям и султанам с приглашением прикочевать к началу сентября к меновому двору со всем скотом и аулами. Но лишь немногие из киргизов откликнулись на губернаторский зов. Может, и впрямь потому, что не могли поспеть к назначенному времени...

В Оренбург Александр I прибыл 11 сентября. Место для его пребывания было определено на квартире генерала Эссена. На следующий день император побывал в соборах и церквях Оренбурга, посетил меновой двор, тюремный замок. Вечером в честь государя был дан большой бал.

Тринадцатого сентября Александр I ездил в Илецкую Защиту, где осмотрел каторжную тюрьму и "все заведения, относящиеся до разработки и развозки каменной соли", 14 сентября присутствовал на божественной литургии в военной Петропавловской церкви, затем произвёл смотр войскам Оренбургского гарнизона - в трёх верстах от города, на обширном поле между Оренбургом и Бердской казачьей слободой. Войска были расположены в три линии: пехота, кавалерия, позади конная артиллерия. Александр I верхом объехал войска, а затем пропустил их церемониальным маршем, благодаря за службу проходившие части. Все командиры и начальствующие лица были приглашены на торжественный обед.

Следуя обратно в город, император посетил военный госпиталь, городскую богадельню и казармы.

Пятнадцатого сентября 1824 года, в день своего коронавания, отстояв в Преображенском соборе обедню, государь, провожаемый должностными лицами и множеством народа, выехал из Оренбурга по тракту в Уфу.

Через год, 19 ноября 1825 года, Александр I скончался в Таганроге при обстоятельствах, остающихся и ныне не до конца выясненными...

При новом императоре Николае I были предприняты, по представлению Эссена, некоторые перемены в управлении киргизами. Заботясь о положении этого народа в Оренбургском крае, губернатор начал строго преследовать покупку у киргизов малолетних детей и, чтобы уничтожить самый повод к этой продаже: нищету, всеми силами старался поднять их материальное благосостояние.

Добился он и обещания от бухарского хана издать фирман о запрещении бухарцам покупать русских пленных.

А в 1829 году в Оренбургском крае разразилась холера. Энергичные меры губернатора и введение карантина по всей линии способствовали прекращению этого бедствия, но отдельные вспышки болезни наблюдались ещё и в 1834 году...

Седьмого февраля 1830 года Пётр Кириллович Эссен был отозван из Оренбурга и назначен Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором, а в апреле того же года - членом Государственного Совета. Здесь, в Петербурге, ему снова пришлось бороться с эпидемией холеры.

Первого июня 1833 года Пётр Кириллович Эссен за заслуги перед государем и государством получил графский титул. К сожалению, сыновей у Петра Кирилловича не было, и в 1835 году графу Якову Ивановичу Стенбок-Фермор, женатому на единственной дочери Петра Кирилловича - Александре было высочайше повелено принять фамилию тестя и впредь именоваться Эссен-Стенбок-Фермор.

За успешную деятельность на посту Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора, Эссен был награждён орденом Св. Андрея Первозванного, а через несколько лет и бриллиантовыми знаками к нему. Это была последняя его награда - в декабре 1842 года, имея уже семьдесят лет от роду и опасаясь, что преклонный возраст помешает ему исполнять служебные обязанности с прежней ревностью, граф Эссен вышел в отставку.

Скончался Пётр Кириллович 23 сентября 1844 года в Санкт-Петербурге.

Именем Эссена в Оренбурге была названа одна из центральных улиц. И в самом деле, для города и губернии оренбургский военный губернатор сделал немало. Например, добился, что в декабре 1821 года Оренбург освободили от генералитетского, штаб- и обер-офицерского постоя, бывшего одной из причин нежелания жителей города строить новые дома.

После отмены военного постоя, губернатор Эссен взялся за другую серьёзную проблему: недостаток строительных материалов, приискивая дешёвые способы доставки леса и выдавая пособия на постройки.

При Эссене был составлен штат полиции, образованы две конно-артиллерийские казачьи роты, произведена рекогносцировка киргиз-кайсацкой степи между Каспийским и Аральским морями, ему принадлежит проект образования из башкир пятнадцати постоянных полков казачьего войскового правления. Он первым из начальников Оренбургского края обратил внимание на благоустройство Зауральной роши. От жителей Оренбурга губернатор требовал, чтобы около каждого дома был палисадник и в нём посажены деревья. На Николаевской улице его заботами был вымощен тротуар.

Совсем иным предстаёт оренбургский военный губернатор в воспоминаниях его современника графа М. А. Корфа. По словам Корфа, это был "бездарный ограниченный человек и притом никогда ничему не учившийся, был только грамотен по-немецки и по-русски".

Причиной к переводу Эссена в Петербург, утверждает Корф, стал доклад флигель-адъютанта Игнатьева, командированного в 1829 году в Оренбургскую губернию для принятия мер против холеры. Игнатьев по возвращении в Петербург доложил государю, что Эссен совершенно не способен управлять таким важным краем, что там во главе управления должен стоять человек умный и опытный в делах, и тогда государь перевёл его в Петербург под свой непосредственный надзор.

Оренбургским краем Эссен управлял через правителя канцелярии Оводова, человека умного, ловкого и не без образования, но мошенника, каких свет не видел. Сам же Эссен ничего не делал, даже бумаг не читал, потому что ничего в них не смыслил. Оводов же давал движение только тем делам, которые входили в его интересы и расчёты.

Переехав в Санкт-Петербург, Эссен взял с собой и Оводова, который вёл дела в столице так же, как в Оренбурге. Только спустя двенадцать лет, в 1842 году, деятельность Оводова была раскрыта министром внутренних дел Л. А. Перовским. Министр просил Эссена удалить Оводова от должности, но тот не согласился.

Наконец, когда Перовский доложил государю, что петербургский военный генерал-губернатор семнадцать отношений по одному и тому же предмету оставил без ответа, Николай I сделал Эссену строгий выговор, а Оводова приказал посадить на гауптвахту на три дня...

Сведения, сообщаемые М. А. Корфом, заслуживают, по словам историка А. И. Добросмыслова, "полного вероятия", так как граф Эссен оставил о себе недобрую память и среди населения Оренбургской губернии. Но насколько субъективен мемуарист, сказать сейчас трудно. Во всяком случае, следует согласиться с другим историком, членом Оренбургской Учёной Архивной Комиссии С. Н. Севастьяновым:

"Оценка такой исторической личности, как Эссен, крайне затруднительна. Все официальные данные говорят за него, как за энергичного деятеля, в особенности заботящегося о просвещении в крае. С другой стороны, рассказы казаков рисуют его с крайне несимпатичной стороны".

Евгений Александрович ГОЛОВИН, *оренбургский военный губернатор в 1830 году*

После П. К. Эссена оренбургским военным губернатором и командиром отдельного Оренбургского корпуса был назначен видный военный и государственный деятель Е. А. Головин. Но от своего назначения Головин отказался и в Оренбургский край не поехал. Несмотря на это, мы всё же решили немного рассказать о нём, поскольку приказ о назначении Головина был отдан и формально оренбургским военным губернатором он значился.

Евгений Александрович Головин родился в 1782 году. После окончания Московского университета в 1797 году поступил на военную службу.

Участвовал в русско-пруско-французской (1805-1807), русско-турецких (1806-1811, 1828-1829), Отечественной (1812-1814) войнах. Сражался под Аустерлицем, Шумлой, Бородином, Лейпцигом, Варной, был трижды ранен. Отмечен множеством боевых наград и золотым оружием. После взятия Варны (1828) Головин был назначен её комендантом и проявил большую энергию и мужество в борьбе с чумой. Когда солдаты отказались выносить и хоронить трупы, Головин, надев парадную форму, сам отправился в лазарет и лично стремя добровольцами вынес первый чумной труп для погребения. Пример его подействовал, и тотчас образовалась команда добровольцев.

По словам биографа, Головин отличался неутомимой энергией, взыскательностью и педантизмом. Во

время событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 года показал "особую распорядительность" и был пожалован Николаем I в генерал-адъютанты.

Е. А. Головин

К несчастью, большое влияние на Головина имела некая хлыстовка Татаринова, с которой он познакомился в 1821 году, будучи командиром лейб-гвардии егерского полка. Под её руководством он сделался мистиком и строгим ревнителем благочестия, совершая в иной день до пяти тысяч земных поклонов. Татаринова вынудила Головина расстаться со своим полком, а в 1830 году, когда его назначили оренбургским военным губернатором, запретила ехать в Оренбург. Головин подал в отставку и около года прожил в Нарве, куда была сослана Татаринова.

С 1831 года генерал-лейтенант Головин вновь на военной службе. Он участвовал в усмирении польского восстания в 1831 году и военных действиях против горцев на Кавказе. Во время Крымской войны (1853-1856) руководил созданием Смоленского ополчения.

Евгений Александрович Головин занимал во время службы ряд губернаторских постов, но в Оренбурге ему так и не довелось побывать. О своей жизни он написал две книги.

Умер генерал от инфантерии Е. А. Головин в 1858 году.

Павел Петрович СУХТЕЛЕН,

оренбургский военный губернатор в 1830-1833 годах

Граф П. П. Сухтелен был образованнейшим человеком своего времени, прекрасно владел пятью языками (французским, голландским, немецким, шведским и итальянским), состоял членом нескольких учёных обществ. И при всем этом он был необыкновенно добр, отличался простотой и сердечностью в обращении.

Родился Павел Петрович в Петербурге 23 августа 1788 года в семье голландца, перешедшего на русскую службу в чине инженер-полковника (впоследствии Пётр Корнилович Сухтелен стал инженер-генералом и одним из создателей Генерального штаба).

В 1802 году, четырнадцати лет от роду, Павел Сухтелен поступил на военную службу и, благодаря отцу, сразу был определён колонновожатым. В том же 1802 году был произведён в подпоручики квартирмейстерской части, а через год переведён корнетом в Кавалергардский полк.

Боевое крещение Павел Сухтелен получил в 1805 году, приняв участие в первом походе против Наполеона в составе 4-го эскадрона своего полка.

В исторической битве под Аустерлицем, в которой эскадрон Сухтелена отражал нападение левого крыла французской армии, он был серьёзно ранен сабельным ударом в голову и осколком ядра в правую ногу, а в довершение бед вместе со своим командиром князем Репниным попал в плен.

Наполеон, случайно повстречав пленных, заметил семнадцатилетнего Сухтелена и сказал: "Ого! Так молод и вздумал, потягаться с нами!" На что Сухтелен находчиво возразил известным стихом из трагедии Корнеля "Сид", звучащим в переводе примерно так: "Молодость не мешает быть храбрым".

Ответ понравился Наполеону, и он повелел запечатлеть эту сцену на картине. В 1806 году, после обмена пленными, Сухтелен возвратился в Россию и за участие в Аустерлицком сражении был награждён золотой шпагой и произведён в поручики, а в 1807 году вновь поступил в действующую армию.

После заключения Тильзитского мира, Павел Сухтелен сопровождал отца в поездках по западной границе России от Балтийского моря до Чёрного, а при вступлении русских войск в Финляндию и при переговорах о сдаче Свеаборга выполнял роль парламентёра, за что был пожалован званием флигель-адъютанта.

Следующие несколько лет П. Сухтелен провёл в почти непрерывных сражениях: сначала против шведов, затем в русско-турецкой войне 1809-1812 годов.

В конце 1811 года ротмистр Сухтелен с дипломатическим поручением был направлен в Лондон, откуда возвратился только зимой 1812 года, когда Наполеон уже отступал к западной границе. Но повоевать он ещё успел - и при Березине, и при взятии Берлина, и в других сражениях. В битве под Зеггаузен (20 февраля 1813 года) Сухтелен был вновь тяжело ранен (в левую руку).

Вернувшись после излечения в строй, П. П. Сухтелен некоторое время состоял начальником штаба при генерал-лейтенанте графе Вельмоде, затем при графе Витгенштейне, воевал под Дрезденом, Цирной и Лейпцигом.

В декабре 1813 года Сухтелен получил в командование Волынский уланский полк и, совершив с ним переход через Рейн, сыграл видную роль при взятии Люттиха и Намюра. Третьего февраля 1814 года полк Сухтелена отличился при взятии крепости Суассон.

По заключении Парижского мира, Сухтелен был командирован в Швецию, где состоял при штабе наследного принца во время его похода в Норвегию, а затем на Венский конгресс. После пленения Наполеона и ссылки его на остров Св. Елены короткое время управлял Обским департаментом Франции.

В Россию Сухтелен вернулся в декабре 1815 года генерал-майором, командиром 1-й бригады 2-й гусарской дивизии, кавалером орденов Св. Анны II степени, Св. Георгия IV степени, Св. Владимира III степени, прусского Красного орла III степени и прусского же "За заслуги", шведского ордена Меча, французского Св. Людовика.

В начале нового царствования Сухтелен был определён на пост генерал-квартирмейстера Главного штаба, а когда началась война с Персией (1826 - 1828), занял должность начальника штаба отдельного Кавказского корпуса. Был при осаде и взятии крепостей Аббас-Аббад и Сардар-Аббад, при осаде и взятии Эривани принимал в сражениях личное участие, причём собственноручно взял в плен хана, за что был награждён Георгиевским крестом 3-го класса. Когда мирные переговоры, в ведении которых Сухтелен играл заметную роль, были прерваны, он двинулся к укреплённому городу Ардебилу, вынудил гарнизон капитулировать и 25 января 1828 года занял город.

После этого успеха русских шах запросил мира, и 10 февраля в Туркманчае договор был подписан. В числе немногих представителей от России, принимавших участие в выработке окончательных условий мирного договора, был и П. П. Сухтелен.

После непродолжительного отдыха в начале мая 1828 года Сухтелен вновь отправляется в действующую армию. Браилов, Шумла, Базарджик, Варна - вот этапы последнего его боевого пути. Заслуги Сухтелена в русско-турецкой войне 1828 - 1829 годов отмечены орденом Св. Владимира II степени и золотой шпагой с бриллиантами и надписью "За храбрость".

В апреле 1830 года, после краткосрочного заграничного отпуска, генерал-лейтенант Сухтелен назначается оренбургским военным губернатором и командиром отдельного Оренбургского корпуса. Пятого июня он уже был в Оренбурге.

И тут холера, которая, казалось, уже была побеждена, снова дала о себе знать. На сей раз она была завезена из Персии и проявилась сначала в Астраханской губернии, потом в Уральском казачьем войске. В августе холера наблюдалась в Бузулукском и Бугульминском уездах, в октябре - в Белебеевском и в самом Оренбурге, затем в Таналыцкой крепости, Верхнеуральском и Уфимском уездах.

П. П. Сухтелен

Для объединения сил к прекращению эпидемии, 29 августа была учреждена Центральная комиссия с большими полномочиями, в помощь оренбургскому военному губернатору придали флигель-адъютанта, Медицинский совет спешно издал наставление о лечении холеры, был усилен контроль за переходом из соседних губерний и из киргизской степи, по дорогам открыли летучую почту, бумаги прокалывались и окуривались на карантинных заставах.

Принятыми мерами к январю 1831 года холера была практически прекращена (лишь в Уфимской губернии остались тлеть отдельные очаги), и Сухтелен смог заняться другими, не менее важными делами. Например, управлением киргизами, на которых новый оренбургский губернатор впервые взглянул под совершенно иным углом зрения, нежели его предшественники: Сухтелен признал, что киргизов не следует принуждать к оседлости, более того, они должны быть удержаны в кочевом состоянии, ибо только как кочевой народ они могут быть полезны России, став потребителем наших зерновых продуктов и мануфактурных изделий и оставшись производителем кож и другого животного сырья.

Чтобы урегулировать жизнь киргизов, Сухтелен распорядился составить нечто вроде "свода законов", основанного на их обычном праве (предполагалось добавить лишь несколько статей, ограничивающих для кочевников переход к оседлости). К сожалению, избранный для наблюдения за составлением свода обычаев и правил (закона) киргизского народа хан Джигангер оказался не в состоянии выполнить это дело: его свод отличался феноменальной бестолковостью, так что ни понять, ни перевести его не было никакой возможности.

Столь же неудачной оказалась предпринятая Сухтеленом попытка впервые применить между киргизами оспопрививание.

В соответствии со своим убеждением, что киргизы могут быть только кочевниками, а не оседлыми жителями, что хлебопашество им не сродно, но уважая их право на собственные территории, Сухтелен ревниво следил за тем, чтобы киргизов не притесняли казаки. Когда уральские казаки попытались распахать земли за Уралом, считавшиеся исконно киргизским пастбищным достоянием, Сухтелен яростно воспротивился этому. В дальнейшем, для упорядочения пользования землёй, прилегавшей к оренбургской линии с внешней стороны, он приказал пограничной комиссии разделить всю линию, от Гурьева до Звериноголовской крепости, на 22 киргизские дистанции, и против каждой крепости и против каждого отряда по линии определить местного старшину или почётного киргиза - для управления соплеменниками и для соблюдения порядка. Деятельность этих местных старшин должны были контролировать начальники киргизских дистанций, подчинённые в свою очередь султанам-правителям.

Эта мера оказалась соответствующей обстоятельствам и оставалась в силе до 1869 года.

В отношении башкир Сухтелен вполне соглашался с резолюцией Александра I, собственноручно начертавшего на докладе Эссена: "Не лучше ли башкир обратить в казённых поселян". Но предложению графа Сухтелена об обращении большей части башкир в податное состояние, хоть и одобренному правительством, не суждено было осуществиться...

Прибыв в Оренбургский край, Сухтелен обнаружил полный упадок в коннозаводстве и совершенное вырождение породы в Оренбургском казачьем войске. Для устройства конного завода Оренбургское войско располагало земельным участком, но не имело средств на приобретение жеребцов, хотя бы полукровок, и Сухтелен взял на себя хлопоты просить генерала от кавалерии графа Васильчикова, начальника Комитета конских заводов, доложить императору его просьбу о даровании нескольких жеребцов из казённых заводов для казачьих войск Оренбургского края.

В конце января 1832 года стало известно, что государь разрешает выбрать из военно-конских заводов четырнадцать жеребцов крепкого сложения, "имеющих в себе породу, ростом от 2 до 2 ¹/₂ вершков, для улучшения породы лошадей в казачих войсках Оренбургского края".

Сухтелен постарался поднять у казаков и военное дело: он приказывал собирать их зимой в избы, где инструкторы обучали их поворотам и маршировке, сабельным артикулам отдания чести и приёмам наилучшего потребления их в бою; конным строем и выездкой занимались весной по посеве хлебов, летом бывали большие манёвры.

Уральские казаки, несмотря на отдельные недоразумения, считали время, когда во главе края стоял Сухтелен, счастливым, и в честь него хотели назвать один из новых форпостов. Однако Павел Петрович не позволил, он сказал:

"...Именованному же "Сухтеленским" предлагаю дать другое приличное название, ибо воспоминание меня будет время, когда я благополучно кончу службу свою здесь по званию корпусного командира и военного губернатора".

Мнение губернатора уважили, и форпост был назван Благодарным.

Счастливыми были годы правления Сухтелена не только для казаков, но и для всех жителей Оренбургского края. Военный губернатор горячо к сердцу принимал заботы людей, досконально вникал в их нужды.

Полагая, что Оренбургский край мало заботится о снабжении своего центра предметами, необходимыми собственно для потребления жителей, Сухтелен задумал завести в нём две ярмарки. Но прежде, чем вынести то или иное решение, губернатор обратился ко всем именитым и уважаемым гражданам и попросил каждого сообщить ему своё мнение. Не привыкшие к подобному обращению граждане поспешили с ответами. Их рассуждения и стали основой того представления, с которым граф Сухтелен 16 февраля 1831 года вошёл в

правительство:

"Город Оренбург, по соединению в нём губернского и корпусного управления, хотя считается первым местом в здешнем крае, но в отношении удовлетворения общих потребностей, представляет многие затруднения оттого, что здешний купеческий край, состоя большей частью из людей, занимающихся одним граничным торгом с киргизами и азиатами, весьма мало заботится о снабжении города предметами необходимыми собственно для потребления жителей и особенно высшего звания, которые по сему случаю принуждены бывают многие или выписывать из других мест, или покупать за такие цены, какие назначаются по произволу продавцов. Жители же окрестных и удалённых от города крепостей и селений, приобретая нужные вещи от разъезжающих временно торгашей платят им ещё с большею дороговизною или отдают за бесценок произведения своей сельской промышленности. ...По соображению местных обстоятельств и временных съездов купечества в других городах Оренбургской губернии, я полагаю учредить в г. Оренбурге ежегодно две ярмарки - первую с 29 июня по 7 июля, вторую - с 15 по 22 ноября..."

Одиннадцатого марта 1831 года разрешение на устройство ярмарок в Оренбургской губернии было получено, и Сухтелен постарался сделать всё, чтобы о новой ярмарке узнало как можно больше народу. Приглашения были посланы соседям, губернаторам и генерал-губернаторам в Пермь, Казань, Саратов, Омск, Астрахань, Симбирск, Нижний Новгород...

К сожалению, преемники Сухтелена не продолжили это перспективное и многообещающее дело, занялись иными проектами.

Плодотворной была и просветительская деятельность Павла Петровича. Вникая в деятельность Неплюевского военного училища, Сухтелен счёл необходимым упорядочить учебный процесс и несколько изменить программу преподававшихся здесь наук, поскольку обучение шести языкам (трём европейским и трём "азиатским") не принесло, как показал опыт, желаемого успеха. Возникла мысль разделить училище на два отделения: европейское и азиатское (соответственно курсам наук).

Благодаря идее графа Сухтелена с непосильной, а главное, бесполезной зубрёжкой было покончено.

По ходатайству Сухтелена, 6 декабря 1832 года при Неплюевском училище было открыто особое отделение для дочерей нижних воинских чинов, причисленное к 3-му разряду женских учебных заведений (преобразованное впоследствии в Николаевский институт 2-го разряда). Училище было всесословным, принимало бесплатно пятьдесят учениц - двадцать всякого звания и тридцать дочерей военных - и помещалось в собственном доме, приобретённом губернатором за пять тысяч рублей.

Сухтеленом было положено начало научному музею (при Неплюевском военном училище). По замыслу Павла Петровича, музей должен был "вмещать в себе все произведения Оренбургского края: в особенности, включая также коллекции одежд, оружие и всего, относительно домашнего быта и промышленности разных народов..."

Желая дать для всех племён и сословий Оренбургского края как можно более грамотных и всесторонне образованных людей, граф Сухтелен открыл новые школы в казачьих форпостах и станицах, посылал молодых людей в Петербург для обучения фельдшерскому искусству, направил в Казань четырёх питомцев Неплюевского училища, "родом азиатов", для получения ими образования в Императорском Казанском университете, а заметив в губернии недостаток людей, знающих гражданскую архитектуру, особенно в станицах, просил войсковую канцелярию изыскать двух сирот для обучения практической архитектуре у оренбургского губернского архитектора.

П. П. Сухтелен добился прекращения ссылки в край осуждённых, содействовал открытию постоянных военных судов при Уральской и Оренбургской войсковых канцеляриях, получил разрешение для казённых крестьян селиться на оренбургской линии с причислением их к "таможенным" казакам, основал военный госпиталь, построил манеж, эскерциргауз и многое другое.

Петропавловская церковь, в ограде которой был похоронен П. П. Сухтелен

Во всех делах и начинаниях Сухтелена просматривается одна важная черта: он никогда не считал, что администратор, сколь бы искусен он ни был, может добиться сам, единолично, положительных результатов. Он полагал, что только распространение образования, развитие общественного мнения есть залог преуспевания в крае народной жизни. С этой целью граф Сухтелен предполагал издавать в Оренбурге газету, и даже выпустил один её номер ("Оренбургские периодические записки").

Девятого апреля 1832 года "за отлично-усердную службу и неустанные труды по занимаемой должности и за примерную заботливость о благосостоянии вверенного ему края и войск" Павел Петрович Сухтелен был пожалован орденом Св. Александра Невского.

Несмотря на признание заслуг и всеобщее уважение, Сухтелен со свойственной ему скромностью оценивал свою деятельность так:

"Мною не выполнено <многое из> того, о чём когда-то помышлял Неплюев. Занимая место Неплюева и читая его мнения, не могу не поддаться обаянию Неплюева и желал бы исполнить его волю".

К сожалению, желаниям Сухтелена не суждено было сбыться: внезапная смерть, последовавшая 20 марта 1833 года, прервала жизнь этого замечательного деятеля. По общему настоянию жителей Оренбурга, тело Павла Петровича погребли в ограде военной Петропавловской церкви, хотя он и был лютеранином.

У казаков портреты генерала Сухтелена имелись едва ли не в каждом доме. На одном из них, принадлежавшем деду хорунжего Василия Андреевича Щапова, написано было четверостишие неизвестного автора:

*Пока течет Урал пустынный,
Пока шумит ковыль степной,
Ты не забыт, правитель мирный,
В стране, прославленной тобой!*

После смерти графа один из посёлков Уральского казачьего войска и посёлок в третьем военном отделе Оренбургского казачьего войска были названы Сухтеленскими.

Историк П. Н. Столпянский впоследствии писал:

"Сухтеленом положено столько начинаний, что приходится изумляться, как успел сделать столько этот талантливый и администратор - и невольно появляется сожаление, что он слишком рано умер. Будь он большее время Оренбургским губернатором, жизнь города и края, пожалуй, приняла бы иное направление".

Кроме множества полезных дел по благоустройству обширного Оренбургского края, Сухтелен оставил после себя несколько научных и военных трудов, а также краткое жизнеописание генерал-адъютанта Константина Христофоровича Бенкендорфа, написанное по-французски и в русском переводе напечатанное в "Военном журнале". Кроме того, уже значительно позже его смерти, в "Русском архиве" (1876, № 3) появились извлечения "Из записной книжки П. П. Сухтелена - 1816 г."

Павел Петрович Сухтелен был женат на дочери Дмитрия Александровича Зубова, Варваре Дмитриевне, и имел от этого брака единственную дочь, Ольгу Павловну, бывшую фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны.

Василий Алексеевич ПЕРОВСКИЙ, *оренбургский военный губернатор в 1833-1842 годах, оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1851-1857 годах*

"Время Перовского", "золотой век Оренбургского края" - так называют историки период, когда начальником края, его военным губернатором был Василий Алексеевич Перовский. За годы правления В. А. Перовского изменения произошли во всём и коснулись всех жителей Оренбургского края.

Исследователь деятельности Перовского оренбургский историк П. Л. Юдин писал:

"Обширный ум его хотел объять всё, и он жил только одной мечтой, как бы лучше устроить любимый им край, чтобы он был образцовым в России".

Василий Алексеевич был в высшей степени незаурядной личностью, великолепно образованным человеком: знал несколько иностранных языков, любил музыку, поэзию, живопись. Но при всем богатстве дарований и художественном складе ума, он отличался твёрдой волей, самостоятельным характером, ясным пониманием цели и путей её достижения, что, вероятно, и позволило ему стать не просто хорошим администратором, а выдающимся государственным деятелем.

В продолжение трёх царствований В. А. Перовский сумел приобрести полное благорасположение государей, хотя и провёл большую часть своей жизни вдали от царского двора и столичного блеска. Но назвать его баловнем судьбы - значит, погрешить против истины. Всё, чего достиг Перовский, он достиг собственными умом и трудом. В том числе и графского титула, который не перешёл и не мог перейти к нему по наследству от его отца, графа Алексея Кирилловича Разумовского. Более того, и дворянство внебрачному сыну Алексея Кирилловича удалось получить далеко не сразу.

Мать Перовского, Мария Михайловна Соболевская, мещанка, постоянно находилась при графе Разумовском, занимая различные должности. Кроме Василия, у них было ещё три сына и четыре дочери. Все дети получили свою фамилию от названия подмосковного имения Разумовского села Перова и числились "воспитанниками" графа.

Братья Перовские получили блестящее образование и оставили заметный след в русской истории. Василий Алексеевич был четвёртым из них, самым младшим. Родился он 9 февраля 1795 года в селе Почеп Черниговской губернии, воспитывался в Москве. Окончив Московский университет со степенью кандидата, поступил в Муравьевскую школу колонновожатых и был выпущен прапорщиком в 1811 году.

В 1812 году Василий Алексеевич состоял в арьергарде 2-й армии, которой командовал Багратион. В Бородинской битве (а Василию Алексеевичу довелось участвовать в ней) ему пулей оторвало указательный палец на левой руке, почему он и носил потом на остатке его серебряный наконечник-напёрсток, вызывающий у людей самые разные догадки и предположения (одни говорили, что палец Василий Алексеевич отстрелил на охоте, случайно, другие - что нарочно, и не на охоте, а от несчастной любви, и т.д.).

Второго сентября 1812 года, при отступлении русских войск из Москвы, Перовский с двумя казаками по чистой случайности был задержан французами во время перемирия и отправлен к королю Неаполитанскому - Мюрату, остановившемуся в Москве и якобы пригласившему к себе для беседы русского офицера. Мюрат принял Перовского, с удивлением выслушал его, но разрешения на возвращение к своим не дал. И начался плен со всеми его ужасами и бесконечными унижениями.

Освободился Василий Алексеевич только в 1814 году, когда во Францию пришла русская армия. В своих незаконченных воспоминаниях он писал:

"Надо быть в плену, и вытерпеть то, что я вытерпел, чтобы понять чувство надежды через несколько минут быть среди соотечественников и на свободе".

По окончании войны, Перовский был зачислен в гвардейский Генеральный штаб и некоторое время служил адъютантом генерала Голенищева-Кутузова, затем в 1816 году был переведён в лейб-гвардии егерский полк и сопровождал великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I) в его путешествии по России и чужим краям, а в начале 1818 года был назначен к нему адъютантом.

В том же 1818 году при дворе великого князя Николая Павловича появился Василий Андреевич Жуковский. Зная брата Перовского - Алексея Алексеевича, известного под псевдонимом Погорельский, Жуковский быстро сошёлся с Василием Алексеевичем. Дружба между ними не прерывалась до конца их жизни.

Василию Алексеевичу вообще везло на друзей. Карамзин, Пушкин, Вяземский - все они были с ним в самых дружеских, самых сердечных и доверительных отношениях.

В 1822 году Василий Алексеевич сильно заболел и был вынужден уехать лечиться в Италию. В Петербург он вернулся только через два года.

После кончины императора Александра I, Перовский вновь назначается адъютантом к Николаю

Павловичу и в роковые для России дни междуцарствия исполняет его поручения. Во время "возмущения" 14 декабря 1825 года В. А. Перовский находился на Сенатской площади при государе и был контужен, получив удар в спину брошенным из толпы поленом.

В 1827 году император Николай I отправил Перовского разобраться в причинах беспорядков в Черномории. Среди зимы Василий Алексеевич прибыл в Керчь, перебрался в Екатеринодар и здесь отыскал виновника - атамана черноморских казаков Власова, обвинявшегося в злоупотреблениях. Выехав из Екатеринодара в начале апреля 1828 года в Тамань, В. А. Перовский как раз угодил на русско-турецкую войну, участвовал в штурме и взятии Анапы, а несколько позже - Варны. Во время штурма этого города Перовский был ранен в грудь, пулю вырезали, но операция (вкуче с прежней контузией в спину) весьма неблагоприятно отозвалась на его богатырском доселе здоровье; в особенности пострадали лёгкие.

В. А. Перовский

Двадцать восьмого июня 1828 года В. А. Перовский был произведён в генерал-майоры, назначен в свиту Его Императорского Величества, награждён орденом Св. Анны I степени и отпущен в Италию к умирающей племяннице Жуковского А. А. Воейковой, к которой он питал самую нежную дружбу, а по возвращении поставлен директором канцелярии Морского штаба и зачислен в корпус флотских штурманов.

В 1833 году, совершенно неожиданно для себя, Перовский, несмотря на свой небольшой чин, получает важное и ответственное назначение: пост оренбургского военного губернатора и командующего отдельным Оренбургским корпусом.

За всё время своего существования Оренбург впервые видел такого молодого губернатора: прежде эту должность занимали люди основательные, заслуженные, умудрённые жизнью и временем, имевшие административный опыт. Но и молодой Перовский был прекрасно подготовлен к самостоятельной деятельности, энергичен, а главное, наделён такими полномочиями, каких никогда не имели его предшественники.

Вступив в должность, В. А. Перовский прежде всего позаботился привлечь к себе даровитых, умных, хорошо образованных людей, радеющих о процветании Отечества. Так в его окружение попали В. И. Даль, Ф. К. Зан, братья Н. В. и Я. В. Ханыковы, И. В. Виткевич и многие другие.

В начале своей деятельности новый военный губернатор обратил особенное внимание на кочевников и постарался оградить русское население от их дерзких и разорительных набегов, для чего распорядился выстроить цепь укреплений, первое из которых (на берегу залива Мёртвый Култук, позднее залив Цесаревича) было окончено уже к осени 1834 года и названо Ново-Александровским*. Для поддержания сообщения между новым укреплением и городком Гурьевом, конечным пунктом оренбургской пограничной линии, Перовский предложил систему небольших промежуточных укреплённых пунктов - пикетов.

В 1835 году оренбургский губернатор обосновал необходимость создания новой укреплённой линии к северо-востоку от крепости Орской до редута Березовского на реке Уй. Пятого марта того же года проект утвердили, и на всём протяжении новой линии начали воздвигаться - под личным наблюдением Перовского - укрепления с редутами (Наследническое, Константиновское, Николаевское, Михайловское) и между ними пикеты с наблюдательными маяками.

* В 1846 году это укрепление было перенесено на полуостров Мангышлак к Тюк-Карагайскому заливу и переименовано сначала в Ново-Петровское, а через некоторое время в форт Александровский.

Орская крепость. Рисунок В. А. Жуковского, 1837 год

Строительство новых укреплений только раззадорило кочевников, и они с ещё большей дерзостью стали нападать на линию. Весной 1836 года ими был увезён смотритель Эмбенских вод, летом у реки Ирғиз ограблен купеческий караван. Наконец, когда осенью на Каспийском море был взят в плен русский четырёхпушечный бот с командиром, орудиями и всей командой, чаша терпения переполнилась, и Перовский направил в степь генерал-майора Дренякина с тысячей башкир при двух орудиях и тридцати конных стрелках. Четвертого июля отряд Дренякина выступил из Орска и через двадцать дней настиг разбойников в 500 верстах от Оренбурга, отбил всё взятое и захватил множество скота и пленных.

Затем Перовский командировал войскового старшину Осипова с тремя сотнями казаков наказать киргизов адаевского рода, дерзнувших напасть на Ново-Александровское укрепление. Осипов, пользуясь инструкцией Перовского, предусмотревшего любые неожиданности, нашёл скопища адаевцев в песках Туйсуйчана и наголову разбил их. Но для того, чтобы окончательно отучить кочевников нападать на русские поселения, Перовский задумал преподать им хороший урок, и когда в декабре того же 1836 года кочевники разграбили ещё одно укрепление, вдогонку им было выслано 550 уральских казаков под командой полковника Мансурова. В Усть-Уртской пустыне уральцы настигли киргизов, часть перебили, часть взяли в плен, освободили пленников и забрали столько скота, что продажей его был возмещен весь ущерб от набега.

Этот и ещё несколько подобных уроков, преподанных киргизам, надолго водворили в степи тишину и порядок.

Весь 1837 год прошёл спокойно, и Василий Алексеевич посвятил его мирным занятиям. Желая поднять торговлю в крае, он исходатайствовал позволение продлить ещё на шесть лет право беспошлинной торговли и предоставил купцам всевозможные льготы. Для увеличения же доходов казны и в виде символического наказания для кочевников, губернатор установил особый сбор за пропуск скота через линию на внутреннюю сторону. Кроме того, он ввёл и кибиточный сбор с киргизов, кочевья которых прилегали к Оренбургской губернии.

Полтора года длился мир в степи, но в середине 1838 года киргизы Средней орды начали открыто действовать против России. Три возмутителя: Серезан Каип Галиев, батыр Джуламан и Исетай Тайманов сплотили вокруг себя большие скопища чужеземцев и произвели ряд смелых и удачных нападений на русские крепости. Положение становилось серьёзным. Разгромив шайки Исетая и Джуламана, продолжая борьбу с самым ловким и настойчивым врагом - Кенисары Касымовым, Перовский видел, что не киргизы играют сейчас главную роль, а Хива, настоящий источник всех зол, удерживающая у себя почти две тысячи русских пленников, скупленных у киргизов для рабского труда и продажи в другие страны. Мятежный султан рано или поздно сложит оружие, а вот как быть с Хивой?

В 1836 году, когда на пограничную линию вышло из Хивы до пятисот купеческих караванов с азиатскими товарами на сумму свыше полутора миллионов рублей, Перовский тотчас же приказал задержать их и до тех пор не выпускать из пределов России, пока хивинский хан не освободит русских пленных. Мера эта помогла, и на следующий год двадцать пять русских пленников впервые были освобождены из неволи. Восемнадцатого ноября несчастные прибыли в Оренбург и были встречены Перовским и всем городом. В числе пленных оказался старик, 55 лет проведший в плену...

Увидев, что хивинцы посмеялись над ним, избавившись от тех, кто уже не был пригоден к работе, Перовский освободил только пятерых хивинских купцов, а остальных по-прежнему удерживал на линии. На следующий год хивинцы возвратили только пять пленников, зато в 1839 году - разом 80 человек. Последние прибыли в город 16 августа, в день коронации, и сам начальник края принимал и угощал их обедом.

Хивинским послам, сопровождавшим пленников до Оренбурга, Перовский ещё раз объявил своё требование и одного отпустил в Хиву, а другого задержал до возвращения из плена всех без исключения российских подданных.

Новые набеги - очевидно, с целью восполнить число рабов взамен возвращённых - сильно повлияли на Перовского, и он куда настойчивее стал хлопотать о походе на Хиву. Он и раньше, ещё до своего назначения в Оренбург, задумывался о возможности такого похода, но тогда, в 1833 году, все его предложения были отклонены - из-за трудности движения по безводным степям, огромных затрат, которые, по мнению военного министра А. И. Чернышёва, не могли ничем окупиться.

В мае 1838 года Перовскому пришлось отвлечься от мыслей о хивинском походе - ожидалось прибытие в Оренбург великого князя Александра Николаевича, путешествующего по России со своим наставником В. А. Жуковским. Многих хлопот стоило губернатору приготовить город к его визиту, но 28 июня он наконец встретил августейшего гостя.

Вскоре мечты Перовского начали осуществляться: поведение хивинского хана начинало выводить из себя и терпеливое правительство. Теперь составленный Перовским проект похода был принят и принципиально решён, ожидали лишь окончания военных действий Англии в Афганистане. Предполагалось сместить беспокойного хана Хивы и утвердить вместо него султана Кайсадского.

Двенадцатого марта 1839 года особая комиссия, составленная из вице-канцлера графа Нессельроде, военного министра Чернышёва и оренбургского военного губернатора Перовского, постановила начать поход, но истинную цель его держать в тайне и говорить лишь о научной экспедиции, предпринятой для исследования оазисов среднеазиатских пустынь.

Успех предприятия против Хивы, по мнению оренбургского губернатора, заключался в хорошем снаряжении войск, в обеспечении их продовольствием, в правильном выборе маршрута и времени выступления. Рассмотрев все известные пути и караванные тропы, Перовский решил двигаться по прямой от Илецкой Защиты на Усть-Урт, и, полагая до Хивы 1250 вёрст, рассчитывал пройти туда в пятьдесят переходов.

Временем для выступления Перовский поначалу избрал весну 1840 года, но, прислушавшись на свою беду к несостоятельным, как потом оказалось, советам генерала С. Т. Циолковского, сумевшего снискать доверие губернатора, переменял решение, и назначил выступление в ноябре 1839 года.

Кстати, когда государь узнал, что в доверенных лицах у Перовского обретается Циолковский, то просил его держаться подальше от "ссылного поляка", замешанного в мятеже 1831 года. Но Перовский и здесь остался верен себе.

Во время похода Василий Алексеевич вёл деятельную переписку с военным министром графом Чернышёвым и московским почт-директором А. Я. Булгаковым (письма к нему напечатаны в журнале "Русский архив" за 1878 год), в самых ярких красках рисуя невзгоды, которые выпали на долю отряда. Вместе с Перовским в походе участвовали и ближайшие его сотрудники: В. В. Вельяминов-Зернов, В. И. Даль, В. В. Григорьев, Я. В. Ханыков и другие.

Возвратился Перовский из похода в ночь на 14 апреля 1840 года, измученный нравственно и физически, под тяжким гнѐтом вины за свою неудачу. И собирался тут же ехать в Петербург, чтобы лично объяснить с государем. Однако предвидя, какой приговор его ожидает, он решил окончить начатое и занялся разграничением степей сибирского и оренбургского ведомств, исходатайствовав, ради охранения спокойствия в крае, право судить киргизов военным судом.

В мае 1840 года Перовский оставил Оренбург и уже в июне докладывал государю о неудачной экспедиции, вместе с тем добиваясь наград для чинов отряда за те лишения, которые перенесли они на пути в Хиву. Чувствуя себя не в силах снова приняться за административную работу, Василий Алексеевич просил Николая I отпустить его для лечения за границу.

В 1842 году, согласно прошению, В. А. Перовский был уволен от занимаемых должностей с оставлением в звании генерал-лейтенанта и выехал в Европу...

Но что же было ещё, кроме основания крепостей и завершившегося неудачей похода на Хиву? Почему мы считаем годы первого правления Перовского "золотым веком" Оренбургского края?

Словно бы отвечая на этот вопрос, историк П. Н. Столпянский писал:

"Город Оренбург обязан Перовскому построением чуть ли не 3/4 настоящих зданий: караван-сарай, контрольная палата, общественное собрание, дом казённой палаты, казармы - всё построено Перовским. При Перовском же было обращено серьёзное внимание и на благоустройство города".

В 1835 году оренбургский губернатор назначил особую комиссию, поручив ей осмотреть в городе все дома и ветхие назначить к слову через два или три года, обязав владельцев построить в этот срок новые дома по

планам; тем же, кто по бедности был не в состоянии этого сделать, предложили убрать своё строение, получить в качестве компенсации 50 брёвен (и 50 рублей в придачу) и перейти во вновь образовавшуюся слободу, где места под жильё отводились даром.

В 1836 году Перовский заказал Александру Брюллову, брату известного живописца Карла Брюллова, проект караван-сарая для Оренбурга. Караван-сарай строился как общественный постоялый двор, место, в котором, по словам Перовского, "могли бы останавливаться со всеми удобствами каждый башкир и мещеряк без всякой платы".

Караван-сарай стал выдающимся произведением архитектурного искусства, и хотя до нас он дошёл с рядом изменений, но до сих пор остаётся главной достопримечательностью города.

Жизнь башкирского народа, составлявшего большую часть населения Оренбургского края, при Перовском значительно улучшилась, башкиры получили управление по образцу казаков. Особую заботу губернатор проявлял о башкиро-мещеряцком войске. Будущий наследник престола Александр II при посещении Оренбурга остался весьма доволен башкирскими сотнями, участвовавшими в проведённом им смотре.

Перовскому Оренбург обязан появлением водопровода, уличного освещения, устройством садов, им открыты приходские школы в Троицке и Челябинске, образована при своей канцелярии библиотека, для которой выписывались не только русские, но и иностранные издания.

Да и первый опыт разведения лесов в степи также был предпринят Перовским, и опыт этот оправдал его ожидания. Восемнадцатого февраля 1836 года в Оренбурге учредили лесное училище для постоянного и систематического разведения лесов на землях Оренбургской пограничной линии. С ним было соединено и училище лесоводства.

Василий Алексеевич в циркуляре 14 марта 1835 года писал:

"...Теперь нет никакого сомнения, что в немногие годы можно уничтожить на Оренбургской линии недостаток и дороговизну дров, а постепенно и строевого леса".

...Вернувшись из Европы, Перовский в 1845 году был назначен членом Государственного Совета, а в 1847 году - Адмиралтейств-совета.

Но кабинетные занятия тяготили Василия Алексеевича, привыкшего к самостоятельной и деятельной жизни, и он принялся хлопотать о своём назначении в Оренбург. В конце концов Николай I уступил просьбам своего любимца, и в марте 1851 года генерал от кавалерии, генерал-адъютант Перовский был назначен оренбургским и самарским генерал-губернатором.

Двадцать девятого мая 1851 года Перовский прибыл в Оренбург и, приняв дела от генерала В. А. Обручева, со всей энергией, присущей ему, занялся обозрением того, что появилось в крае нового за его девятилетнее отсутствие. А новое было то, что теперь уже не Хива, а Коканд не давал покоя России. Под прикрытием своих крепостей кокандцы производили нападения на киргизов, взымали с них подати, угоняли скот. Словом, вели себя так же, как хивинцы до 1839 года.

Это обстоятельство заставило Перовского организовать ещё одну экспедицию, и в 1853 году, учтя все ошибки, сделанные во время хивинского похода, он выступил из Оренбурга^{*} для занятия главной кокандской крепости Ак-Мечеть. Отряд Перовского насчитывал 2170 человек при двенадцати орудиях.

^{*} Во время почти годового отсутствия В. А. Перовского должность оренбургского и самарского генерал-губернатора исполнял генерал-майор Н. В. Балкашин (1805-1859).

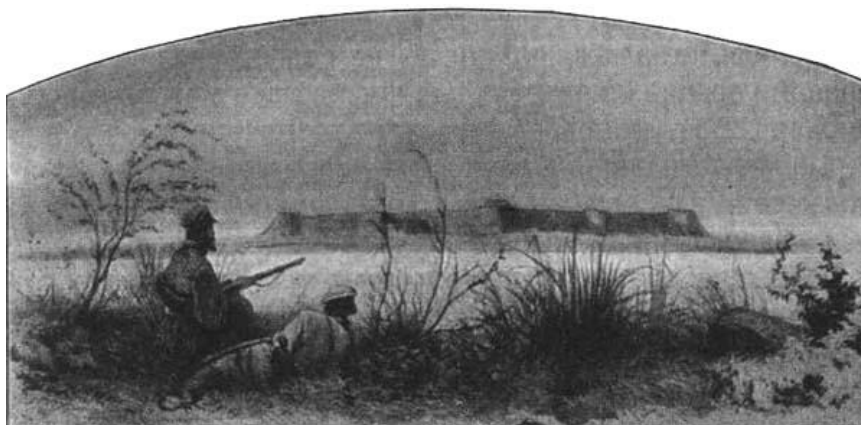
Николай Васильевич с первых лет своей службы был связан с Оренбургским краем: в 1823 - 182 годах, состоя прапорщиком в свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части (впоследствии Генеральный штаб), постоянно участвовал в военных экспедициях в киргиз-кайсацкую степь, прикрывал купеческие караваны, направляющиеся в Бухару, а в феврале 1829 года был определён в штаб отдельного Оренбургского корпуса.

В 1831 году (при П. П. Сухтелене) Н. В. Балкашин начал глазомерную съёмку предполагаемого коммерческого (торгового) тракта от Самары до Верхнеуральска (через Стерлитамак), а в 1832 году приступил к работам по его прокладке и "за труды, познания, деятельность" в этом деле, "усмотренные корпусным командиром (В. А. Перовским. - Авт.) при личном обозрении работ", удостоился благодарности оренбургского военного губернатора. Третьего сентября 1834 года тракт был проложен...

В январе 1835 года Н. В. Балкашин назначается адъютантом к командиру отдельного Оренбургского корпуса В. А. Перовскому, в ноябре 1840 года - исправляющим должность командующего башкиро-мещеряцким войском, в 1845 году - оренбургским гражданским губернатором, а чуть позже - командующим башкирским войском. В 1855 году оренбургский и самарский генерал-губернатор В. А. Перовский представил генерал-майора Н. В. Балкашина к званию генерал-лейтенанта, но получил отказ.

Николай Васильевич был женат на вдове полковника Габбе Варваре Александровне.

Второго июля Ак-Мечеть была обложена русскими войсками и скоро пала. На месте её Перовский основал новое укрепление, названное в его честь "форт Перовский" и завершившее создание Сыр-Дарьинской укрепленной линии.

Вид на Ак-Мечеть с Сыр-Дарьи

Для того, чтобы удержать за собой берега Сыр-Дарьи и тем навсегда открыть России доступ в Среднюю Азию, Перовским в том же 1853 году были заказаны два парохода для Сыр-Дарьи, первые из будущей Аральской флотилии. Они произвели промеры Аральского моря, исследовали его берега и острова. Это не только военная, но и научная заслуга В. А. Перовского.

В 1854 году, получая донесения о военных приготовлениях в Коканде и Ташкенте, Перовский главной своей задачей полагал спешное увеличение численности гарнизонов во вновь образованных укреплениях. По его представлению был сформирован батальон тысячного состава, предназначенный для службы по Сыр-Дарьинской линии, принимались меры по усилению артиллерийского вооружения...

Весть о кончине Николая I неожиданно сильно подействовала на Перовского, энергия его упала. И хотя письмо молодого императора Александра II, написанное ему 19 февраля 1855 года, в день своего восшествия на престол, полное сердечной заботы, несколько ободрило Василия Алексеевича, он понимал, что время его миновало.

В августе Перовский поехал в Петербург на коронацию, а заодно и просить государя об отставке. Но Александр II тепло принял Перовского, и 26 августа 1856 года, в день своего коронавания, пожаловал его высшей наградой: бриллиантовыми знаками ордена Св. Андрея Первозванного (а ещё раньше, 17 апреля 1855 года, возвёл в графское достоинство).

Царские милости не позволили Перовскому отказаться от должности, и он возвратился в Оренбург продолжать начатое дело. Однако уже 31 декабря 1856 года по его настоянию сюда прибыл генерал А. А. Катенин, чтобы на месте подготовиться к принятию предназначенной для него должности оренбургского и самарского генерал-губернатора.

Но и сдавая дела, Перовский продолжал оставаться начальником края. Поэтому, ради обеспечения порядка и покоя на Сыр-Дарьинской линии, он счёл необходимым взять хивинское укрепление Ходжо-Нияз (в 150 верстах от форта Перовского и в 85 верстах от форта № 2).

Это была последняя военная операция Василия Алексеевича. Здоровье его резко ухудшилось, он жаловался на боль в боку и, наконец, 7 апреля 1857 года был уволен от должности оренбургского и самарского генерал-губернатора и корпусного командира.

По совету врачей, В. А. Перовский поселился в Крыму, жил в Алушке, в имении князя Воронцова. Там граф Перовский и скончался 8 декабря 1857 года.

Наследников после Василия Алексеевича не осталось - женат он не был, а внебрачный сын Алексей умер в молодости.

Именем Перовского были названы посёлок в Оренбургском уезде и улица в Оренбурге, а также мыс на Новой Земле в Карском море.

Владимир Афанасьевич ОБРУЧЕВ, *оренбургский военный губернатор в 1842-1851 годах*

Владимир Афанасьевич Обручев родился в Архангельской губернии в 1793 году. Потомственный

дворянин, сын военного инженера генерал-майора Афанасия Николаевича Обручева. Благодаря отцу, в двенадцатилетнем возрасте поступил в инженерный корпус. Произведен в 1808 году подпоручиком.

Во время Отечественной войны 1812 года Обручев состоял адъютантом при генерал-майоре Дибиче (впоследствии генерал-фельдмаршале). За боевые отличия награждён орденом Св. Владимира IV степени с бантом.

В 1813 году за отличие при Чашниках Обручев был переведен в лейб-гвардии Преображенский полк, за Бауцен получил золотое оружие.

В 1817 году В. А. Обручев был назначен командиром Нарвского пехотного полка, в 1823 - начальником штаба 2-го пехотного корпуса, в следующем году произведён в генерал-майоры.

В 1828 году* в должности дежурного генерала 2-й армии В. А. Обручев участвовал в войне с Турцией и по её окончании был награждён орденом Св. Анны I степени.

В 1831 году за боевые отличия при усмирении польских мятежников Обручева произвели в генерал-лейтенанты, а за штурм Варшавы наградили орденом Св. Георгия III степени.

В. А. Обручев

В 1832 году В. А. Обручев получил в командование 1-ю пехотную дивизию, в следующем году - 3-ю гренадёрскую, а в 1842 году был назначен командиром отдельного Оренбургского корпуса, оренбургским военным губернатором и управляющим гражданской частью. В Оренбург Обручев прибыл 3 июля и тотчас объявил о вступлении в должность.

К своему предшественнику генерал-адъютанту В. А. Перовскому Обручев относился с большим предубеждением, и потому очень скоро в крае началась перетасовка кадров, пошла в ход отмена прежде отданных распоряжений и язвительная критика того, чего нельзя уже было изменить. В своих "Записках" отставной генерал-майор И. В. Чернов такое поведение объясняет тем, что Обручев был ставленником графа Клейнмихеля, откровенного недоброжелателя Перовского.

Первое, чем озаботился Обручев в самом начале своей новой деятельности, было сокращение казённых расходов. Но, приступив к делу без полного знакомства с местными условиями и потребностями, он преуспел только в мелочах. Будучи бережлив до скупости, новый губернатор хотел, казалось, привить то же качество подчинённым, приучив их к умеренной, едва ли не аскетической жизни, а потому прекратил выдачу пособий (премий. - Авт.) отличившимся офицерам и чиновникам и сократил отпуск в долг казённого леса на постройку жилья малоимущим.

По ходатайству Обручева был расформирован Уфимский казачий полк, который мог быть полезен для походов в степь, значительные башкирские суммы, традиционно находившиеся в распоряжении оренбургских губернаторов, были переданы им в государственное казначейство.

Сокращение окладов, невозможность сделать карьеру при Обручеве вынуждали наиболее опытных и умелых, прекрасно трудившихся при Перовском, покидать Оренбург. Освобождавшиеся места занимали люди второстепенные или же вовсе случайные.

Более того, никакой осмысленной программы, по словам того же И. В. Чернова, у генерала Обручева не было, и его мероприятия к развитию края носили характер импровизации.

Владимир Афанасьевич, никогда ранее не соприкасавшийся с Оренбургским краем, не имел возможности и для основательного изучения "киргизского вопроса", а потому все его решения в этой области были скороспелыми и непродуманными. Так, исходатайствованное им для киргизов дозволение селиться, строить дома и пользоваться постоянными сенокосами в новолинейном районе, дарованном казакам в 1840 году взамен взятых

* По воспоминаниям декабриста С. П. Трубецкого, В. А. Обручев был членом одного из тайных обществ, но после событий 1825 года к следствию не привлекался и наказания не понёс.

в казну земель, породило чересполосицу, обрекло на сожительство людей разных ведомств, создало благоприятные условия для всяческих конфликтов и недоразумений. Да и сами киргизы оказались в неопределённом, двусмысленном положении.

А непоследовательность начальника Оренбургского края, например, в отношении мятежника Кенисары Касымова сбивала с толку даже многомудрое Министерство иностранных дел. Утром на основании донесения Обручева государственный канцлер докладывал императору о совершенной и безусловной покорности Кенисары, но вечером того же дня поступало сообщение, что Кенисары угрожает не только спокойствию в степях Оренбургского ведомства, но и самой линии, а потому для пресечения замыслов Кенисары необходимо послать отряд, отпустив четырнадцать тысяч рублей на расходы и, сверх того, три тысячи на премию за доставление его головы.

Подобная противоречивость парализовывала министерство, и оно медлило, дожидаясь разъяснений в то время, когда нужно было действовать. В августе 1843 года Николай I разрешил, наконец, поход в степь (с отнесением расходов, в том числе и за голову Кенисары, на кибиточный сбор с киргизов), но момент был упущен, и настичь разбойников не удалось.

Кенисары Касымов, бывший в те годы грозой степей, досаждал не только Оренбургскому краю. Командир Сибирского корпуса генерал-майор Горчаков неоднократно просил Обручева оградить сибирские волости от грабежей оренбургскими киргизами, воспретив им переход в сибирские пределы.

На жалобы сибиряка оренбургский военный губернатор отвечал, что султан Кенисары кочует от линии очень далеко, где оренбургское начальство не имеет влияния на киргизов, и потому оказать содействие "к удержанию султана Кенисары от неприязненных действий против... Сибирского ведомства решительно невозможно".

Не стоит, однако, думать, что военный губернатор Обручев был человек бесхарактерный, мягкотелый, и сам не знал, чего хочет. Если было необходимо, он умел принимать жесткие решения и не останавливался ни перед чем. Когда в 1843 году среди казаков новолинейного района произошли, как и следовало ожидать, беспорядки, Обручев весьма круто обошёлся с бунтовщиками.

В том же году в Оренбургской губернии был ещё один большой бунт - в Челябинском уезде, среди государственных крестьян, недовольство которых зрело давно, ещё с 1839 года, когда стало известно, что они поступают в ведение министерства государственных имуществ. Тогда же было предложено завести в селения запасные хлебные магазины, увеличены подати. Особенное возмущение крестьян, в большинстве своём старообрядцев, вызывали общественная запашка и настояния властей о разведении картофеля. В 1843 году масла в огонь подлили слухи, что их, государственных крестьян, передают "под барина". Никакие уверения начальства, что слух этот ложный, не действовали, крестьяне требовали предъявить "указ", установили надзор за священниками, заподозрив их в том, что они при крещении записывают новорождённых крепостными, а не свободными. Подстрекаемые зачинщиками, крестьяне, знакомые с грамотой, рылись в конторах волостных правлений и сельских расправ, врываются в церкви и дома к священнослужителям, останавливали и обыскивали чиновников, отыскивая несуществующий указ.

Но настоящий бунт начался тогда, когда в Челябинском уездном казначействе из-за организационных накладок не приняли собранных с волостей податей; из того, что деньги казной не принимаются, крестьяне заключили, что делается это потому, что они уже переданы помещикам...

В Челябинский уезд были направлены казаки из ближайших полковых округов, 18-я батарея с шестью орудиями, пехотные части регулярной армии, прибыли наказной атаман генерал-майор Цукато, начальник 2-го округа полковник фон Раден, сам оренбургский военный губернатор генерал-лейтенант Обручев. Под его командованием бунт был подавлен.

Постоянно происходили волнения и в киргизских степях, чему способствовали отсутствие продуманной политики и практически полное безвластие на местах. Многие важные вопросы пограничная комиссия предпочитала решать келейно, руководствуясь "собственным усмотрением", иногда "усмотрением" начальника края, и лишь в крайних случаях предоставляя возможность сказать свое слово правительству. Даже такие меры, как учреждение новых должностей местных и дистанционных начальников в 1830 году, были вводимы по усмотрению лишь оренбургских властей.

Поэтому в 1844 году правительство предприняло попытку более строго регламентировать управление оренбургскими киргизами. В указе Николая I от 14 июня 1844 года оренбургской пограничной комиссии вменялось в обязанность "всякое дело о киргизах Малой орды" докладывать начальнику края, а о деле, вызывающем необходимость внесения каких-либо изменений в основные положения, "представлять" министру иностранных дел.

Вслед за этим последовало и другое важное нововведение: устройство постоянных укреплений в глубине киргизской степи.

Одно из первых укреплений Обручев задумал построить в низовьях Сыр-Дарьи (урочище Раим) - "для ограждения киргизов Оренбургского ведомства от кокандцев и хивинцев и распространения русского влияния на

Среднюю Азию". Тут ему очень помогли дружественные отношения с батыром Жан-Хожой, который после смерти Кенисары Касымова пытался занять освободившееся место султана. Обручев исходатайствовал для него годовое жалованье в двести рублей, почётный кафтан, золотую медаль и чин есаула.

Оказанные милости подействовали: Жан-Хожа в 1847 году содействовал, и весьма энергично, возведению Раимского укрепления (4 февраля 1851 года переименовано в Аральское, упразднено за ненадобностью в 1855 году), а в 1848 году - небольшого Кос-Аральского форта, устроенного для охранения рыболовства на Аральском море* (упразднён в 1854 году).

И тут Обручев совершил ошибку: желая вознаградить Жан-Хожу за помощь, он поставил его управлять киргизами, кочующими в низовьях Сыр-Дарьи, и Жан-Хожа оказался в подчинении у хивинского хана, считающего сыр-дарьинских киргизов "своими". Однако внешне добрые отношения между Обручевым и Жан-Хожой сохранились. В 1850 году Жан-Хожа с помощью отряда Раимского укрепления разбил кокандских киргизов, нападавших на сыр-дарьинских киргизов и взял их укрепление - Кош-Курган.

Между прочим, к строительству Раимского укрепления имел отношение и Тарас Григорьевич Шевченко, прибывший в Оренбург для прохождения службы в 1847 году, а в мае следующего года зачисленный в отряд из двухсот рядовых, отправлявшийся с экспедицией Бутакова к Аральскому морю для постройки Раимского укрепления.

А. И. Бутаков относился к несчастному поэту в высшей степени сердечно. Благодаря его ходатайству Обручев разрешил Шевченко "снимать" виды в степи и берега Аральского моря.

"Тотчас после прибытия из экспедиции в Оренбург, - пишет историк П. Н. Столпянский, - Бутаков представил главному начальнику края рисованный Шевченко альбом видов и при этом распространился в таких лестных выражениях о художественных талантах Шевченко и о пользе, которую он принёс экспедиции, что Обручев обещал ходатайствовать о производстве Шевченко в унтер-офицеры. Этому обещанию можно было поверить, ибо чуть не половине Оренбурга было известно, что Шевченко пишет портрет жены начальника края М. П. Обручевой, конечно не без ведома губернатора".

Однако вскоре Шевченко был сослан в Ново-Петровское укрепление на полуострове Мангышлак. Причиной ссылки стал донос Обручеву на то, что Шевченко ходит по городу в партикулярном платье и вопреки высочайшему повелению пишет стихи и занимается рисованием...

В то время, когда Жан-Хожа действовал на Сыр-Дарье, в верховьях Эмбы объявился новый батыр Исет Кутебаров, сподвижник Кенисары, и поначалу искал расположения русских властей, ходатайствуя об отводе ему земель в верховьях Эмбы и в Мугоджарах. Однако Обручев земель Кутебарову не отвел, потребовав доказательств его преданности правительству, и тот удалился кочевать в пески Барсуки.

Следует отметить, что в 1847 году, по соглашению генерала Обручева с сибирским начальством, были установлены съезды киргизов оренбургского и сибирского ведомств для решения обоюдных споров и разных судебных дел. При посредстве этих съездов в 1849 году последовало окончательное примирение киргизов средней и восточной частей Орды, разногласия между которыми длились десятки лет.

В 1848 году началось возведение ещё двух укреплений: одного на реке Иргизе, другого на реке Тургае. Строительство первого осуществлял полковник Генерального штаба Бларамберг, второго - поручик Генерального штаба Герн. К каждому укреплению причислялись по 164 человека в качестве постоянного гарнизона и 226 человек подвижного резерва. Предусматривались особые команды для доставки в форты грузов.

А. И. Бутаков

* По инициативе генерала Обручева, на Аральском море было заведено судоходство и образована компания "на акциях" для ведения рыболовства, но ни то, ни другое не имело успеха, и компания вскоре разорилась.

И. Ф. Бларамберг

Одновременно с началом строительства султанам-правителям было предписано разъяснять киргизам, что укрепления возводятся для их же блага, ради охранения жизни и имущества от мятежных шаек. Однако верили в это далеко не все, многие появление фортов глубоко в степи расценили как ущемление своих законных прав и покушение на их свободу.

К концу года строительство укреплений было практически завершено, и при каждом из них основалось поселение из десяти водворенных казачьих семей. Но попытка развить земледелие на солонцах, среди песков, не удалась, и поселенцы содержались за счёт казны. В 1850 году, ввиду трудности заведения хозяйства, переселение казаков в новые укрепления было приостановлено.

В том же 1848 году и на тех же основаниях, что и два предыдущих, на реке Карабутак, в 214 верстах от Орской крепости и 177 от Уральского укрепления, был заложен ещё один форт.

Для развития взаимных и дружественных отношений между жителями фортов и киргизским населением ещё в 1845 году было разрешено производить около укреплений "беспошлинно и свободно" меновую торговлю. Несколько позже купцы 2-й и 3-й гильдий получили право вести торговлю вдали от укреплений, в самой степи. С этого времени торговля здесь начала развиваться быстро, однако ожидаемого сближения киргизов с русскими не произошло. Скорее наоборот: хлынувшие в степь казанские и оренбургские татары внесли в среду киргизов такой религиозный фанатизм и такую нетерпимость, какие никогда прежде не водились у этих чистосердечных магометан.

Страсть Обручева к строительству укреплений, развившаяся у него под влиянием высочайших постановлений, вероятно, и послужила той почвой, на которой родились слухи о скором преобразовании и самого Оренбурга в военный город.

Но слухи ли это только? Вот что можно прочесть в представлении оренбургского городского головы Горячева в 1848 году (самый разгар строительства укреплений!):

"...В совершенном убеждении, что с переименованием Оренбурга в город военный не может он принести более тех польз, какие должен приносить при теперешних правах своих; мысль эта поставляет в приятную обязанность представить в соображение следующее: Оренбург по Высочайше дарованной грамоте основан более для цели торговой с сопредельными азиатскими владениями, племенами киргиз: цель эта всегда постоянно была поддерживаема всеми предместниками Вашего превосходительства, наконец, купцам нашим были даваемы все способы как к распространению торга с Бухарией, Хивой и Киргизской степью, так и к большому водворению в Оренбурге торгового класса...

Всё это, и, в особенности, непостижимое для ума нашего преобразование города устрало купеческое и мещанское общество до того, что многие приняли твёрдое намерение оставить наш город и перечислиться в город гражданского ведомства; затем прочие, которые не боятся остаться, неизбежно должны будут подвергнуться стеснению...

Повергнув все нижайше милостивому вниманию Вашего Превосходительства нужды наши осмеливаемся покорнейше просить высокого ходатайства Вашего и сохранении при Оренбурге тех прав, которые он ныне имеет и о представлении купеческому и мещанскому обществу тех льгот, которые для них представляют существенную необходимость по своему званию".

П. Н. Столпянский о проекте превращения Оренбурга в военную крепость пишет как о деле реальном и даже решённом:

Н. Г. Залесов

"Проект вполне измышление бюрократии, потому что, если город Оренбург и нуждался в каком-либо изменении, то лишь в уничтожении крепости, которую он из себя изображал, так как крепость, действительно, не имела никаких оснований для своего существования - граница отодвинулась далеко на юг и крепость только стесняла дальнейшее развитие, если таковое могло быть".

И ещё одна страсть губернатора сохранилась в памяти оренбуржцев, его современников - страсть к парадам, к разводам с церемониями - этим занятиям он посвящал почти все время, что, разумеется, не могло не сказываться на делах по управлению краем.

Член Военного совета, генерал от инфантерии Николай Гаврилович Залесов* в своих "Записках" подробно описывает время правления Обручева, его характер, стиль руководства:

"...Я не знаю подробно, каков был генерал Обручев прежде; в бытность же в Оренбурге он пользовался репутацией человека честного, но вместе с тем деспотического, мелочного и крайне раздражительного, так что вскоре по его прибытии в город слова "Обручев" и "распеканка" сделались синонимами. Везде, где только ни появлялся генерал, как официальное лицо, везде раздавался крик и шла головомойка. Кричал он на учениях, кричал в кадетском корпусе, кричал в институте, кричал даже на базаре, куда изредка ходил пробовать провизию. Физиономия Обручева отличалась тем, что она всегда имела самое разобиженное выражение. Замечательно, что такое же выражение физиономия Владимира Афанасьевича сохраняла даже в церкви, во время службы, при поклонах священников, как будто и тут готов был распечь их за какую-нибудь неисправность".

Подтверждает Н. Г. Залесов и страсть Обручева к различным торжественным церемониям:

"Кроме караулов нас истомляли ещё непрерывные парады и разводы. Не говоря о воскресных и праздничных днях, Обручев придирался к каждому обыкновенному празднику, например, взятие Парижа русскими, день Полтавской битвы, престольный праздник военно-учебных заведений и т.п., чтобы назначить развод или парад, а это в свою очередь вело к муке нашей репетициями, чтобы достойным образом предстать на такую церемонию. Особенное внимание обращалось на равнение и салютовку, которая служила истинным наслаждением для корпусного командира. Людей при тогдашней стойке заставляли выпячивать всеми мерами грудь вперёд, а груди старались вытянуть в одну совершенно прямую линию. Выравнивание шло, бывало, часа полтора до приезда главного начальника и Боже сохрани потерять его; возмездие за это следовало известное: кулак в зубы и палка в спину".

Генерал Обручев обыкновенно приезжал на парады в казачьей форме, которую очень любил: "Ещё чуть покажется вдали его экипаж, как махальные на площади, или зимой у дверей манежа, закричат во всё горло: "Корпусный командир изволит еха-а-ать". Все вздрогнет в строю, лица батальонных командиров вытянутся, побледнеют и разом водворится такая гробовая тишина, что стоишь, бывало, вдалеке, а слышишь, как хрустит в манеже песок под ногами какого-нибудь повертывающегося генерала. Вот раздалась команда "на караул", грянула музыка и корпусный командир, выслушав рапорт и поздоровавшись с людьми, идёт по рядам. Выражение лица его по обыкновению разобиженное; он грозно смотрит по линии равнения, на солдат, их стойку; следующего сзади его батальонного командира пробирает дрожь, и даже сам начальник дивизии, идущий около Обручева, держа руку под козырёк, начинает семенить ногами и обдергиваться: словом, все ждут чего-то и при том страшного.

Но обход кончен: всё обошлось благополучно, повели являться офицеров. Подошёл первый: молнией блеснула в руках его сабля, плавно, ровно, скользнула в самый разрез плеча и мгновенно легла плашмя к носку левой ноги; офицер отрапортовал, также ловко взял саблю в плечо, повернулся направо и, сделав выдержку,

* Николай Гаврилович Залесов (1828-1895) - видный деятель Генерального штаба, генерал от инфантерии, военный писатель, мемуарист. В 1848 году окончил Неплюевский кадетский корпус, выпущен прапорщиком в 3-й Оренбургский линейный батальон.

замаршировал в сторону. Лицо Обручева просветлело, он взглянул на начальника дивизии, и что-то вроде улыбки мелькнуло на его губах. Начальник дивизии с сияющей физиономией низко поклонился, бригадный вздохнул всей грудью, а батальонный позволил себе даже улыбнуться... Дело, значит, хорошо. Пошли построения, маршировка, тихим, потом скорым шагом, прошли на "ура!". Сошло всё и затем все довольные, весёлые разошлись по домам".

Однако, такие светлые дни, по воспоминаниям Залесова, бывали не часто: "...не понравится салютовка, равнение или шаг, проваливайся тогда сквозь землю: крик и гвалт пойдут на весь плац и конец концов: офицеры засажены на гауптвахту, батальонный выбранен елико возможно, а бригадный и дивизионный стоят красные как раки, перед корпусным, держа руку у шляпы и слушая, как он с пеною у рта кричит на них: - Ваше превосходительство, так служить нельзя. Это не солдаты, а бараны, я не могу смотреть за всем, так служить нельзя..."

Залесов отмечает, что при Обручеве особенно страдал башкирский народ, производя по наряду за самую ничтожную плату всё казённое строительство в крае. Все протесты на такое обращение с населением командовавшего башкирским войском Николая Петровича Беклемишева, личности в высшей степени гуманной и симпатичной, оставались тщетными.

На обязанности башкир состояла тогда и вырубка леса из казённых башкирских дач, сплав его в Оренбург и выгрузка в сентябре и октябре, когда начинались заморозки и полунагие башкиры должны были работать, стоя целый день в ледяной воде. Доставленные таким образом дрова шли на отопление ведомственных зданий Оренбурга и Орска, а большей частью на вольную продажу; вырученные за них огромные барыши, так как дрова заготавливались чуть не даром, поступали в полное распоряжение военного губернатора, и отчёта в них он не отдавал даже высочайшей власти.

Результатом всех таких мер, не говоря уже о беспорядочном истреблении лесов и обмелении рек, было страшное разорение Башкирии, послужившее впоследствии причиною удаления из края генерала Обручева.

Но кое-что доброе осталось и от генерала Обручева.

По его инициативе Неплюевское военное училище было переименовано 4 июня 1844 года в кадетский корпус, и количество воспитанников в нём увеличилось с восьмидесяти до двухсот, по тридцать на каждое казачье войско и столько же для киргизов, отнеся содержание первых на войсковые капиталы, а последних - на билетный сбор; остальные восемьдесят вакансий остались на прежнем положении. Такая мера была очень сочувственно принята в войсках чиновничьим классом, получившим возможность давать своим сыновьям военное образование, как более сообразное с обязательной службой в своём войске. В таком виде Неплюевский кадетский корпус пребывал до общего преобразования кадетских корпусов в 1860-х годах в военные гимназии, доступ в которые дозволен был всем сословиям.

В 1844 году военный губернатор ходатайствовал о разрешении постройки церкви в станице Великопетровской. Одновременно с этим, в октябре 1844 года, Обручев просил о разрешении построить римско-католическую церковь в Оренбурге.

При Обручеве женское училище для девиц бедных чиновников, основанное губернатором Сухтеленем, было преобразовано в Николаевский женский институт с шестилетней программой обучения и с передачей его в ведомство императрицы Марии. Обручев предпринял это преобразование в связи с тем, что "оканчивающие в училище курс девицы низшего класса обыкновенно не пользуются приобретёнными ими познаниями

Оренбургские военные губернаторы

и обращаются к чёрным работам или занимаются торговлею, а для девиц среднего класса это училище по своей программе слишком элементарно".

М. П. Обручева, жена губернатора, организовала сбор средств для создания при войсковой Георгиевской церкви приюта для девочек-сирот Оренбургского казачьего войска. К сожалению, за недостатком средств дело это осталось незавершённым...

Двадцать шестого марта 1851 года оренбургский военный губернатор генерал от инфантерии В. А. Обручев был назначен присутствующим в Сенате и покинул край.

Умер Владимир Афанасьевич в 1866 году, пребывая в должности председателя генерал-аудитора. Именем его названы первое паровое судно, появившееся на Аральском море, и один из аральских островов. Также в честь Обручева назван станичный посёлок второго военного отдела Оренбургского казачьего войска.

Три брата В. А. Обручева избрали, как и сам он, отцовскую стезю, стали военными инженерами. Афанасий Афанасьевич дослужился до генерал-майора, Александр Афанасьевич - до генерал-лейтенанта, Николай Афанасьевич скоропостижно скончался в возрасте тридцати шести лет в звании полковника.

Дети Александра Афанасьевича Мария и Владимир стали прообразами героев романов Н. Г. Чернышевского: Веры Павловны и Рахметова; а внук, Владимир Афанасьевич Обручев - известным советским геологом и географом, академиком, Героем Социалистического Труда, автором многочисленных научно-популярных и художественных произведений, в том числе знаменитого романа "Земля Санникова".

Сын Николая Афанасьевича, Н. Н. Обручев, генерал от инфантерии, с 1881 по 1897 год был начальником

ОРЕНБУРГСКИЕ И САМАРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Василий Алексеевич Перовский, граф

(1795-1857),

оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1851-1857 годах

Александр Андреевич Катенин

(1800-1860),

оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1857-1860 годах

Александр Павлович Безак

(1800-1869),

оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1860-1864 годах

Александр Андреевич КАТЕНИН,

оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1857-1860 годах

Александр Андреевич Катенин родился в 1800 году в Кинешемском уезде Костромской губернии. Потомственный дворянин. Образование получил в Горном кадетском корпусе, из которого в 1818 году поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк.

Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 годов, в усмирении польского мятежа в 1831 году. За штурм Варшавы награждён орденом Св. Владимира IV степени с бантом. В 1832 году произведён в капитаны.

В 1835 году в жизни Александра Андреевича Катенина происходит знаменательное событие - на маневрах он обращает на себя внимание Николая I и назначается к нему флигель-адъютантом. Два года спустя Катенин уже полковник, ещё через два - комендант Императорской главной квартиры, а чуть позже - начальник штаба 1-го пехотного корпуса на Кавказе и за отличие в военных действиях против горцев награждается золотой шпагой.

В 1842 году Катенин исправляет должность начальника штаба отдельного гренадёрского корпуса, на следующий год производится в генерал-майоры, в 1848 году становится командиром лейб-гвардии Преображенского полка (того самого, в котором начал службу подпрапорщиком), в 1852 году - дежурным генералом при Главном штабе Его Императорского Величества. В 1854 году на генерал-лейтенанта А. А. Катенина возлагаются обязанности товарища военного министра...

В 1856 году Катенин был уволен от всех должностей и в 1857 году назначен командиром отдельного Оренбургского корпуса и оренбургским и самарским генерал-губернатором.

И всё-таки, объективно разбирая этапы военной биографии Катенина, мы должны признать, что близость к особе императора не превратила Александра Андреевича в баловня судьбы, избегающего по служебной лестнице едва замечая ступени. Нет, карьере его не назовёшь ни сногшибательной, ни даже блестящей, это обычный путь обычного русского офицера-труженика, честно исполняющего долг и через положенные сроки получающего очередное звание и повышение в чине. И в том, что за двадцать один год беспорочной службы с военными эпизодами и боевыми наградами Катенин поднялся от капитана (став им задолго до встречи с императором) до генерал-лейтенанта, нет ничего сверхординарного или тем более чудесного.

Разумеется, Катенину повезло. Повезло в том, что его просто заметили, заметили в нём ум, честность, отвагу, заметили и оценили (умному человеку требуется, чтобы его заметили, разглядели среди выскочек, - мало ли достойнейших офицеров, не хуже, чем Катенин, так и ходили в капитанах до самой своей отставки?). От него требовалось одно: не подвести, не обмануть доверия. И он не подвёл, не обманул.

Кстати, двоюродным братом А. А. Катенина был известный русский писатель, современник Жуковского и Пушкина, Карамзина и Грибоедова, Баратынского и Дельвига Павел Александрович Катенин, (он же - член "Союза спасения" в 1816 - 1817 годах, одной из первых организаций тех, кого позже назовут "декабристами"). Не исключено, что с товарищами и соратниками Павла Александровича общался и его кузен; в таком случае истоки человечности, просвещённости, которые отмечают все биографы Катенина, очевидны.

О назначении А. А. Катенина в Оренбургский край генерал-губернатором Н. Г. Залесов, с 1865 года офицер Генерального штаба при отдельном Оренбургском корпусе, в своих "Записках" вспоминает: "В конце 1856 года разнёсся положительный слух, что на место Перовского назначается Катенин, а в январе 1857 года Катенин был уже в Оренбурге, приехав туда ненадолго для предварительного знакомства с краем.

А. А. Катенин

Александр Андреевич Катенин, красивый собою господин с прекрасным даром слова, с придворными мягкими любезными манерами, менял свой пост дежурного генерала на место Оренбургского и Самарского генерал-губернатора. Если эта мена и происходила отчасти по желанию военного министра, знаменитого Сухозанета, то в такой же степени и по желанию самого Катенина. Любимец императора Николая, всегдашний партнёр его за картами, Катенин, командуя Преображенским полком, умел так ловко представлять свою часть покойному царю, что полк этот постоянно оказывался лучше всех".

Вскоре по приезде в Оренбург, Катенин отправился в степь и во вновь присоединённые владения. Намереваясь отказаться от воинственной политики своего предшественника, заменив её более мягкой и гибкой, генерал-губернатор оповестил киргизов, что если они смирятся, то будут прощены.

Первым на призыв откликнулся главный организатор набегов Исет Кутебаров, который писал "справедливому Катенину", что причиной возмущения киргизов были суровые меры Перовского, и обещал смириться. Катенин пригласил Кутебарова к себе, ласково принял и склонил быть "верным слугою государя".

"Обращение" Кутебарова повлияло на многих, и набеги на какое-то время прекратились.

Перемены наметились и в отношении среднеазиатских ханств. Уже при самом начале своего правления Катенин заговорил о желательности установления с ними прочных торговых связей и об открытии в Хиве и Бухаре торговых представительств. С этой целью он предполагал снарядить к владельцам этих ханств новую дипломатическую миссию, которая и проделала бы всю черновую работу в этом направлении.

В октябре 1857 года Катенин представил свои планы министру иностранных дел. На сей раз размышления оренбургского генерал-губернатора вполне совпали с видами правительства, и Катенина попросили конкретизировать свои предложения для включения их в программу миссии.

Катенин не замедлил исполнить просьбу и представил в Министерство иностранных дел обстоятельные соображения относительно упорядочения наших пограничных дел в Средней Азии, а также о тех поручениях, которые следует возложить на агента, отправляемого в Хиву и Бухару. Прежде всего, считал Катенин, необходимо добиться от правительства Хивы и Бухары разрешения на свободное плавание русских торговых судов по Аму-Дарье на всём её протяжении, и при этом заручиться гарантиями, что жизнь и имущество подданных Российской Империи будут оберегаться со всей возможной тщательностью.

К своему докладу в Министерство иностранных дел Катенин приложил обстоятельную "Записку о невыгодном для России положении торговли её с Средней Азией", в которой доказывал, что при настоящем положении дел все барыши отторговли достаются одним среднеазиатским купцам и потому предлагал добиваться удовлетворения

"справедливых требований нашего правительства об уменьшении таможенной пошлины с христиан в Средней Азии или распоряжений его по ограничении прав среднеазиатских торговцев в России... Уменьшить же означенные пошлины или ограничить права среднеазиатских торговцев требуют честь и выгоды России".

После продолжительной переписки между министерством и оренбургским генерал-губернатором, вопрос о снаряжении новой миссии в Среднюю Азию в конце концов решился положительно. Начальником её и полномочным представителем русского правительства был назначен флигель-адъютант, полковник Генерального штаба Н. П. Игнатьев (с 1864 года русский посланник в Турции, а с мая 1881 года по май 1882 года - министр внутренних дел), секретарём - Е. Я. Килевейн, будущий автор замечательных работ по этнографии. Вошли в миссию и учёные: представитель Академии наук астроном О. В. Струве, востоковед Н. И. Лерх, создатель первого самолёта лейтенант флота А. Ф. Можайский, некоторые другие. По ходу движения посольства было решено исследовать и нанести на карту русло Аму-Дарьи, найти и изучить пути, ведущие в Герат и Кабул (куда должна была отправиться ещё одна миссия под руководством Ханыкова).

Всем необходимым миссия запасалась в Оренбурге, откуда 15 мая 1858 года и выступила в киргизскую степь. Здесь, на подходе к Эмбе, к начальнику миссии Игнатьеву явился с повинной степной мятежник батыр

Исет Кутебаров. Это обстоятельство много способствовало общему успокоению степи и безопасному продвижению по ней посольского каравана.

А вот со среднеазиатскими ханствами миссии не слишком повезло. Хивинцы отнеслись к русским с обычной подозрительностью, но когда стало известно, что наша флотилия вошла в устье Аму-Дарьи, подозрительность их возросла до такой степени, что они начали перехватывать русских курьеров и следить за каждым шагом членов миссии. Только благодаря Катенину, задержавшему в пределах России все хивинские караваны до выхода миссии из Хивы, русские посланцы живыми добрались до Бухары. Здесь они были приняты куда любезней. Эмир Наср-Улла отпустил в их честь всех российских подданных и дал слово никогда больше не держать их у себя в плену.

Много было и других обещаний, в том числе и о свободном плавании русских судов на Аму-Дарье, но они так и остались одними обещаниями. И если сам Наср-Улла ещё кое-как выполнял их, то с его смертью, последовавшей в 1860 году, не стало и этого.

Однако торговля со Средней Азией не только не прерывалась, а всё увеличивалась и расширялась. Так, за пять лет после возвращения миссии Игнатьева (то есть с 1858 по 1862 год включительно) торговый оборот России со Средней Азией возрос с 11 миллионов в 1858 году до 15 миллионов в 1862 году. Эта цифра, конечно, ниже действительной, так как значительная часть среднеазиатских товаров не проходила через оренбургско-сибирскую таможенную линию, а расходилась на сыр-дарьинской линии и в пределах киргизских степей. Так что, миссия 1858 года всё же сыграла свою роль в упорядочении торговых сношений с Бухарой.

В начале своего генерал-губернаторства Катенин получил на чрезвычайные расходы 28 тысяч рублей из капиталов Оренбургского и Уральского войск, из башкирского и киргизского сборов. Отчёт в расходовании этой суммы он представлял государю лично. С первым отчётом Катенин ездил в Петербург в декабре 1858 года. Вместе с ним отправилась большая группа чиновников: председатель оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев, обер-квартирмейстер отдельного Оренбургского корпуса полковник В. Д. Дандевиль, правитель канцелярии А. А. Арцимович, ротмистр Миллер, И. В. Чернов (автор "Записок", служивший в те годы в канцелярии начальником отделения иррегулярных войск). Тогда и был выработан, по свидетельству И. В. Чернова, план постепенного продвижения в Среднюю Азию и намечена посылка особого отряда под начальством полковника Дандевиль в Туркменскую область.

Катенин предлагал продолжить завоевания и в направлении Сыр-Дарьи, но поддержки не получил.

Весной 1859 года вновь были снаряжены две экспедиции в Среднюю Азию: одна под начальством Бутакова для завершения исследований в устье Аму-Дарьи, вторая, под начальством Дандевиль - для описи восточного берега Каспийского моря. Аральская флотилия во главе с А. И. Бутаковым поддержала известное в истории Средней Азии антиханское Кунградское (Бо-затауское) восстание 1858 - 1859 годов (Катенин дал указание А. И. Бутакову при надобности "подать помощь кунградцам"). Дандевиль в это же время победил туркмен и освободил часть персидских пленников.

Генерал-майор В. Д. Дандевиль, наказной атаман Уральского казачьего войска в 1862-1865 годах

Генерал-майор А. Д. Столыпин, наказной атаман Уральского казачьего войска в 1857-1862 годах

Но среднеазиатские дела не настолько поглотили генерал-губернатора, чтобы он упустил из виду вверенный ему край. В недолгое свое правление Катенин провёл здесь ряд таких реформ и преобразований, плодами которых мы пользуемся и сейчас. Например, во время очередного посещения Петербурга Александр Андреевич встретился с обер-прокурором Синода графом А. П. Толстым по поводу учреждения (или, точнее, восстановления) в Оренбурге епархии. Девятого января 1859 года А. П. Толстой сообщил генерал-губернатору, что мысль об учреждении новой епархии в Оренбургском крае встречена в Синоде вполне сочувственно. После этого разговора, Катенин представил доклад императору и испросил разрешение употребить на устройство кафедры в Оренбурге от 25 до 30 тысяч рублей из капитала, собранного на сооружение храма в форте Перовском.

Двадцать первого марта 1859 года Оренбургская епархия была разделена на Уфимскую и Оренбургскую; к Оренбургской отошли и церкви, находящиеся в зауральной степи. Кроме того, в Оренбург был назначен особый епископ для казачьих войск и прилинейных уездов, исключая сами уездные города, которые были оставлены в зависимости от Уфы.

В эти же годы было положено начало деления и Оренбургской губернии (на Оренбургскую и Уфимскую)...

По ходатайству Катенина, 24 марта и 9 декабря 1859 года состоялась передача управления степью зауральных киргизов (или Малой орды) в ведомство Министерства внутренних дел с поименованием её областью киргизов Оренбургского ведомства и с переименованием пограничной комиссии в областное правление (в связи с этим председатель пограничной комиссии стал называться управляющим областью оренбургских киргизов).

Управление киргизами по сыр-дарьинской линии было оставлено в Министерстве иностранных дел, но с подчинением оренбургскому генерал-губернатору.

Катенин добился прибавления Оренбургскому войску 85 тысяч рублей в год для внутреннего благоустройства взамен питейного откупного дохода. Ходатайство же его о формировании четырёх полков из башкир и посылки их на службу в Варшаву и на Кавказ было отклонено. Генерал-майор И. В. Чернов выяснил (и передал Катенину), что "башкир ни в Варшаву, ни на Кавказ тамошние начальствующие лица не берут, так как в польскую кампанию 1831 года башкиры были в армии и оказались негодными для казачьей службы".

Благосостояние любого края, по мысли А. А. Катенина, невозможно без развития в нём промышленности, транспорта, всеобщей грамотности. Благодаря ему в 1858 году на реке Белой было организовано судоходство, связавшее часть губернии дешевым и удобным сообщением с Волгой и Камой, в том же году учредили почтовый тракт между Орской крепостью и уральскими укреплениями.

Особое внимание уделялось устройству школ и училищ. Только на одних форпостах Катенин открыл около восьмидесяти школ, не считая училищ для детей обоего пола в городах и крупных станицах.

Надо сказать, что тут ему бесценную помощь оказывал наказной атаман Уральского казачьего войска Аркадий Дмитриевич Столыпин (отец знаменитого министра-реформатора Петра Аркадьевича Столыпина). А. Д. Столыпин открыл в Уральском войске около ста школ, на войсковые деньги издавал для казаков учебники, посылал их учиться в Петербург и Москву, благоустраивал города и казачьи посёлки. Имя его среди уральских казаков по сию пору окружено уважением и любовью.

По свидетельствам современников, Катенин много способствовал развитию в городе общественной жизни. Всегда и со всеми он был любезен, обходителен, жил широко и открыто, давал большие балы, на которых собиралась лучшая молодёжь, в высокаторжественные дни устраивал обеды, куда приглашал и своих служащих (и очень бывал недоволен, если чиновники канцелярии из-за ложной скромности избегали на них присутствовать). По зимам у Катениных назначались "вторники", где все собирались запросто и веселились без стеснения, чему пример подавали сами хозяева, усердно танцевавшие все кадрили. О супруге генерала Катенина, урождённой Вадковской, Залесов писал:

"Редко я встречал в нашем высшем круге женщину столь привлекательную, развитую и с таким огромным тактом, как Варвару Ивановну Катенину. Она всех принимала равно, любезно, без малейшего намёка на своё высокое положение, со всеми умела говорить о предметах, которые были близки представлявшемуся ей лицу, и вся эта беседа велась так мило, просто, что говоривший с Катениной, сразу чувствовал себя как дома. Так и со мной она тотчас перешла к разговору о Самарской губернии и, признаюсь, обнаружила при этом такие, хотя и общие, сведения по статистике, каких не имел и сам генерал-губернатор, её супруг".

В 1860 году генерал-губернатор с инспекционной проверкой войск проезжал до Гурьева городка. На обратном пути, в Уральске, Катенин, следуя манере Николая I, явился к войскам в мундире и, несмотря на сильнейшую жару, так в мундире и произвёл смотр. Всё это (вместе с торжественными встречами и проводами) утомило его. Подъезжая к Оренбургу, он уже чувствовал себя нездоровым, и в первую же ночь по приезде в город, 24 июня 1860 года, Александр Андреевич умер от аневризмы.

"Смерть его, - сообщает И. В. Чернов, - поразила городское и окрестное население, Горожане везли на себе погребальную колесницу и положили его в склепе графа Сухтелена в ограде Петропавловской церкви,

откуда тело покойного потом было взято в имение его в Костромской губернии Кинешемского уезда".

Именем Катенина был назван станичный поселок во втором военном отделе Оренбургского казачьего войска.

Александр Павлович БЕЗАК, *оренбургский и самарский генерал-губернатор в 1860-1864 годах*

Александр Павлович Безак, соученик Пушкина по лицей (был всего на год моложе великого поэта), избрал для себя военное поприще и в ноябре 1819 года поступил прапорщиком в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду. Здесь способности и усердие молодого офицера были скоро замечены, и он получил назначение в бригадные адъютанты.

Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 годов, за боевые отличия награждён орденом Св. Владимира IV степени с бантом.

По окончании польской кампании, в 1832 году Безак уже начальник штаба по управлению фельдцейхмейстера* великого князя Михаила Павловича и в этой должности "много способствовал" улучшению русской артиллерии. Именно Безак учредил запасные (учебные) батареи и артиллерийское депо, преобразовал арсеналы и заводы, ввёл облегчённую 12-фунтовую пушку; его перу принадлежит ряд трудов по артиллерийскому делу.

В Крымскую войну Безак возглавлял артиллерийский департамент, а когда война закончилась, стал командовать 5-м армейским корпусом. Служба его в эти годы отмечена орденом Св. Александра Невского (1855) и бриллиантовыми знаками к нему (1857).

В 1858 году А. П. Безак был произведён в генералы от артиллерии.

А. П. Безак

Вскоре, однако, ему пришлось расстаться с артиллерийским ведомством, которому он посвятил всю свою жизнь, и отправиться в Оренбургский край в связи с назначением на должность командующего Оренбургским отдельным корпусом и оренбургским и самарским генерал-губернатором.

Восьмого октября 1860 года А. П. Безак прибыл в Оренбург. Вот как описывает нового генерал-губернатора известный нам Н. Г. Залесов:

"Александр Павлович Безак был небольшого роста человек, в парике, весь накрашенный, наружность имел суровую, говорил всегда серьёзно, отрывисто. Он произвёл на всех впечатление неблагоприятное. Вступив в должность, Безак тотчас же стал вникать во все отрасли управления, читать дела и знакомиться со всяким разумным человеком, не обращая внимания на чины и звания. Сразу почувствовалась во всех делах рука дельного администратора, и везде начала сказываться деятельность умного человека..."

Эти наблюдения подтверждает биограф Безака и автор одного из первых описаний Оренбурга Ф. И. Лобысевич:

"...Всегда суровый на вид, с чёрствыми, даже отталкивающими манерами, казавшийся холодным, этот труженик был благодушен, внимателен к нуждам подчинённых и искренне готов каждому помочь и сделать доброе..."

Примерный семьянин, гостеприимный хозяин, он был симпатичен, и в крае едва ли найдётся человек, который о Безаке в этом отношении скажет иначе".

К моменту вступления Безака в должность, границы России были отодвинуты за Сыр-Дарью и продолжали расширяться. В 1861 году вошло в строй укрепление Джулек (крепость, оставленная кокандцами ещё

* В русской армии (до 1909 года) - главный начальник артиллерии.

при Перовском), взяты крепости Яны-Курган и Дин-Курган.

Безак связал укрепление Уральское и форт № 1 почтовой связью, открыл при крепостях киргизские школы (в Троицке, Уральском и Оренбургском укреплениях), утвердил штаты сыр-дарьинской линии.

Но, наверное, наиболее важным делом, которым выпало заниматься А. П. Безаку, стала земельная реформа.

Объявление Манифеста от 19 февраля было сделано быстро (по свидетельству И. В. Чернова), и беспорядков не случилось. Уставные грамоты* были составлены без особенных затруднений, и тотчас же начался выкуп по соглашению с крестьянами.

Количество помещичьих крепостных крестьян в пределах Оренбургской губернии не превышало шести тысяч душ, но горнозаводских было до двадцати тысяч. И они оказались совсем в ином положении, нежели помещичьи крестьяне: без средств к существованию, без земли, ибо земля, на которой они жили, была лес да камень, непригодная для хлебопашества. Одни из крестьян подались на казённые земли, другие - на временно арендованные у башкир и казаков, третьи пошли бродяжничать, переходя с места на место, и наконец, возвращались в заводы, где им давали усадьбы.

Другое поле деятельности - традиционное для оренбургских губернаторов: освобождение из неволи казаков и других русских пленников. В октябре 1862 года Безак обратился к бухарскому токсабе Наджметдину Ходже, ведавшему в то время таможенной частью и внешними сношениями ханства. Генерал-губернатор писал:

"...Из полученных достоверных сведений известно, что уральские казаки Черноморское, Найдёнов и Ишимов, захвачены в прошлом году кокандцами, подарены, впоследствии высокостепенному эмиру бухарскому и находятся на службе в его войске, вместе с пленными сибирскими казаками... Имея в виду, что все государства, находящиеся в дружеских отношениях между собою, не удерживают пленников, а отпускают тотчас же в их Отечества, я прошу, вас, уважаемый Токсаба, распорядиться, чтобы все означенные пленные казаки были доставлены в Оренбург с первым отходящим из Бухары караваном..."

Доводя до сведения министра иностранных дел князя А. М. Горчакова о предъявленном бухарскому правительству требовании, Безак просил его исходатайствовать, на случай неисполнения требования, высочайшее соизволение об аресте всех прибывающих в Оренбург бухарских торговцев.

В ответном послании А. М. Горчаков известил Безака, что государь предоставляет "оренбургскому и самарскому генерал-губернатору самому принять те меры, которые он сочтёт необходимым, чтобы понудить бухарского эмира выдать русских пленников", но при этом государь заметил (передаёт Горчаков), что генерал-адъютанту Безаку "ближе всего должны быть известны последствия, какие предлагаемая им мера может иметь на сношения наши с Бухарой..."

Тогда Безак предложил обложить привозимый из Бухары хлопок таможенной пошлиной. На это министр иностранных дел, согласовав своё мнение с мнением министра финансов, ответил, что было бы лучше "заявить бухарскому правительству, что предоставленные нами бухарской торговле льготы не могут быть сохранены". Такое заявление и было сделано.

Но Бухара оставила без внимания требование о высылке пленников, и Безак ровно через год повторил его, послав ещё одно письмо токсабе Мухамед-Шабию, сменившему умершего Наджметдина Ходжу. Но и на этот раз увещевания оренбургского генерал-губернатора не возымели успеха: бухарское правительство продолжало упорно отмалчиваться.

Первого декабря 1863 года А. П. Безак вновь потребовал возвращения пленников казаков, а также освобождения захваченных итальянских путешественников, несчастная участь которых возбудила в Европе всеобщее внимание к России. И распорядился, уже не дожидаясь ответа, о недопущении бухарских торговцев "к проезду в Москву и другие внутренние города России и на главные ярмарки".

Основанием для более решительных действий оренбургского генерал-губернатора стала телеграмма от князя Горчакова:

"Оренбург. Генерал-адъютанту Безаку. Закон не позволяет азиатцам ездить в Москву. Торговать оптом и в розницу в таможенной черте, строгое исполнение Закона зависит от вас. По докладу Его Величеству отзывает № 1 Высочайше разрешается вам при невыдаче пленников приостановить действие статей 230 и 105. Подробности по почте..."

И 29 июня 1864 года все пленники были отпущены из Бухары, а 22 июля прибыли с караваном в Казалинск. По получении донесения об этом от коменданта форта № 1 запрещение въезда в Россию с бухарцев было снято.

* Уставные грамоты фиксировали отношение помещика с временно обязанными крестьянами по Положениям 19 февраля 1861 года. Устанавливали размер надела и повинности за пользование им. Вводились мировыми посредниками.

В 1863 году последовало соединение линий передовых степных укреплений оренбургского и сибирского ведомств. Со стороны Сибири была занята кокандская крепость Аулие-ата, а со стороны Сыр-Дарьинской линии - город Туркестан (Азрет), а затем Чимкент. Из этих укреплений была образована новококандская линия.

Решил генерал-губернатор и вопрос с оседлостью киргизов, который отклонялся и откладывался ещё со времен Сухтелена, и даже председатель пограничной комиссии Ладыженский в 1854 году был строго взыскан В. А. Перовским за допущение построек киргизами землянок. Безак же, в отличие от них, считал, что киргизы могут быть полезны государству не только как кочевники, производители скота и животной продукции, но и как земледельцы.

В 1861 году киргизам было разрешено заняться хлебопашеством на землях, отведённых им во временное пользование. Эта мера, хотя и половинчатая, весьма быстро двинула дело оседания киргизов на местах: в какие-нибудь десять лет население северной части степи (впоследствии Кустанайский и Актюбинский уезды Тургайской области) превратилось из кочевого в полuosедлое и перешло от занятия исключительно скотоводством к земледелию.

Из других, наиболее важных распоряжений и мероприятий правительства, предпринятых по инициативе оренбургской администрации во время правления Безака, следует отметить разграничение земель Оренбургского казачьего войска от киргизской степи, возведение Эмбенского укрепления, учреждение при областном правлении ссудной кассы для киргизов, перевод башкир из военного сословия в гражданское (чем они уравнивались в правах с остальным крестьянским населением края), восстановление коммерческого тракта, связавшего западную Башкирию с восточной.

В начале 1860-х годов был разработан и вынесен на обсуждение проект конно-железной дороги, соединяющей Оренбург с Самарой. И хотя дорога сулила немалые выгоды, желающих вложить деньги в её строительство не нашлось.

Генерал-губернатор Безак первым ввёл гражданское управление в Оренбургском казачьем войске (насколько оно было возможно при обязанности войска нести военную службу), и в этих видах соединил должность атамана с должностью гражданского губернатора вновь образованной Оренбургской губернии. А вот его планы об обращении оренбургских казаков в податное состояние натолкнулись на дружный отпор. Историк С. Н. Севастьянов рассказывал, что, по слухам, когда Александру II доложили о проекте упразднения войска, он заметил: "Довольно уже упразднили старого, пора обождать, что выйдет из нового".

Строгая экономия, контроль за расходами, расчёт во всём значительно сократили издержки казны и в то же время дали Безаку средства на благоустройство города и края. Безак оздоровил Оренбург, срыв его крепостные валы и построив прекрасные казармы, заведя общественные бани, проложив тротуары, устроив водопровод... Именно ему обязан был Неплюевский женский институт своим расширением, а Неплюевский кадетский корпус - переустройством.

Кроме этого, на средства благотворителей и с ведома генерал-губернатора, в Оренбурге были открыты семь участковых школ (впоследствии, с дарованием городу самоуправления, ставшие приходскими училищами) и первая в нём женская школа, в 1868 году преобразованная в женскую прогимназию.

Не жалел денег генерал-губернатор и на выписку разных машин для Сыр-Дарьи, заведения там плавучих мельниц и т.п.

Но вот в работе с кадрами, говоря современным языком, генерал-губернатор допускал перекося в отношении личностей... По свидетельству генерал-майора И. В. Чернова, в начале своего правления Безак заявил, что постарается избегать смещений и замен прежде назначенных чиновников, поскольку это "ведет к печальным результатам как для пользы службы, так и для самих сменяемых".

Однако на деле получилось по-другому. Безак не терпел чиновников, которые не сходились с ним во взглядах или же становились чересчур самостоятельными.

Во времена Катенина важные мероприятия обсуждались в особых комитетах, состоящих из людей, хорошо знакомых с делом. С назначением Безака комитеты распались и более не собирались, а должности всех главных начальников были заняты его избранныками. Получили хорошие места и его зятья Галкин и Трубецкой. Трубецкого Безак назначил помощником управляющего башкирами, (для чего прежде сместил генерал-майора И. В. Чернова, автора цитируемых "Записок"), а Галкина - помощником управляющего оренбургскими киргизами. В. В. Григорьев, управляющий оренбургскими киргизами, выразил недовольство своим новым помощником, впал в немилость и был отправлен в отставку.

Не поладил с Безаком и уехал в Петербург начальник штаба генерал-майор Данзас. После Данзаса должность начальника штаба исправлял полковник Черняев, но и он не сошёлся с Безаком и покинул Оренбург.

Любопытен взгляд Безака на чиновных мошенников при "хлебных" должностях, он говорил:

"...Я допускаю их потому, что они люди умные и ловкие и всякое дело, какое я им поручу, они сделают хорошо, а если при этом украдут, так ведь у нас без этого нельзя".

Однако, несмотря на отдельные и не слишком симпатичные особенности в характере А. П. Безака, дела во

вверенном ему крае шли в гору, а сам край приобретал черты цивилизованности.

По торжественным дням Безак давал обеды и балы, на которые приглашались гости из всех сословий. Молодёжи в танцевальные вечера набиралось до тесноты.

При Безаке устраивались благотворительные вечера. В 1861 году их проводил известный поэт Аполлон Григорьев*, преподававший русскую словесность в Неплюевском кадетском корпусе. Да и сам А. П. Безак был любителем поэзии, хорошо знал стихи своего однокашника А. С. Пушкина.

Театр, возникший в Оренбурге при Обручеве, продолжал существовать и в годы правления Безака. Спектакли шли круглый год, публики было предостаточно.

По инициативе Л. И. Безак, супруги начальника края, в Оренбурге основалось Общество вспомоществования бедным, главной заботой которого было "упрочение существования" участковых школ, а также "содействие бедным жителям Оренбурга выдачей денежных пособий на их содержание, лечение и другие нужды". Ежегодно на пособия бедным расходовалось до 1200 рублей серебром, из которых двести рублей отчислялись в распоряжение старшего врача городской больницы. Лекарство из аптек бедные получали по уменьшенной цене и даже бесплатно.

Последний плод административного творчества Александра Павловича Безака - проект разделения громоздкой и плохо управляемой Оренбургской губернии на две: Оренбургскую и Уфимскую. Но осуществлять, доводить до ума своё начинание ему уже не пришлось - в 1864 году Безак был назначен командующим войсками Киевского военного округа и киевским и волынским генерал-губернатором.

На прощальном обеде, устроенном в его честь, А. П. Безак высказал следующее:

"С осуществлением соединения границ Оренбургской и Самарской все киргизские степи должны находиться под ведением Оренбургского генерал-губернатора, на которого следует оставить Оренбург, потому что сюда стекается вся торговля, здесь время и обстоятельства учредили административный пункт, имеющий для центрального управления много удобств".

Служба в нашем крае генерала Безака была отмечена высшей наградой Российской Империи: орденом Андрея Первозванного. А оренбуржцы, в благодарность за труды и заботы ко благу города, избрали Александра Павловича первым почётным гражданином и назвали одну из улиц его именем (ныне улица Бурзянцева).

Вступив в новую должность, Александр Павлович Безак обнаружил, что хотя крестьяне Юго-Западного края и считаются юридически освобождёнными от крепостной зависимости, но на деле же крестьянская реформа здесь едва делает первые шаги, да и те тормозятся со всех сторон. Разобравшись в обстановке, новый киевский генерал-губернатор заменил состав крестьянских деятелей другими, более благонадёжными лицами, увеличил число мировых посредников и принял дополнительные меры к действительному, а не мнимому освобождению крестьян от крепостной зависимости и зорко следил за их исполнением. Результат был весьма утешительным: к 1 января 1870 года в руках крестьян находилось четыре миллиона десятин земли.

Другой важной заботой стала для Безака замена польских помещиков русскими. По его почину был издан закон (1865), который обязывал поляков-помещиков Юго-Западного края продавать свои имения не иначе, как дворянам русского происхождения. Придавая этой мере историческое значение в жизни края, Безак достиг того, что за время его генерал-губернаторства крупное русское землевладение увеличилось на сорок процентов.

Не менее ответственным делом было ослабление влияния католического духовенства: польский мятеж 1863 года показал истинные цели "мирной" деятельности ксендзов и монахов различных орденов. Выявив их политическую неблагонадёжность, генерал-губернатор обратил внимание и на чрезмерное обилие католических монастырей, костёлов и каплиц. По представлению Безака явно излишние костёлы и монастыри были закрыты, в 1866 году упразднена Каменецкая латинская епископия.

Административная карта Оренбургской губернии, 1865 г.

* В письме Н. Н. Страхову Аполлон Григорьев писал об оренбургском генерал-губернаторе (18 января 1862 года): "Впрочем он точно умный и простотою обхождения замечательный человек".

(Увеличенную копию карты смотрите в отдельном файле – 248_b.jpg)

Вместе с этим Безак принимал меры к возвышению и упрочению православия. Им была составлена целая программа по улучшению положения православного духовенства, по реставрации старых и строительству новых храмов.

Не забыл Безак и о народном просвещении. Польские пансионы были закрыты, тайное преподавание с антиправительственным душком прекращено, зато в Каменец-Подольске открыли гимназию на русских началах, а в целом по краю устроили несколько прогимназий и увеличили число сельских школ.

Из других мер, предпринятых Александром Павловичем для преобразования края (или, лучше сказать, для его оздоровления), следует отметить уничтожение в городах и местечках исключительного права продажи спиртных напитков, известного под названием пропинации; открытие кредитных учреждений, послуживших улучшению экономического положения в крае и усилению сахарного производства; увеличение числа русских чиновников (взамен польских) с надлежащим их обеспечением.

Кроме того, именно Безаку обязан Киев железнодорожным сообщением с Москвой и Одессой, проведением железной дороги до австрийской границы.

Неустанная и разносторонняя деятельность по управлению Оренбургским краем и юго-западными губерниями подорвала здоровье А. П. Безака. Больным поехал он в Петербург по делам службы в конце 1869 года и здесь скончался 30 декабря того же года, не успев осуществить много из задуманного. Тело Безака было перевезено в Киев и погребено в Печёрской лавре.

У А. П. Безака был брат - Константин Павлович (1803-1845), также окончивший Царскосельский лицей (второй выпуск); служил обер-прокурором Сената, был женат на дочери писателя Н. И. Греча Софье Николаевне.

Долгие годы облик оренбургского и самарского генерал-губернатора А. П. Безака оставался для нас "тайной за семью печатями" - не удавалось найти ни фотографии, ни портрета с его изображением. И только в 1995 году посчастливилось разыскать в архивах портрет "пропавшего" губернатора.

ОРЕНБУРГСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Николай Андреевич Крыжановский

(1818-1888),

оренбургский генерал-губернатор в 1864-1881 годах

Николай Андреевич КРЫЖАНОВСКИЙ,

оренбургский генерал-губернатор в 1864-1881 годах

Николай Андреевич Крыжановский родился 30 октября 1818 года в Санкт-Петербургской губернии, в дворянской семье. После окончания артиллерийского училища в 1837 году был произведён в офицеры и оставлен при офицерских классах училища, а через два года переведён в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду и в том же году назначен помощником военного агента в Берлине.

С 1842 года Н. А. Крыжановский - офицер по особым поручениям при начальнике Черноморской береговой линии, с 1850 года - штаб-офицер киевского арсенала. В 1853 году, в первые дни Восточной (Крымской) войны, его назначают начальником артиллерии Южной армии. В 1854 году, после взятия турецкой крепости Силистрия, Крыжановский был произведён в генерал-майоры и награждён золотой саблей с надписью "За храбрость".

С началом боевых действий в Крыму, Крыжановский направляется в Севастополь на должность начальника штаба артиллерии Крымской армии, которой тогда командовал князь М. Д. Горчаков. Здесь в одном из боёв он получил сильную контузию от неприятельского ядра.

В Севастополе у Н. А. Крыжановского появились фронтовые друзья: артиллерийский поручик граф Л. Н. Толстой и адъютант командующего А. Д. Столыпин.

В 1857 году генерал-майор Крыжановский назначается начальником Михайловского артиллерийского училища и Артиллерийской академии. Находясь на этой должности, он усовершенствовал постановку учебных занятий, привлёк к преподаванию лучших специалистов того времени, опубликовал собственные, весьма полезные для армии исследования.

Через три года Н. А. Крыжановский уже в Варшаве - сначала начальником штаба 1-й армии, затем исполняющим обязанности варшавского генерал-губернатора и управляющего особой канцелярией Царства Польского. За отличное исполнение трудных и ответственных поручений во время польского мятежа был возведён в звание генерал-адъютанта. Именно к этому времени относится краткая, но ёмкая оценка Крыжановского Александром II: "...человек образованный и совершенно надёжный" (из письма князю М. Д.

Горчакову от 10 марта 1861 года).

В 1862 году Н. А. Крыжановский был отозван в Санкт-Петербург, произведён в генералы от артиллерии и назначен председателем комитета, учреждённого для начертания общих оснований военного и морского судопроизводства и устройства. Тогда же он становится членом Военного совета и инспектором военно-учебных заведений. В 1863 году, в связи с осложнившейся международной обстановкой, его назначают помощником командира Кронштадтского порта и ответственным за вооружение, а в 1864 году - помощником командующего Виленским военным округом.

Наконец, 9 февраля 1865 года сорокасемилетний генерал-адъютант, генерал от артиллерии Николай Андреевич Крыжановский получает новое (и, как оказалось, последнее в его жизни) назначение: в Оренбургскую губернию, на должность оренбургского генерал-губернатора*...

Н. А. Крыжановский

Н. Г. Залесов в своих "Записках" так пишет о новом начальнике края:

"Крыжановского я знал ещё в чине полковника в Бухаресте, куда он был назначен зимою 1853 года из штаб-офицеров по искусственной части Киевского арсенала начальником штаба артиллерии 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов. Он был человек солидно образованный, способный и весьма добрый".

Буквально за неделю до того, как состоялось это назначение (2 февраля 1865 года), Самарская губерния была изъята из ведения начальника Оренбургского края, а потому из определения должности был исключён и титул "самарского". И уже при Крыжановском (5 мая 1865 года) произошло окончательное разделение Оренбургской губернии на две: Оренбургскую и Уфимскую.

Таким образом, Оренбург оказался третий раз возведённым в достоинство губернского города (из уездного). Вскоре здесь были открыты и действовали все, какие положено, губернские учреждения: губернское правление, казённая и судебная палаты...

С переменой генерал-губернатора последовала и перемена главных административных лиц в Оренбурге. Оренбургским атаманом и первым гражданским губернатором новообразованной губернии был назначен молодой полковник К. Н. Боборыкин, начальником областного киргизского управления - полковник Л. Ф. Баллюзек, правителем канцелярии - служивший в Министерстве внутренних дел А. Д. Холодковский.

В 1867 году было утверждено подготовленное Крыжановским положение "О военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и о способе их комплектования", и окончательно введено положение о башкирах, благодаря которому башкирский народ приобрёл права на собственность. По проектам Крыжановского было введено и земство - сначала в Оренбургской, а затем в Уфимской губерниях.

Одновременно с обустройством Оренбургской губернии, Крыжановский занимался и другими делами, имевшими важное государственное значение: продвижением внутрь Средней Азии, покорением небольших, но агрессивных ханств Хивы, Бухары и Коканда. Для этого 6 августа 1865 года был учреждён Оренбургский военный округ, командующим которого стал сам генерал Крыжановский. Туркестанская область, образованная 12 февраля 1865 года из сыр-дарьинской и новококандской линий, также находилась в ведении оренбургского генерал-губернатора.

* Сменить Безака должен был наш земляк Александр Егорович Тимашев, сын командующего Оренбургским казачьим войском Егора Николаевича Тимашева.

Министр внутренних дел П. А. Валуев отметил в своём дневнике 7 февраля 1865 года: "Тимашеву хочется в Москву. Между тем он отказался по болезни от Оренбурга, и на его место назначен Крыжановский, много испытавший, но едва ли много испытанный".

В июне 1866 года Н. А. Крыжановский прибыл в Ташкент и взял на себя всё руководство войсками. Восемнадцатого октября 1866 года город Джизак, считавшийся оплотом Бухарского ханства, был взят. После его падения влияние Бухары на киргизские степи полностью сошло на нет. За эту операцию Крыжановский был награждён орденом Св. Георгия III степени.

Забегая вперёд, скажем, что, кроме Джизака, в Средней Азии за время правления Крыжановского были взяты и другие города и укрепления: Ниязбек, Чиназ, Нау, Ходжент, Ара-Тюбе, уже упоминавшийся Ташкент...

Генерал-майор К. Н. Боборыкин, наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1865-1875 годах

Любопытный документ удалось найти в Государственном архиве Оренбургской области. Это приказ по Оренбургскому военному округу от 11 декабря 1866 года:

"Государь Император в 26-й день минувшего ноября Всемиловейшие соизволил пожаловать мне орден Святого Георгия III степени. Сознавая, что эта столь драгоценная для каждого военного Монаршая награда есть воздаяние за молодецкие подвиги тех войск Туркестанской области, в рядах которых я имел честь участвовать в кампании минувшей осени противу Бухару, считаю приятным долгом ещё раз выразить мою душевную благодарность храбрым войскам области за всё, совершённое в 1866 году. Командующий войсками генерал-адъютант Крыжановский".

Взяв Джизак, Крыжановский возвратился в Ташкент и приступил к составлению проекта Временного положения для управления новой областью. Вскоре, имея на то высочайшие полномочия, Крыжановский принял в русское подданство жителей Ташкента, Зачирчикского края, Ходжента и других городов, просивших его об этом особыми депутациями.

По ходатайству Н. А. Крыжановского, в первые годы его правления было издано несколько правительственных распоряжений, касающихся киргизов. В частности, появилось разрешение направлять их для лечения в полугоспитали и лазареты в степных укреплениях, а также на оренбургской и уральской линиях. На покрытие издержек в дополнение к 600 рублям, отпускавшимся на это, велено было ассигновать ещё по 11428 рублей в год - на уплату военному ведомству за содержание больных киргизов в лечебных заведениях, на приобретение лекарств для них, на командирование врачей в глубь степи, на борьбу с массовыми заболеваниями среди кочевников.

В 1865 году, опять-таки по ходатайству Н. А. Крыжановского, были отменены пошлины и карантинный сбор с товаров, вывозимых в Азию и в киргизскую степь, и сбор с привозимых на оренбургскую линию мяса, невыделанных кож, овчин и мерлушек, верблюжьей, овечьей и козьей шерсти. А 22 апреля 1868 года была упразднена и сама оренбургская таможенная линия с расположенными на ней таможнями, заставами и переходными пунктами. Эти меры способствовали быстрому развитию торговли и почти пятикратному увеличению городских доходов. Привоз товаров по восточной границе возрос с семи до десяти миллионов рублей, продажа - с трёх до двенадцати миллионов рублей.

Управление киргизской степью, разделённой Крыжановским, на Тургайскую и Уральскую области, получило коренную реформу и было преобразовано в духе общих государственных губернских учреждений с некоторыми изменениями, вызванными местными условиями. В частности, правительство, озабоченное отсутствием в степи стабильного и дееспособного государственного аппарата, намеревалось установить здесь единообразное правление согласно Временному положению. По этому Положению в степи образовывались волости и уезды, организовывались выборы должностных лиц - аульных старшин и волостных управителей, производилось территориальное разграничение земель между вновь образуемыми волостями и уездами. Кроме того, Положение обязывало каждого киргиза иметь паспорт, за который требовалось уплатить гербовый сбор, ограничивало в правах мусульманское духовенство... Всё это означало серьёзную ломку старого, веками сложившегося родового порядка землепользования, ломку традиционного управления и суда.

Временное положение предписывалось вводить в действие с 1 января 1869 года, в виде опыта, на два года, в целом или по частям.

Однако с введением Положения главное управление Оренбургского края слишком поспешило. Резкое изменение коренного уклада жизни вызвало среди киргизов большие волнения. Распространялись всевозможные слухи о насильственном обращении в христианство, о рекрутстве, об огромных налогах. Недовольство вызывало и назначение русских уездных начальников, хотя до этого киргизы постоянно жаловались на своих султанов.

Уральский губернатор Верёвкин, убедившись, что мирными средствами ввести Положение не удастся, просил Крыжановского употребить для подавления волнений военную силу, но поначалу получил отказ - генерал-губернатор ещё не терял надежды уладить дела с киргизами "по-домашнему", без экстраординарных мер. Скоро, однако, обстоятельства вынудили начальника края призвать против бунтовщиков казачьи части. В Тургайскую область была послана рота стрелков и две сотни оренбургских казаков, одного появления в степи этих небольших отрядов оказалось достаточно, чтобы скопища киргизов рассеялись, и порядок водворился как бы сам собой.

Бывшая восточная часть степи оренбургских киргизов, из которой потом были образованы уезды Николаевский и Тургайский, в волнениях участия не принимала, и введение Положения не вызвало здесь ни малейших недоразумений.

К сентябрю 1869 года мир в степи был установлен повсеместно, однако для пресечения подобных смут в будущем и для ограждения киргизов, принявших Положение, от нападений бежавших в Хиву, генерал-губернатор Крыжановский учредил под своим председательством особый комитет, в состав которого вошли уездные начальники и начальники отрядов.

Но пока существовала Хива, любой мир в степи оставался призрачным, и Крыжановский начал готовить новую экспедицию. Были разведаны караванные пути и тропы, готовилось снаряжение, приобреталось всё необходимое, в том числе и верблюды (их поставляли киргизы, они же участвовали в экспедиции в качестве проводников)*.

Городской театр, перестроенный из здания конного манежа (экзерциргауза) Неплюевского кадетского корпуса

В 1873 году Хива была взята и одержана победа над туркменами, в Россию вернулись все пленные и угнанные.

Помимо военных дел, в круг забот Н. А. Крыжановского входили и другие стороны жизни края: культура, наука, просвещение, хозяйственная деятельность. В 1866 году был учрежден губернский статистический комитет, наладивший выпуск очень интересных и полезных ежегодных изданий: "Памятная книжка Оренбургской губернии", "Справочная книжка Оренбургской губернии", "Адрес-календарь". Эти издания, а также вновь основанная газета "Губернские ведомости", печатались в своей губернской типографии, устроенной благодаря Н. А. Крыжановскому.

* Любопытный факт: в войсках, действовавших против Хивы, находились великий князь Николай Константинович и принц Евгений Максимилианович, герцог Лейхтенбергский (первый был с уральскими казаками, второй с оренбургскими). По возвращении из похода принца Евгения Максимилиановича зачислили в Оренбургское казачье войско.

Женская гимназия

Пятнадцатого ноября 1866 года последовало открытие Оренбургского Государственного банка, 30 мая 1867 года начал работу Оренбургский отдел Русского Императорского Географического общества.

Под контролем Крыжановского сословная комиссия привела в порядок городское хозяйство Оренбурга, в результате чего доходы города утроились. На средства, находящиеся в распоряжении генерал-губернатора, было перестроено под театр каменное здание манежа Неплюевского кадетского корпуса, разбиты бульвары на берегу Урала. Одиннадцатого ноября 1873 года (в столетие со дня смерти И. И. Неплюева) Н. А. Крыжановский предложил почтить память первого оренбургского губернатора постройкой нового собора, для чего открыл подписку и первым пожертвовал от себя 500 рублей. Позже Крыжановский выхлопотал разрешение на повсеместный по России сбор пожертвований на постройку храма в Оренбурге. Но заложен он был уже при другом губернаторе...

Обширна и плодотворна деятельность Крыжановского в развитии образования в Оренбургском крае. Именно его заботами и стараниями были открыты мужские гимназии в Оренбурге, Уральске и Троицке, мужское реальное училище, военная прогимназия и юнкерское училище в Оренбурге, женские гимназии в Оренбурге и Уральске, заложены прекрасные здания под 2-ю военную гимназию и 2-ю прогимназию, основано ремесленное училище, учреждены приют, семинария, открыты другие учебные заведения и, в каждом из них основано немало стипендий его имени, в том числе и для сирот.

Немало сделал генерал-губернатор и для улучшения образования в войсках Оренбургского округа, основав при полках и батальонах несколько библиотек, на которые им отпускались специальные средства.

Его супруга, Олимпиада Кирилловна, в 1869 году решила привести в исполнение мысль об учреждении в Оренбурге детского приюта и обратилась к городскому обществу с просьбой отвести под него приличный участок земли. Тринадцатого февраля 1869 года городское управление передало в дар будущему приюту довольно большую площадь в одной из лучших частей города. При этом, выражая своё сочувствие к горю Олимпиады Кирилловны по случаю смерти дочери, Ольги Николаевны, наименовало учреждаемый приют "Ольгинским".

Первоначальный капитал приюта составил из пожертвований местных золотопромышленников, купцов, служащих всех ведомств. Сбор пожертвований был настолько успешен, что весной 1871 года началась постройка приюта, а 11 июня 1873 года он был торжественно освящён и открыт.

Вскоре в приюте, кроме дневного пристанища, появилось и ночлежное отделение для круглых сирот с годовой платой по 50 рублей "на счёт благотворителей".

Одной из крупных заслуг Крыжановского было его ходатайство о проведении железной дороги от Самары до Оренбурга. Постройка дороги началась в 1871 году, а 22 октября 1876 года по Сакмарскому мосту прошёл пробный поезд.

Вот как оценивал один из современников это событие:

"Момент не только в истории нашего края, полтора столетия тому назад безмолвного и пустынного, но и в истории нашего общего общественного развития безусловно великий!

Отныне не меч уже, но блага европейской цивилизации пойдут в данную часть азиатского материка. При посредстве оренбургской дороги Европа подаёт теперь руку Азии и это величайшее событие! Отныне кладётся залог прочного экономического развития в наших степях, косневших доселе в мёртвом застое! Отныне единение инородцев наших будет происходить не силою оружия, а помощью просвещения, промышленности, торговли и

неизбежного сближения".

Многое делал Крыжановский и для изучения Оренбургского края. В 1881 году, на заседании местного отдела Географического общества генерал-губернатор произнёс блистательную речь о пользе исследований и предложил немедленно организовать четыре комиссии и каждой из них поручить составить описание: первой - по части географии края, второй - по части статистики, третьей - по природным богатствам, четвёртой - по истории края. В сборе данных оренбургский генерал-губернатор обещал учёным самое широкое административное содействие.

Историк П. Н. Столпянский, подводя итоги его деятельности, признавал: "Заслуги Н. А. Крыжановского перед городом более чем велики".

И это действительно так. Только следует добавить: и перед краем. Что было признано самими современниками Крыжановского. Например, в Уфе и Оренбурге Николай Андреевич Крыжановский был избран жителями почётным гражданином. Уральские казаки, собрав 24 тысячи подписей, исходатайствовали для Крыжановского зачисление его и его потомков в своё войско, а оренбургские казаки назвали именем Крыжановского один из посёлков в третьем военном отделе.

Но удержаться на вершине славы и всеобщей любви Крыжановскому не удалось. У него, как это нередко случается с порядочными и благородными людьми, попадающими во власть, образовались в столице слишком высокопоставленные недоброжелатели, да и в собственном окружении обнаружилось немало проходимцев и нечистых на руку чиновников.

В 1881 году сенатская ревизия раскрыла в Оренбургской и Уфимской губерниях крупные злоупотребления в раздаче башкирских земель. По результатам ревизии лица, непосредственно виновные в этом, были преданы суду, а Н. А. Крыжановский - "за недостаточность наблюдения за подчинёнными" - 30 марта 1881 года уволен от должности без прошения, а стало быть, и без пенсии. При этом ни его заслуги, ни энергия, ни интеллект не сыграли никакой роли - ведь к этому времени Александра II уже не было, на престол взошёл Александр III. А новая власть - это новые порядки и новые люди...

Следствием ревизии явилось также и упразднение Оренбургского генерал-губернаторства (12 июля 1881 года).

По словам генерал-майора И. В. Чернова, оренбургского летописца, мысль о раздаче земельных участков чиновникам, возникла не по инициативе Крыжановского. Несколько лет мера эта уже применялась в Западной Сибири - с той разницей, что там казённые земли, разделённые на мелкие участки, продавались чиновникам с торгов. Следуя примеру Сибири, предполагал пустить в продажу казённые оброчные участки А. П. Безак, но до дела ничего не успел довести, оставив исполнение замысла своему преемнику. Да и газеты, имея свой интерес, не переставали трубить о том, что казённые земли приносят мало дохода.

Таким образом, ходатайство Крыжановского о раздаче земель частным лицам было подготовлено самим временем и в его духе, а потому и поддержано...

Выйдя в отставку, Крыжановский поселился в Полтавской губернии, в небольшом родовом имении селе Матвеевка Золотоношского уезда. Средства, с которыми ему суждено было оставить службу, не давали ему возможности даже на лечение болезни. Однако многие тогда были убеждены, что у Крыжановского составлено колоссальное состояние. Действительно, в свое время ему было пожаловано шесть тысяч десятин земли в Уфимской губернии, с правом самому выбрать участок, но семейные обстоятельства вынудили его заложить эти земли, а по увольнении Крыжановского, из-за невозможности уплаты процентов в банке, имение было продано с торгов. Более того, у него собирались описать и личное имущество на покрытие двух с половиной тысяч, начтённых ревизором по бывшему управлению Оренбургской губернией. Тяжкое время пережил Крыжановский...

Для поддержания своего существования Николай Андреевич занялся литературными трудами. В 1884 году в "Русском вестнике" появился его роман "Дочь Алая-хана", а через два года, в "Исторических записках" - очерки "Севастополь и его защитники в 1855 году" и "Севастополь в ночь с 21 на 28 августа 1855 года". Готовился Крыжановский заняться и историей польского восстания, для чего приступил к изучению польского языка.

Постаревший, больной, материально нуждающийся, Николай Андреевич до самой последней минуты не падал духом, переносил своё положение с удивительным стоицизмом. Что придавало ему силы? Может быть, сознание того, что очень многое удалось сделать в этой жизни?

Скончался последний оренбургский генерал-губернатор 29 апреля 1888 года.

ОРЕНБУРГСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ И НАКАЗНЫЕ АТАМАНЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Михаил Иванович Астафьев

(1821-1884), оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ

в 1881-1884 годах

Николай Алексеевич Маслаковец
(1833-1908),

оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ в 1884-1891 годах

Владимир Иванович Ершов
(1844-1899),

оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ в 1892-1899 годах

Яков Федорович Барабаш
(1838-1910),

оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ в 1899-1906 годах

Фёдор Федорович фон Таубе, барон
(1857-1911),

оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ в 1906 году

Владимир Фёдорович Ожаровский
(1848-1911),

оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ в 1906-1911 годах

Николай Александрович Сухомлинов
(1850-?),

оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ в 1911-1915 годах

Владимир Викторович Сахаров
(1853-?),

оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ в 1915 году

Михаил Степанович Тюлин
(1862-1935),

оренбургский губернатор и наказной атаман ОКВ в 1915-1917 годах

Михаил Иванович АСТАФЬЕВ,

*оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в
1881-1884 годах*

Михаил Иванович Астафьев родился в Калужской губернии в 1821 году. Воспитание получил в дворянском полку. Первое место службы - 20-я артиллерийская бригада, первый чин - прапорщик.

В 1842 году поступил в Академию Генерального штаба, за преуспевание в науках произведён в подпоручики.

В январе 1845 года, после окончания Академии, молодой офицер получает назначение в отдельный Оренбургский корпус. Однако первое его пребывание в крае длилось недолго: в самом начале следующего года Михаил Астафьев был произведён в поручики и направлен на службу в отдельный Кавказский корпус в распоряжение командующего войсками в Северном и Нагорном Дагестане.

Здесь, на Кавказе жизнь Михаила Ивановича Астафьева в течение четырнадцати лет (с 1846 по 1859 год) представляла собой почти беспрестанные боевые действия против горцев под началом таких прославленных командующих, как князья Бебутов и Аргутинский-Долгоруков, граф Евдокимов, князь Орбелиани, генерал-майор Бриттер, покоритель Кавказа князь Барятинский. За героизм, мужество М. И. Астафьев был удостоен нескольких орденов и золотой шпаги с надписью "За храбрость", поднялся от поручика до полковника, начальника штаба войск лезгинской кордонной линии.

М. И. Астафьев

Служба М. И. Астафьева на Кавказе продолжалась и после 1859 года, но уже без боёв, без стычек с горцами. Он был и командиром Мингрельского гренадёрского Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Константиновича полка, и Эриванским военным губернатором, и начальником Управления государственными имуществами на Кавказе и за Кавказом, и членом совета главного управления начальника Кавказского, а в 1871 году и председателем комиссии по участию Кавказа на Московской политехнической выставке...

Двадцать восьмого октября 1876 года генерал-майор Астафьев по причине расстроенного здоровья подал в отставку и был уволен со службы с правом ношения мундира, однако 16 февраля 1878 года его возвращают на службу и назначают оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска (далее ОКВ. - Авт.).

Едва вступив в должность, М. И. Астафьев вынужден был спешно заняться снаряжением строевых частей ОКВ, мобилизованного на войну с Турцией. Тут на его долю выпало немало трудов, поскольку впервые за всё время своего существования войско обязано было выставить, помимо двух полков второй очереди, уже находившихся на фронте, ещё четыре полка той же очереди и три полка третьей очереди.

Между тем, обстановка в мире продолжала обостряться: Австрия сосредоточивала войска для вступления в Боснию, в Мраморном море появилась мощная английская эскадра, угрожая Черноморскому побережью России, оказавшемуся беззащитным в результате поражения в Крымской войне и запрещения России иметь на Чёрном море военный флот. Поэтому по призыву Императорского общества содействия русскому торговому мореходству в России повсеместно открылась подписка на приобретение быстроходных пароходов, которые в военное время можно было бы обратить в крейсера и таким обходным путём получить оружие для борьбы с Англией.

Шестого мая 1878 года "Оренбургские губернские ведомости" опубликовали обращение М. И. Астафьева к населению губернии:

"30 апреля открыт мною губернский комитет для сбора пожертвований на приобретение и вооружение судов добровольного флота. Доводя о сём до общего сведения, я имею честь покорнейше просить всех лиц, сочувствующих делу учреждения добровольного флота, посильные сердечные пожертвования свои направлять на моё имя. Всякий дар будет принят с глубокою признательностью, и о получении пожертвований напечатано в "Губернских ведомостях".

Далее указывалось, что пожертвования принимаются ежедневно в квартире его на Водяной улице.

На призыв откликнулись многие. Епископ Оренбургский и Уральский Митрофан пожертвовал 500 рублей, ахун Оренбургской Соборной караван-сарайской мечети Даутов - 125 рублей, артисты городского театра - 900 рублей. Купцы первой гильдии С. М. Иванов и А. Н. Захо собрали по подписке 2058 рублей, а оренбургский почётный гражданин П. М. Деев - 570 рублей, да ещё от себя добавил тысячу рублей.

Всего оренбуржцами было собрано 25873 рубля 42 копейки (по сведениям на 20 февраля 1879 года). Сумма значительная, если учесть, что фунт ржаного хлеба тогда стоил 1,2 копейки, фунт говядины 1 сорта - 6 копеек, а дом в Оренбурге с землёй и надворными постройками - 130 - 150 рублей.

В целом же по России подписка принесла более четырех миллионов рублей. На эти деньги были приобретены пароходы "Россия", "Москва", "Петербург" и "Нижний Новгород".

В сентябре-октябре 1878 года генерал-майор М. И. Астафьев исправлял должность оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками Оренбургского военного округа (вместо отсутствующего Н. А. Крыжановского), а в 1879 году за отличие по службе он был произведён в генерал-лейтенанты и удостоен высочайшего благоволения.

Весной того же 1879 года в Оренбурге случилось пять пожаров подряд, истребивших половину города.

Бедствие продолжалось три недели. Особенно велик был первый пожар, вспыхнувший 16 апреля. От него пострадали духовное училище, казённая палата, общественное собрание, одна мечеть, учительский институт, женские гимназия и прогимназия, городская дума и управа, окружной штаб, гостинный двор, городской общественный банк, Троицкая церковь, помещения общества взаимного кредита и государственного банка, богадельня, городская больница, Петропавловская церковь, военно-окружной суд и почти все гостиницы. Из горящих казённых зданий сильной бурей выдуло и унесло за город множество деловых бумаг и документов, часть из которых была потом найдена в 15 - 20 верстах от города по направлению к Сеитовскому посаду... Всего за три недели сгорело 1355 домов, 292 лавки с кладовыми, общий убыток составил 14510310 рублей.

В пользу погоревшего Оренбурга была объявлена всероссийская подписка. Александр II пожертвовал на самых неимущих 10 тысяч рублей, казна отпустила 150 тысяч, от частных жертвователей поступило 33 тысячи рублей.

Лицам войскового сословия, "потерпевшим разорение от пожара", по ходатайству наказного атамана было роздано 40 тысяч рублей - без процентов, с рассрочкой уплаты за десять лет. За израсходованием войскового пожарного капитала, недоставшего на выдачу вознаграждений за сгоревшие строения, было позаимствовано из войсковых сумм ещё 85 тысяч рублей. Все эти долги, доходившие до 440 тысяч рублей серебром, благодаря разумным мерам М. И. Астафьева быстро восполнялись.

В частности, по его предложению, содержание вольнонаёмной лесной стражи и местных команд было отнесено на сбор с казаков, признанных неспособными к строевой службе, но способных к труду. Сбор производился по раскладкам станичных обществ и составлял до восьми рублей с каждого казака. Таким образом, экономия войскового капитала доходила до 35 тысяч рублей в год.

Улучшило бюджет Оренбургского казачьего войска и введение в первом военном отделе, по распоряжению наказного атамана, значительного числа оброчных статей, давших прибавку войскового капитала в размере 14 тысяч рублей в год.

"Пожарный" 1879 год сменился неурожайным. И опять создавались различные комитеты, собирались пожертвования и деньгами, и съестными припасами. Семьям казаков, нуждающимся в хлебе, из общих войсковых сумм был выплачено до 312 тысяч рублей - с обязательством погасить долг в течение пяти лет.

Помощь голодающим стала возможной благодаря предусмотрительности наказного атамана и его настойчивости в составлении общественных хлебных запасов в станицах Оренбургского казачьего войска. На случай обеспечения в неурожайные годы войсковых семей, Астафьев принимал всевозможные меры к взысканию с жителей накопившегося за ними в прежнее время (и в весьма значительном количестве) долгового и недоимочного окладного хлеба. Таким образом, наличный хлебный запас в 1879 году возрос до 844 тысяч пудов.

Этот запас выручил казаков не только в 1880 году, но и в столь же неурожайные 1881 и 1882 годы. Несмотря на весьма значительные расходы хлеба (до 600 тысяч пудов в год), запасы его, при благоразумных мерах наказного атамана и без всякого обременения казачьего населения, достигли к 1884 году одного миллиона 25 тысяч пудов.

Михаил Иванович Астафьев ревностно заботился и об интересах городских жителей, и об устройстве мирного быта поселян. При первом объезде губернии для ревизии полицейских и сельских властей, губернатор обратил строгое внимание на поведение должностных сельских лиц, на законность их распоряжений, на состояние хлебных запасов и мирских сумм. Выяснилось, что во многих волостях ссуды из этих сумм выдаются без должного обеспечения и даже без соблюдения установленных формальностей. По возвращении Астафьев распорядился проверить все хлебные магазины, общественные и мирские суммы и строго следил за наведением в них порядка.

В эти три неурожайных года губернатор неукоснительно хлопотал об отпуске запасного хлеба и пострадавшим крестьянам, и башкирам, а по истощении хлебных запасов в губернии, ходатайствовал перед Министерством внутренних дел о денежной ссуде на приобретение хлеба "для продовольствия потерпевшим неурожай и обсеменения их полей". Наконец, вняв прошениям губернатора, министерство выделило на эти цели 700 тысяч рублей, за расходом которых был установлен строгий контроль. При этом крестьянские присутствия и уполномоченные обществом лица обязаны были следить, чтобы нуждающиеся получали только хлеб, а не деньги, как того особенно настойчиво требовали башкиры (они заявляли, что деньги нужны на чай, а одна башкирская семья рассчитывала женить сына).

С декабря 1878 года по сентябрь 1879 года и с декабря 1879 по февраль 1880 года Михаил Иванович Астафьев вновь исправлял должность командующего войсками Оренбургского военного округа, а после увольнения в отставку Н. А. Крыжановского (в марте 1881 года) и должность оренбургского генерал-губернатора.

Одиннадцатого июля 1881 года распоряжением правительства Оренбургское генерал-губернаторство было упразднено. На следующий день эта же участь постигла Оренбургский военный округ (он был подчинён Казанскому военному округу). Оренбург потерял своё прежнее стратегическое значение, свой прежний воинственный облик и вошёл в число заурядных губернских городов Российской Империи, а название

"Оренбургский край" превратилось в историческое понятие.

Вскоре после этих событий последовало утверждение М. И. Астафьева в должности оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска. На этом посту он продолжил просветительные начинания последнего оренбургского генерал-губернатора Н. А. Крыжановского.

Церковный хор из станицы Кардаиловской

При М. И. Астафьеве уездное училище в Оренбурге было в 1882 году преобразовано в городское трёхклассное с шестилетним курсом обучения (впоследствии первое высшее начальное училище), а в Орске в 1883 году открылось русско-киргизское училище.

Михаил Иванович состоял попечителем оренбургского Николаевского института благородных девиц и председателем этого института (с 30 сентября 1881 года), председателем комитета по построению соборного храма в Оренбурге, председателем губернского попечительства детских приютов. В 1884 году на средства, пожертвованные оренбургскими гражданами, он распорядился основать в приюте Св. Ольги две стипендии имени императора Александра II.

Много сил и времени отдавал наказной атаман распространению грамотности в казачьем войске: открывал школы, заводил библиотеки в станицах, устраивал в военных отделах съезды учителей... Видя со стороны атамана такое серьёзное отношение к учению, стало и население войска воспринимать школы всерьёз и с полным доверием. На содержание школ, на жалованье учителям казаки исправно выделяли все необходимые средства. В станицах появились новые просторные здания для школ, учащиеся одевались на общественный счёт в форменное платье, причём мальчики - в казачью форму и даже с деревянными шашками.

Соответственно было увеличено и число войсковых вакансий в Неплюевском кадетском корпусе.

Заботясь об устройстве мирного быта казаков, подчинённых в гражданском отношении губернатору и губернскому правлению, Астафьев предложил создать подробную инструкцию, своего рода руководство, определяющее действия станичных и поселковых властей и вносящее порядок и единообразие в работу станичных и поселковых учреждений (сходов, судов). При участии атамана такая инструкция была разработана, утверждена по журналу губернского правления (11 апреля 1883 года) и представлена на рассмотрение в Министерство внутренних дел, Военное министерство и Главное управление казачьих войск. Помимо перечисленного, в инструкции обозначались пределы власти должностных лиц, излагались правила для сбора, хранения и расходования войсковых денежных средств, описывался режим охраны общественных лесов и земель.

Михаил Иванович сумел установить правильный раздел выделенной казакам земли в соответствии с количеством душ в семьях, чем устранил всякие споры между зажиточными и бедными казаками, решительно прекращал самовольные распахки войсковых земель в новолинейном районе (в том числе и киргизами), но прибегал не к силе, а к административным мерам, в крайних случаях действуя через суд и возбуждая иски, следил за тем, чтобы все офицеры войска были наделены землей, благодаря вниманию атамана, свыше семисот офицеров, вдов и сирот получили потомственные наделы...

Деятельность Михаила Ивановича служила на пользу всем сословиям. Трудясь усердно и добросовестно, он требовал такого же отношения к выполнению обязанностей от всех и каждого, но прежде всего, конечно же, от своих подчинённых. По воспоминаниям современников, Астафьев всегда выслушивал от кого-нибудь из чиновников дневной основательный доклад. И благодарил докладчика, если видел, что работа проделана серьёзная, со знанием всех тонкостей дела.

Честность Михаила Ивановича Астафьева, его душевная прямота, стремление к справедливости вызывали глубокое уважение у всех, кто его знал или знакомился с ним в процессе работы. Когда в Оренбургской губернии распространились ложные слухи (пущенные, скорее всего, из Казани) о насильственном обращении мусульман в христианство, к губернатору толпами повалили встревоженные татары и башкиры. Больше месяца они ежедневно наполняли двор и приёмный зал губернаторского дома, и Астафьев день за днём с удивительным терпением и хладнокровием выслушивал нелепые, вздорные, часто грубые и агрессивные протесты, но ни разу даже не пригрозил применить силу, сам толкуя с ходоками об их заблуждениях и разъясняя, что в христианство нельзя обратить насильно. Его терпение и вдумчивое отношение к растерявшимся людям помогло, и волнение в губернии постепенно сошло на нет.

Весной и летом 1884 года Михаилу Ивановичу пришлось работать особенно много. Он вставал в шесть утра и занимался делами до позднего вечера, без необходимого отдыха после обеда. В этом усиленном труде, возможно, и кроется причина постигшего его апоплексического удара и последовавшей за ним девятого июня смерти. Тело М. И. Астафьева было выставлено для прощания в зале губернаторской квартиры и окружено роскошными цветами, ухаживать за которыми так любил покойный, признававшийся, что это - единственный его отдых после трудов.

День похорон, 11 июня 1884 года, явил собой пример всеобщего народного сочувствия к памяти Михаила Ивановича Астафьева. Погребён он был в склепе на кладбище женского монастыря близ главного храма.

Именем Астафьева был назван один из станичных посёлков второго военного отдела, существующий и ныне.

Николай Алексеевич МАСЛАКОВЕЦ, *оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1884-1891 годах*

Николай Алексеевич Маслаковец родился в 1833 году. Из дворян Черниговской губернии. Воспитание получил в Петровском Полтавском кадетском корпусе и дворянском полку. В военную службу вступил 17 июня 1854 года.

В 1857 году поручик Маслаковец выдерживает приёмные испытания и зачисляется в Академию Генерального штаба. После окончания её в 1859 году был произведён в штабс-капитаны и направлен в отдельный Оренбургский корпус.

В начале 1860 года Н. А. Маслаковец прибыл в Оренбург и, осмотревшись, занялся в свободное от службы время просветительской деятельностью среди офицеров местного гарнизона, значительная часть которых довольствовалась знаниями, полученными ещё в кадетских корпусах. Вскоре по инициативе Маслаковца (и при сочувственной поддержке корпусного обер-квартирмейстера полковника В. Д. Дандевиля) из офицеров, выпускников Академии Генерального штаба, составилась кружок, своего рода маленькая академия военных наук, и дело образования было поставлено на правильную основу. Сообща разработали учебную программу, распределили обязанности. Николай Алексеевич читал лекции по артиллерии, и как вспоминает один из его современников, с большим успехом.

Двадцать первого ноября 1862 года, вслед за Дандевилем, назначенным наказным атаманом Уральского казачьего войска, в Уральск отправился и Маслаковец - в качестве чиновника особых поручений при наказном атамане. Ясно, что тут за него похлопотал сам Дандевиль, ценивший молодого офицера и чрезвычайно ему доверявший.

Но служба Маслаковца в Уральском казачьем войске оказалась недолгой - в конце октября 1864 года поступил приказ, которым он зачислялся в комиссию по размежеванию земель в Донском войске, и Николай Алексеевич оставляет Оренбургский край.

Вероятно, и на новом месте было кому по достоинству оценить деловые качества офицера - 10 августа 1866 года Маслаковец назначается межевым ревизором в Донскую межевую комиссию, а 30 августа того же года производится в подполковники и награждается орденом Св. Станислава II степени.

В марте 1868 года Николай Алексеевич неожиданно покидает службу ("по домашним обстоятельствам"), но через полгода возвращается и поступает в распоряжение наказного атамана войска Донского...

Наверное, нет смысла перечислять должности, какие в разное время занимал этот честный труженик, скажем только, что к моменту назначения на пост оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска (12 августа 1884 года) Николай Алексеевич Маслаковец имел пятьдесят один год от роду, состоял в звании генерал-майора и был кавалером шести орденов: Св. Станислава I и II степеней, Св. Владимира II, III и IV степеней, Св. Анны I степени.

Годы правления Николая Алексеевича Маслаковца не назовёшь блестящими, полными ярких и значительных событий. Нет, шла тихая, будничная, но столь необходимая государству работа.

И сколько же, как потом оказалось, было сделано в этой созидательной тишине! Вот список, далеко не полный, что было открыто, основано, создано в крае за эти годы: 2 ноября 1884 года - Оренбургское отделение Волжско-Камского банка, 1885 год - Оренбургский отдел Императорского Российского общества садоводства, 9 мая того же года - отделение Крестьянского банка, 16 октября 1887 года - переселенческий дом, 1888 год - городская общественная библиотека и столовая для неимущих, 19 февраля того же года - Общество взаимного вспомоществования приказчиков, 3 сентября 1889 года - епархиальное женское училище (и переведена из Орска в Оренбург русско-киргизская учительская школа), январь 1891 года - дом неимущих, 9 марта того же года - мечеть и медресе при ней на Гостинодворской улице...

Н. А. Маслаковец

О двух событиях хотелось бы сказать особо. Сначала - об учреждении Оренбургской Учёной Архивной Комиссии, можно сказать, священной для каждого историка и краеведа, чье возникновение напрямую связано с Н. А. Маслаковцом.

После упразднения Оренбургского генерал-губернаторства в 1881 году, архивы его находились в крайне плачевном состоянии, их не знали куда деть и переносили из одного места в другое: сначала из здания контрольной палаты в казённую, затем в каменные лавки гостиного двора. В таких обстоятельствах архивные материалы терялись, расхищались, гибли. Наконец, по инициативе сенатора Калачёва, была образована особая комиссия для приведения в порядок бумаг архива и отпущено десять тысяч рублей. Однако деньги эти странным образом исчезли, и архив вновь очутился в случайном помещении, сваленный на полу кучами.

Н. А. Маслаковец, принявший близко к сердцу судьбу архива, живо откликнулся на предложение Императорского Археологического Института учредить в Оренбурге архивную комиссию. Девятого мая 1887 года комиссия была создана, и весь богатейший, уникальнейший архивный материал упразднённого генерал-губернаторства поступил в её распоряжение.

Маслаковец стал первым попечителем Оренбургской Учёной Архивной Комиссии (ОУАК). В течение нескольких лет её заседания проходили на его квартире и при его непосредственном руководстве, пока его же заботами комиссия не обзавелась постоянным помещением.

За эти труды и участие в судьбе Комиссии Н. А. Маслаковец был избран её почётным членом.

Другое событие - закладка кафедрального собора, судьба которого и ныне болью отзывается в сердцах оренбуржцев. Оно тоже произошло в годы правления Маслаковца и при его непосредственном участии.

Историк П. Н. Столпянский пишет, что по предварительным исчислениям на собор необходимо было около 700 тысяч рублей. Сумма эта была слишком значительная, и потому явилась мысль воспользоваться проектом, по которому был выстроен Нижегородский ярмарочный собор, обошедшийся в 454019 рублей. Благодаря любезности Нижегородского головы, оренбуржцы получили подробные сметы и чертежи нижегородского храма, но он оказался чересчур велик (вмещал 2300 человек).

Пока искали другой проект, прошло четыре года, и тут на помощь пришёл оренбургский губернатор, предложивший воспользоваться услугами жившего в Оренбурге академика архитектуры Ященко. Предложение было принято, и в мае 1885 года Ященко представил эскиз, а 23 января следующего года - проект постройки на сметную сумму в 213400 рублей.

Восьмого сентября 1886 года собор был торжественно заложен. В этот же день в зале городской думы состоялся общественный обед и организована подписка, принесшая свыше тридцати тысяч рублей.

Приезд цесаревича Николая Александровича в Оренбург.

Будущий император Николай II на балконе здания войскового хозяйственного правления (ныне улица Ленинская, дом 52а)

Единственное, так сказать, парадное и, вместе с тем, истинно радостное событие, случившееся при Н. А. Маслаковце, это состоявшийся 27 июля 1891 года торжественный въезд в город наследника и цесаревича Николая Александровича, возвращающегося из путешествия по Японии и Китаю и посетившего по пути Оренбург. Будущий император Николай II неоднократно выражал своё удовольствие губернатору Н. А. Маслаковцу при воспоминании о путешествии по Оренбургской губернии. Но эти приятные воспоминания не могли вознаградить Н. А. Маслаковца за те нравственные мучения, которые ему пришлось пережить за время своего губернаторства.

Во-первых, небывалое наводнение весной 1887 года. Вода доходила до менового двора, в городе было затоплено более восьмисот домов, многие жилища сметены и унесены водой.

Во-вторых, разразившийся в 1888 году сильнейший пожар, истребивший более двух тысяч домов. Множество людей с остатками уцелевшего скарба в течение нескольких дней укрывались от огня на Конно-Сенной площади близ христианских кладбищ. Император Александр III пожертвовал погорельцам двадцать пять тысяч рублей, ещё десять тысяч отпустила казна. Это была капля в море.

Но всего хуже был голод. Несколько неурожайных лет подряд обездолили население губернии, и забота о продовольствии тяжким бременем легла на Маслаковца. В 1891 году, ещё более жестоком, на средства от частной благотворительности удалось открыть несколько столовых, где кормились сотни и тысячи голодающих. Однако этих мер было совершенно недостаточно, и губернатор обратился за помощью к министру внутренних дел И. Н. Дурново. Маслаковец подробно описал положение и ходатайствовал об ассигновании на продовольствие крестьянского и казачьего населения Оренбургской губернии 7260000 рублей. При этом, наверное, он попытался выяснить (и, возможно, излишне настойчиво), насколько реально оказание такой помощи.

Прямота характера, которой отличался Николай Алексеевич, видимо, не понравилась столичным чиновникам. Через месяц после возбуждения этого ходатайства, оренбургскому губернатору было сделано предложение занять более спокойное место члена Совета военного министра. Маслаковец отказался и подал прошение об отставке.

Оренбургское общество глубоко опечалилось выходом в отставку своего губернатора. На прощальном обеде в его честь присутствующие собрали восемьсот рублей и передали их Николаю Алексеевичу "на дела благотворительности по его усмотрению".

Вспоминая о проводах Маслаковца, Н. С. Григорович^{*} писал:

"...Не могу забыть, как, не стесняясь, плакали ближайшие его сотрудники по принятию мер против

^{*} Николай Семёнович Григорович, статский советник, "непременный член губернского по воинской повинности присутствия".

народного бедствия, каким был голод 1891 года. Он ценил их неусыпные труды, заставлявшие засиживаться далеко за полночь, а они в свою очередь понимали, какого руководителя лишились в нём..."

Побыв в отставке и схоронив в 1894 году жену, Николай Алексеевич Маслаковец, не желая пребывать в одиночестве (детей он не имел), возвратился на службу и поступил в распоряжение военного министра с зачислением по Генеральному штабу.

Окончательно в отставку Маслаковец вышел 8 января 1906 года с производством в чин генерала от инфантерии. Одной из последних наград имел табакерку, украшенную бриллиантами и вензелем высочайшего имени, пожалованную 6 декабря 1899 года Николаем II.

Скончался Н. А. Маслаковец 7 февраля 1908 года. А 10 февраля "Оренбургская газета" писала:

"Сегодня в 11 часов утра в Георгиевском соборе по инициативе чинов войскового штаба и войскового хозяйственного управления была отслужена панихида по скончавшемуся генералу от инфантерии Н. А. Маслаковцу. По случаю смерти генерала Маслаковца городской управою сделано распоряжение по телеграфу о возложении на гроб покойного венка с надписью: "Достоуважаемому бывшему губернатору Николаю Алексеевичу Маслаковцу от Оренбургского городского общественного управления..."

Николай Алексеевич был истинно верующим человеком. За две недели до своей кончины он причастился и указал, где его похоронить (на Смоленском кладбище в Петербурге).

Оренбуржцам Н. А. Маслаковец запомнился как скромный и глубоко порядочный человек; его честность, прямой характер, твёрдые убеждения, а также исключительная образованность* вызывали симпатию в каждом, кто имел возможность узнать его ближе. Как губернатор он был терпелив, доступен, выслушивал каждого, независимо от общественного положения, и каждому старался помочь, прекрасно знал своих подчинённых - от высших должностных лиц до волостных старшин и станичных атаманов, помнил и ценил их заслуги.

Оренбургские казаки избрали Н. А. Маслаковца почётным казаком Нижнеозёрной станицы, его именем были названы село в Оренбургской губернии (ныне Чеботарёво, Саракташский район) и посёлок во втором военном отделе Оренбургского казачьего войска.

Владимир Иванович ЕРШОВ,

*оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в
1892-1899 годах*

Владимир Иванович Ершов родился в дворянской семье старинного московского рода 21 июля 1844 года. Окончил юридический факультет Берлинского университета с золотой медалью и, получив звание доктора юридических наук, неожиданно для всех в 1866 году поступил на службу в лейб-гвардии гусарский полк в чине унтер-офицера. Через год Владимир Ершов - корнет (первое офицерское звание в кавалерии), ещё через три года - поручик, а в двадцать восемь лет - штаб-ротмистр.

Служба проходила достаточно легко. В 1872 году В. И. Ершов был награждён орденом Св. Анны III степени и вскоре досрочно произведён в ротмистры. В 1876 году гусарского офицера отметили орденом Св. Станислава II степени и назначили флигель-адъютантом к императору Александру II.

За десять лет службы в полку Владимир Иванович исполнял должности казначея, квартирмейстера, адъютанта, заведующего хозяйством, председателя полкового суда. В марте 1877 года В. И. Ершов был произведён в полковники (в гвардии звание подполковника отсутствовало) и в августе того же года направлен с полком на театр военных действий русско-турецкой войны.

* Н. А. Маслаковец был автором нескольких исследований, в том числе: "Физическое и статистическое описание кочевых донских калмыков" (1872, 1874) и "Оренбургское казачье войско. Краткий исторический очерк постепенного образования Оренбургского казачьего войска и развитие форм военного и гражданского устройства" (1873).

В. И. Ершов

Лейб-гвардии гусарский полк, первым дивизионом которого командовал В. И. Ершов, входил в состав Западного отряда и участвовал во многих боях. За мужество и храбрость под Телишем (12 - 16 сентября 1878 года) полковник Ершов был награждён орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом, за переход через Балканы - орденом Св. Анны II степени с мечами (в 1878 году). В 1879 году награждён Румынским железным крестом.

С 5 мая 1881 года по 9 ноября 1882 года полковник Ершов - командир лейб-гусарского полка и одновременно с этим флигель-адъютант. С января 1884 года в течение шести лет (два срока по три года) занимал должность подольского (в городе Подольск Московской губернии) уездного предводителя дворянства, а с 1890 по 1892 год - московского губернского предводителя...

Двадцать первого января 1892 года генерал-майор Ершов был назначен оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска.

В управление губернией Владимир Иванович вступил в то время, когда во всём ощущались тяжёлые последствия памятного для восточной России неурожая 1891 года. Земледельческое население продолжало получать ссуды на продовольствие, но в них нуждались и городские жители, по крайней мере беднейшие слои. Закупленный же в других губерниях хлеб к пунктам назначения доставлен не был.

Ознакомившись с положением дел, Ершов распорядился, чтобы раздача хлебных ссуд производилась действительно нуждающимся и без обременения их непосильными долгами, а главное, чтобы семенное зерно было употреблено по назначению. Когда появилась надежда, что 1892 год будет, наконец, благоприятным для урожая, губернатор добился, чтобы возмещение хлебных ссуд, выданных в 1891 - 1892 годах, производилось не деньгами, а натурой, пуд за пуд. Что было, конечно, гораздо легче и удобнее для населения. В 1892 - 1893 годах в губернии было внесено на пополнение взятых ссуд 928165 пудов зерновых.

В 1892 году неурожай постиг некоторые центральные губернии, и Министерство внутренних дел уполномочило В. И. Ершова быть главным распорядителем по закупке в Оренбургской губернии хлеба для населения Тульской губернии. Всего им было приобретено и сдано для отправки 417615 пудов зерна - по минимальным ценам и хорошего качества.

Проанализировав свой короткий, но уже богатый опыт, губернатор пришёл к выводу, что главной причиной затруднений в обеспечении населения продовольствием является недостаток его местных запасов, и без всякого послабления начал требовать восполнения и пополнения этих запасов. Благодаря его настойчивости, наличность натуральных общественных запасов зерна, составлявшая на 1 января 1892 года всего около 268 четвертей, к 1 января 1899 года достигла 280337 четвертей (и это несмотря на то, что в последние два года правления Ершова случились недороды хлебов в Оренбургском, Орском и частично в Челябинском уездах, и из запасных магазинов пришлось выдать значительное количество зерна на продовольствие и семена). Кроме этого, в 1892 году близ железнодорожного вокзала была начата постройка элеватора, способного раз и навсегда решить проблему создания надёжного продовольственного запаса.

Первый год правления В. И. Ершова был отмечен ещё одним бедствием - эпидемией холеры. Несмотря на предупредительные меры санитарно-исполнительной комиссии, в одном только Оренбурге от холеры в том году умерло 1652 человека. Нехватка средств во всём сказывалась и здесь. Например, от московского благотворительного комитета на лечение больных поступило пять тысяч рублей, а истрачено было - на содержание врачей, больниц, дезинфекционного отряда, санитарного надзора, на усиление полиции, на содержание чайных, канцелярии, на гробы, могилы и прочее - без малого 36 тысяч рублей.

Когда эпидемия схлынула, Ершов призвал оренбуржцев к посильной жертве на учреждение приюта для детей, оставшихся без родителей, и сам подал пример щедрым пожертвованием.

"Предложенная подписка в один день достигла весьма значительной суммы, и полученные средства дали возможность открыть немедленно приют для детей", - свидетельствует современник.

Приют этот существовал в Оренбурге ещё долгие годы.

В 1893 году, когда в губернии наступили нормальные условия для хозяйственной жизни, началась поистине созидательная работа В. И. Ершова в области земской экономики. Прежде всего, губернатор обратил внимание на земскую кассу. Добиваясь, с одной стороны, разумной экономии, следя за тем, чтобы каждая копейка земского сбора шла на дело и приносила доход, он, с другой стороны, старался пополнить его всеми возможными мерами, для чего особое внимание обратил на взыскание платежей и недоимок. А за годы недородов и эпидемии долги по недоимкам составили внушительную сумму - свыше миллиона рублей.

Ершов сам просматривал недоимочные реестры и, щадя неокрепшие ещё силы большинства населения, жёстко требовал взыскания текущих платежей и недоимок с тех, кого не коснулись бедствия предшествовавших лет или кому высокие цены на хлеб 1891 - 1892 годов были более чем выгодны.

Губернатора можно понять: если прежде ведомства, учреждения и многие полезные начинания худо-бедно, а финансировались государством, то сейчас, при земстве, всё хозяйство края, вся, как теперь говорится, инфраструктура держалась лишь за счёт местных средств да налогов с населения, платёжеспособность которого была подорвана неурожаем и бескормицей. И сколько же требовалось ума, расчёта, даже изворотливости, чтобы свести в хозяйстве губернии концы с концами.

В результате, невзирая на задолженность многих сельских обществ и отдельных хозяев, губернский земский сбор в 1893 году был выполнен в полном объёме, а в последующие годы, из-за поступления прежних недоимок, и превышал его.

За семь лет правления В. И. Ершова бюджет губернии увеличился на 860 тысяч рублей (или в 21 раз), а сумма долгов сократилась на 230 тысяч (или в три раза). И это при том, что запланированные, внесённые в смету расходы выросли на 153 тысячи рублей в год. Кроме того, неоднократно возникала необходимость выделения крупных денежных средств, например, на устройство сельских больниц, на строительство новых или приобретение готовых зданий под них (60 тысяч рублей), на расширение губернской больницы (32 тысячи рублей), на изыскание грунтовых дорог первой очереди (40 тысяч рублей).

Кстати сказать, за эти семь лет число лечебниц на селе удвоилось, приёмных покоев стало двадцать (вместо восьми), а количество коек в больницах увеличилось почти в три раза. Для растущих медицинских учреждений требовались кадры, и Ершов находит возможность учредить пятнадцать стипендий для подготовки фельдшеров и фельдшеров-акушеров.

Успешно развивалась в Оренбургской губернии и ветеринарная служба, отнюдь не лишняя в степном крае.

В число приоритетных направлений своей деятельности В. И. Ершов включил и народное образование.

В 1893 году в Оренбурге были открыты одна мужская, две женские воскресные школы, основано общество вспомоществования беднейшим ученикам городских приходских училищ, в 1894 году появились реальное училище и второе городское трёхклассное училище, названное Владимирским... Больше средств (в два с половиной раза) отпускалось на содержание церковноприходских школ и школ грамотности, десять тысяч рублей выделили в 1897 году на постройку школ, свыше одиннадцати тысяч рублей ушло на пособия народным училищам (находящимся, между прочим, в ведении Министерства народного просвещения).

В. И. Ершов среди участников коронации Николая II (шестой слева в первом ряду)

За неустанные заботы по благоустройству губернии Владимир Иванович Ершов был награждён в 1895 году орденом Св. Анны I степени.

Являясь наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, генерал-майор Ершов принимал существенные меры к улучшению быта своих подчинённых, заботился о повышении боевой выучки, грамотности, мастерства. По его распоряжению в ряде станиц были устроены манежи для зимних занятий с молодыми казаками, а в казачьих школах введён обязательный предмет: ручной труд, и для поощрения этого начинания устроены выставки лучших работ учащихся. По ходатайству атамана в Верхнеуральском, Троицком и Челябинском городских училищах для подготовки учителей в станичные и поселковые школы были установлены войсковые стипендии, а при Верхнеуральской станичной школе открыт специальный педагогический класс; обсуждался вопрос о назначении учителям пенсий и единовременных пособий из войсковых сумм.

Казанско-Богородицкий кафедральный собор.

Освящён 19 октября 1895 года

Хлопотал Владимир Иванович и об учреждении в войске особой должности инспектора станичных школ, и об увеличении отпускаемых денежных сумм на организацию и проведение учительских съездов, и об обеспечении школ приемлемыми помещениями.

О хозяйственной деятельности в Оренбургском казачьем войске говорят такие факты: в 1892 году общественные магазины были практически пусты, а через семь лет в них хранилось свыше полутора миллионов пудов хлеба; были созданы запасы кормов для скота (в 1897 году, например, в закромах находилось более семи миллионов пудов сена); образованный по инициативе Ершова сельскохозяйственный оборотный капитал давал возможность снабжать казаков сельхозмашинами на льготных условиях.

Понимал атаман и то, что не только неурожаи являются бичом нашего края, но и пожары, поэтому под его наблюдением были приняты и внедрены в быт элементарные правила противопожарной безопасности, выписано более двухсот пожарных экипажей.

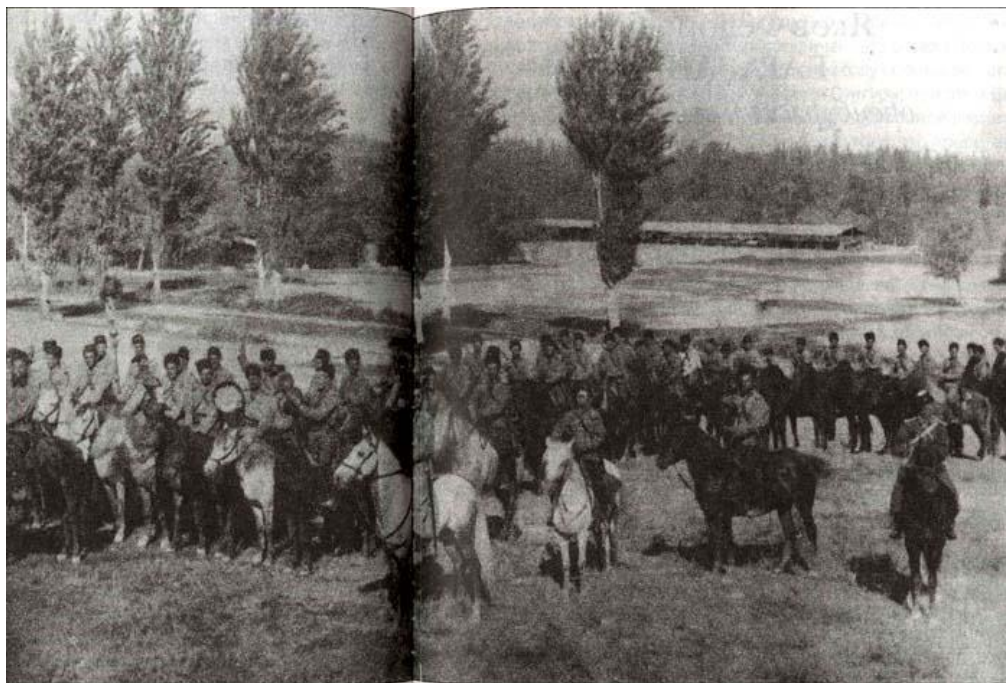
На годы правления Владимира Ивановича пришлось сложное и ответственное дело: перепись 1897 года. Но акция эта в Оренбургской губернии была проведена грамотно и в срок, свидетельством чему то обстоятельство, что из всех собранных здесь трёхсот с лишним тысяч переписных листов Центральный статистический комитет забраковал только тридцать два.

По подведении итогов переписи в 1898 году оренбургскому губернатору была объявлена высочайшая благодарность, а в мае 1899 года его отметили орденом Св. Владимира II степени.

К сожалению, 4 августа 1899 года, находясь в Берлине на лечении, Владимир Иванович скончался. Тело его было доставлено на родину и погребено на кладбище Донского монастыря в Москве.

В памяти своих подчинённых и сослуживцев оренбургский губернатор остался сердечным и отзывчивым начальником, в памяти близких - прекрасным семьянином, в истории Оренбургского края - человеком, соединившим в себе все лучшие качества светского воспитания с неуклонным следованием чувству долга и уважения к человеческой личности.

Глубоко религиозный, обладая редким умом, недюжинными способностями и блестящим образованием, Владимир Иванович Ершов по своей природной доброте снисходительно относился к слабостям других и не помнил зла, сделанного ему. Для него всегда было тяжело прибегать к мерам строгости, которые он, по своему положению, обязан был применять к лицам, допускавшим упущения по службе.

Сотня 5-го полка Оренбургского казачьего войска

В посёлках Янгельском и Прорывном, в станицах Пречистенской, Верхнеуральской и Буранной Владимир Иванович был удостоен звания почётного казака. А после 1895 года, когда началось освоение Уссурийского края, казаки-переселенцы наградили Ершова титулом: почётный старик Оренбургского посёлка Уссурийского казачьего войска.

В. И. Ершов был женат на дочери шталмейстера Елене Михайловне Леонтьевой и имел детей: Александра, Марию, Елизавету, Ивана. Сыновья учились в Пажеском корпусе.

Яков Фёдорович БАРАБАШ,

*оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в
1899-1906 годах*

Яков Фёдорович Барабаш родился 12 мая 1838 года в семье полтавских дворян. Учился в Александровском Брестском кадетском корпусе и по выходе из него поручиком в июне 1858 года был направлен в Ростовский гренадёрский полк (впоследствии 2-й гренадёрский Ростовский принца Фридриха Нидерландского).

В 1861 году Яков Барабаш перевёлся в лейб-гвардии Литовский полк, а в начале 1863 года, после успешной сдачи экзаменов, стал слушателем Академии Генерального штаба.

В 1865 году, по окончании курса наук, Барабаш назначается членом следственной комиссии при Варшавском военном округе, по возвращении из Польши служит в Киевском военном округе, в штабах 10-й и 6-й пехотных дивизий, 3-й гвардейской пехотной дивизии.

В 1871 году в военной судьбе Якова Фёдоровича происходит крутой перелом, и из западных, обжитых районов он перебрасывается на другой конец империи: сначала в Иркутск, на должность штаб-офицера для особых поручений при командующем войсками Восточно-Сибирского военного округа, а спустя полгода - в Ургу, где возглавляет отряд по охране русского консульства и защите русских торговых интересов в Северной Монголии.

В декабре 1872 года Я. Ф. Барабаш был назначен исполняющим дела начальника военно-

топографического отдела Восточно-Сибирского военного округа, и в том же году сам провёл статистические исследования в районе реки Сунгури; при этом Барабаш имел ещё одно задание: как можно тщательнее изучить оборонное устройство Маньчжурии и всего того, что представляет интерес в военном отношении. Возвращаясь в Иркутск, исследователь-разведчик проверил съемку, проводившуюся между рекой Буреей и Хинганским хребтом силами военно-топографического отдела Амурской области.

В 1875 году Барабаш (с 1874 года полковник) назначается начальником Иркутского юнкерского училища, затем начальником штаба войск Приморской области, а чуть позже в качестве комиссара русского правительства командировается в Японию, на Сахалин и Курильские острова для наблюдения за выполнением договора об обмене Южного Сахалина, принадлежащего Японии, на несколько русских островов Курильской гряды и для водворения гражданского и военного порядка на приобретаемых территориях.

В 1878 году, когда назревал разрыв отношений с Англией (после нашей победы в русско-турецкой войне 1877 - 1878 годов), полковник Барабаш, исполнявший в то время обязанности командующего войсками Приморской области, был поставлен во главе отрядов, расположенных в Николаевске, Софиевске и Де Кастри и предназначенных для обороны Тихоокеанского побережья России, а на следующий год командирован с экспедицией исследовать порты и бухты с целью отыскать среди них надёжное и во всех отношениях удобное пристанище для военных кораблей.

В 1882 году Барабаш вновь находится в Маньчжурии с военно-дипломатической миссией, знакомясь с важнейшими путями сообщения и китайскими пограничными укреплениями; в 1883 году составляет план обороны Владивостока с моря и суши, рассчитывает численность гарнизона, потребного для защиты города, проводит изыскания, связанные с предполагаемой прокладкой в Южно-Уссурийском крае железных дорог; в 1884 году назначается председателем комиссии по уточнению (совместно с китайской стороной) российско-китайской границы на Дальнем Востоке, а 24 июня того же года - военным губернатором и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска.

Я. Ф. Барабаш

Седьмого февраля 1888 года, во время командировки в Санкт-Петербург, генерал-майору Я. Ф. Барабашу был вручён приказ о его переводе на должность военного губернатора Тургайской области и командующего расположенными на её территории войсками.

За своё почти двенадцатилетнее губернаторство здесь Яков Фёдорович сделал много важных и полезных дел. В начале его правления в области существовало всего два маленьких города и два небольших поселения, а в конце правления - четыре города, три русские крестьянские волости, три отдельные сельские общины, при этом количество учебных заведений увеличилось почти в девять раз: в 1888 году их было одиннадцать, в 1899 году - 95. Заботами губернатора в степи возник новый тип школы - аульной (первая такая школа открылась 15 июня 1892 года). В городах Иргизе, Актюбинске, Кустанае появились библиотеки, были учреждены общества попечения о народном образовании в Кустанайском и Актюбинском уездах.

При Барабаше в Тургайской области была проведена врачебная реформа, организован постоянный ветеринарный надзор, строгим контролем за прогоном и провозом животных удалось совершенно искоренить чуму крупного рогатого скота. Были улучшены существующие пути сообщения, от Кустаная до Троицка проложили почтовый тракт, провели вдоль него телеграфную линию.

В 1891 году, по инициативе губернатора, начали выпускаться "Тургайские областные ведомости" (печатались в Оренбурге), а в 1895 году неофициальный раздел "Ведомостей" стал выходить как самостоятельное издание под названием "Тургайской газеты". Ныне каждый номер этих изданий бесценен - с точки зрения изучения региона в экономическом, этнографическом и историческом отношении.

Тяжёлым испытанием для населения области и её губернатора явилась зима 1891 - 1892 годов, много сил отняла и холера, занесённая в 1892 году в Актюбинский уезд...

Третьего октября 1899 года генерал-лейтенант Я. Ф. Барабаш был назначен оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска.

Как одно из самых значительных событий, имевших место в годы правления Барабаша, отмечает историк, краевед, автор замечательного "Путеводителя по городу Оренбургу" (1915) П. Д. Райский, проведение железной дороги от Оренбурга до Ташкента длиной 1900 вёрст. Разрешение на её строительство было получено в начале 1901 года, а 6 июня 1902 года по всему маршруту новой железной дороги уже прошёл первый поезд.

П. Д. Райский пишет:

"И как во времена давно минувшие двигались с востока на запад народы Азии, так ныне из внутренней России устремились в Азию русские переселенцы. Там, где ещё недавно на пространстве сотен верст нельзя было встретить живой души, в настоящее время выросли огромные поселения сельских хозяев и жизнь в пустынных киргизских степях стала заметно оживать. И вот только теперь, в начале 20-го столетия, вполне осуществилась мысль преобразователя России Петра Великого об открытии ключа и ворот в Среднюю Азию для "торговли и других сношений".

Железнодорожный мост через реку Урал

Переселенческая волна отчасти коснулась и Оренбурга. Город рос, на окраинах возникали новые улицы, строились церкви и мечети, открывались синагога, в старой части города вместо неприглядных лачуг появлялись фешенебельные особняки в стиле модерн и доходные дома в три-четыре этажа, бурно развивалось кооперативное движение, увеличивались торговля и банковские капиталы, набирала обороты общественная жизнь...

Двадцать восьмого января 1904 года очередное заседание оренбургской думы было прервано - в этот день поступила правительственная телеграмма с известием о нападении Японии на Россию. Седьмого февраля 1904 года последовал приказ о мобилизации Оренбургской льготной казачьей дивизии в составе четырёх полков. В казачьи станицы второго и третьего военных отделов Оренбургского казачьего войска выехали штаб-офицеры для подготовки призыва и развёртываний полков второй очереди.

В первые дни войны в народе царил возмущение действиями японских агрессоров, высок был патриотический дух. Среди писем и сообщений, поступивших к наказному атаману Барабашу, была и телеграмма такого содержания: "Бабы ревут, печи топятся, сухари сушатся!". А оренбургская казачка Анна Кожанова пожелала отправиться на войну с оружием в руках. Она подала прошение о зачислении её казаком в полк и обязалась отправиться на собственном коне, стоившем в то время около двухсот рублей. На сборах под Верхнеуральском Кожанова старательно училась и выглядела в строю не хуже казаков.

Благодаря заботам генерала Барабаша, мобилизация на русско-японскую войну прошла организованно, и в первых числах мая 1904 года воинские эшелоны отправились на Дальний Восток. Вместе с оренбургскими казаками на фронт ехали и десять сестёр милосердия (всего на русско-японской войне находилось 70 сестёр милосердия из Оренбургской губернии).

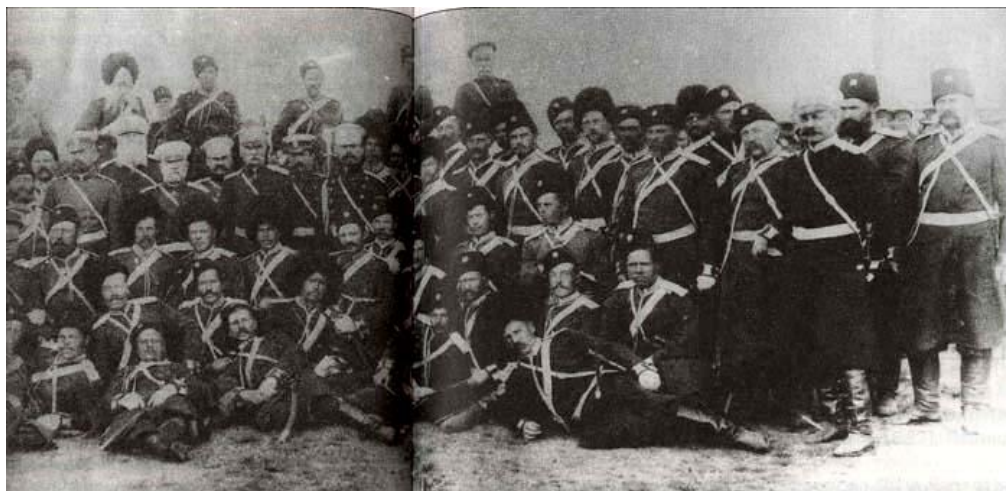
Однако вскоре стали приходить письма от фронтовиков с описанием "побед" армии. Падение Порт-Артура произвело на народ удручающее впечатление, стало расти недовольство правительством и существующим строем. О том, что война была не совсем популярна, свидетельствует тот факт, что число уклонившихся от призыва в 1904 году составило в губернии 414 человек.

В условиях войны активизировали работу комитеты РСДРП Оренбурга, Челябинска, Екатеринбурга. В октябре 1904 года на сорочинском базаре были разбросаны листовки Самарского комитета РСДРП "Опять мобилизация", в Бугуруслане 1 января 1905 года обнаружили прокламацию "Требуйте мира", а после событий в Москве 9 января 1905 года в Оренбурге уже на следующий день появились листовки местного комитета РСДРП

"Правда о войне" и другие.

В марте 1905 года началась стачка рабочих Главных железнодорожных мастерских и депо в Оренбурге, в мае бастовали железнодорожники Челябинска, оренбургские заводы Эверта и "Орлее", в июне объявили забастовку 340 ремонтников станции Оренбург, в июле - 500 рабочих Главных мастерских Ташкентской железной дороги, в августе в борьбу включились рабочие золотых приисков в Миассе... Всего за 1905 год в Оренбургской губернии прошло 26 забастовок и 13 митингов, маёвок и демонстраций.

В 1905 году начались массовые волнения и среди крестьян. Архивные документы свидетельствуют о многочисленных фактах сопротивления крестьян властям в Оренбургском и Орском Уездах.

Русско-японская война.

Офицеры 9-го и 10-го полков Оренбургского казачьего войска перед отправлением на фронт. Май 1904 года

В начале декабря революция в России переросла в вооружённое восстание. Пятнадцатого декабря была предпринята попытка поднять вооружённое восстание и в Оренбурге, но оно было быстро подавлено войсками.

Следует, однако, отметить, что события 1905-1907 годов протекали в Оренбурге без особого кровопролития, чему, возможно, способствовали либеральные взгляды губернатора Барабаша. Его лояльность, спокойствие и терпимость в дни очередного "народного замешательства" оценены всеми, кто находился в эти годы в Оренбурге.

"В то время, когда в других городах разыгрывались кошмарные действия, - писала "Оренбургская газета", - наш Оренбург, благодаря Якову Фёдоровичу Барабашу, остался вне всяких погромов и беспорядков. Яков Фёдорович сам появлялся среди толп демонстрантов и его убедительные увещевания, обращённые к бурно настроенным толпам, действовали всегда самым успокаивающим образом. Даже самые бурные элементы не могли не послушать его строго убедительных слов, и поэтому Оренбург избежал той вакханалии, которая царила в то время во многих городах России".

В должности оренбургского губернатора Я. Ф. Барабаш пребывал до 20 марта 1906 года, когда был произведён в генералы от инфантерии и назначен присутствующим в Сенат.

Знаменитый собиратель казачьих песен подъесаул Александр Мякутин об отъезде наказного атамана писал своему старшему товарищу по Оренбургской Учёной Архивной Комиссии начальнику штаба ОКВ барону Фёдору Фёдоровичу фон Таубе:

"Сегодня прочитал, что глубокоуважаемый войском наказной атаман Я. Ф. Барабаш покинул занимаемую должность, не считаете ли возможным для увековечивания памяти о нём и в знак благодарности испросить разрешение на посвящение III тома "Песни оренбургских казаков" ему. Мне хотелось бы посвятить III том генералу Барабашу и об этом я прошу Вашего совета, и, если находите это удобным и возможным, то и содействия в осуществлении этого..."

Русско-японская война. Вынос знамени из станичного правления перед отправкой казаков на фронт.

Через четыре с небольшим года "Оренбургская газета" сообщила, что генерал от инфантерии Яков Фёдорович Барабаш 19 октября 1910 года скончался в Швейцарии от болезни сердца.

На следующий день эта же газета поместила у себя некролог "Памяти Якова Фёдоровича Барабаша":

"...Всякому оренбуржцу знакомо это имя... Это был человек с чуткой, реагирующей на всё живой душой. Надо было видеть те, полные искренности, проводы, которые ему устраивали при его отъезде оренбуржцы, чтобы сказать: да, это был человек, любимый всеми, кто с ним соприкасался.

До сих пор в памяти у всех сохранилась одна его фраза, сказанная им на одном из прощальных обедов. Перед этим говорилось масса речей, тёплых слов, добрых пожеланий... кончили говорить и Яков Фёдорович на все эти выражения чувств сказал, что ему слишком много приписывают, что он "только человек и больше ничего!". Немного в этой фразе, но тогда она прозвучала как-то с особенной искренностью и таким пониманием "человека", что всеми почувствовалось что, в речах и обращениях к Якову Фёдоровичу не хватало именно этого определения".

Русско-японская война. Казаки в атаке

Яков Фёдорович Барабаш был женат на купчихе города Хабаровска Марии Ивановне Кузнецовой и имел четверых детей: Веру (1878), Якова (1880 - 1920), Марию (1882), Леонида (1894).

Старший сын оренбургского губернатора Яков Яковлевич Барабаш перед русско-японской войной в чине хорунжего был направлен в Забайкальское казачье войско и в составе его 2-го Аргунского полка участвовал в боевых действиях против японцев. Участвовал он и в первой мировой войне.

Во время гражданской войны Барабаш-младший воевал против красных и, попав в плен, был расстрелян в Красноярске в 1920 году...

Для более полной характеристики бывшего оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска Якова Фёдоровича Барабаша следует сказать, что в его семье воспитывался будущий казахский революционер Алиби Тогжанович Джангильдин (он был на четыре года моложе старшего сына Якова Фёдоровича). Джангильдин в 1903 году окончил Оренбургское духовное училище, потом учился в Казанской учительской семинарии, в Московской духовной академии (1903-1906). В семье Барабашей его (после крещения) звали Николаем Владимировичем Степных.

Фёдор Фёдорович фон ТАУБЕ,

оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1906 году

Фёдор Фёдорович фон Таубе родился 15 июня 1857 года. Барон, из дворян Лифляндской губернии. В 1875 году окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию, в 1877 году - 1-е военное Павловское училище (по первому разряду), из которого выпущен подпоручиком и 10 июля зачислен в 34-й пехотный Севский Его Императорского Величества наследника принца Австрийского полк.

Буквально через неделю вчерашний юнкер оказывается в действующей армии, в гуще сражений русско-турецкой войны. Восемнадцатого июля Фёдор Таубе участвует во взятии города-крепости Иени-Загра, 19 июля сражается в передовых частях с отрядом Реуфа-Паши у села Джуранли. В этом бою он получил ранение в плечо и тяжёлую контузию от осколка гранаты.

В госпитале Ф. Таубе вручают его первую боевую награду: орден Св. Станислава III степени с мечами и бантом. Потом у него в жизни будет много наград: восемь российских, семь иностранных, - но за пролитую кровь эта первая и единственная...

Девятого апреля 1878 года, не излечившись ещё окончательно, Ф. Ф. Таубе поступает в запасной батальон Измайловского полка, исполняет здесь дела батальонного казначея, квартирмейстера, делопроизводителя. По расформировании запасного батальона в сентябре 1878 года, Ф. Таубе перечисляют в Измайловский полк, затем на шесть месяцев командируют в канцелярию Военного министерства, а оттуда в распоряжение заведующего охраной Императорских Зимнего и загородных дворцов.

Осенью 1881 года подпоручик Ф. Ф. Таубе выдерживает приёмный экзамен в Академию Генерального штаба и, успешно пройдя курс наук, весной 1884 года направляется в штаб 39-й пехотной дивизии Кавказского военного округа, а чуть позже - в штаб 1-го Кавказского армейского корпуса.

В апреле 1885 года Ф. Ф. Таубе по состоянию здоровья вынужден подать в отставку, однако всего через месяц вновь восстанавливается на службе. В декабре он уже командует ротой 13-го лейб-гренадёрского Эриванского полка, а 30 августа 1887 года, после производства в подполковники, утверждается делопроизводителем канцелярии Военно-учёного комитета Генерального штаба.

С 12 сентября 1890 года служба Ф. Ф. Таубе приобретает дипломатический оттенок: сначала он назначается военным агентом в Бухарест и Белград, затем сопровождает египетских принцев Аббас-бея и Махмед-Али-бея, путешествующих по России, потом состоит при особе короля Сербии во время его пребывания в России, представляет на открытии французского памятника в румынском городе Констанце, избирается почётным гражданином городка Соко-Баня в Сербии, сопровождает румынского короля, посетившего Россию в июле 1898 года...

Наконец, дипломатический период в военной карьере Ф. Ф. Таубе заканчивается, и в июле 1899 года он, к тому времени уже полковник, поступает в распоряжение начальника Генерального штаба. Вскоре Таубе командует 148-м пехотным Каспийским полком, затем 2-й бригадой 37-й пехотной дивизии...

Десятого июня 1903 года барон фон Таубе был произведён в генерал-майоры и назначен начальником штаба Оренбургского казачьего войска. В то время оренбургским губернатором и наказным атаманом ОКВ был Я. Ф. Барабаш. В 1904 году, когда началась русско-японская война, им выпало вместе формировать казачьи полки, заниматься мобилизацией.

Ф. Ф. фон Таубе

Сложилось так, что в августе-сентябре 1905 года и в феврале-апреле 1906 года Ф. Ф. Таубе пришлось

замещать наказного атамана. Именно в эти месяцы генерал-майор Таубе избавил подьесаула А. И. Мякутина, собирателя песен оренбургских казаков, от привлечения к судебной ответственности. Мякутину, в те годы слушателю Санкт-Петербургской юридической Академии, вменялось в вину распространение "крамольных" писем, которые он и в самом деле посылал из столицы к казакам станицы Магнитной. Несколько подобных писем получил и сам Таубе, - речь в них шла в основном о переустройстве казачьего войска. Ф. Ф. Таубе, хорошо знавший Мякутина по совместной работе в Оренбургской Учёной Архивной Комиссии, не придавал особого значения вольнодумству молодого человека, но когда полиция взяла Мякутина под свой надзор как "потрясателя устоев", Таубе предпринял всё возможное, чтобы выручить подьесаула. В письме к Мякутину, датированном 8 апреля 1906 года, Ф. Ф. Таубе писал:

"...Я беру на себя очень тяжёлую ответственность, не давая дальнейшего движения официально возбуждённому против Вас делу и надеюсь, зная Вас лично, что Вы меня не подведёте дальнейшим вашим поведением... Разрешаю Вам ругать меня сколько угодно за то, что я не стеснялся в выражениях по Вашему адресу. Я это делаю потому, что люблю Вас и желаю вам не зла. Ваш старый друг Фёдор Таубе..."

Это письмо характеризует барона как глубоко порядочного, искреннего и мужественного человека. Ведь он, отводя беду от молодого офицера, рисковал очень многим...

В марте 1906 года, когда стало известно, что губернатора Я. Ф. Барабаша в самом ближайшем будущем ожидает новое назначение, по городу поползли слухи о его возможных преемниках. Одиннадцатого марта "Оренбургская газета" со слов петербургского вестника "Россия" сообщила читателям, что новым оренбургским губернатором станет генерал-майор Громчевский, исполнявший тогда обязанности астраханского губернатора и наказного атамана Астраханского казачьего войска.

Но слухи эти не подтвердились, и 9 апреля 1906 года на должность оренбургского губернатора и наказного атамана Оренбургского казачьего войска был назначен генерал-майор Ф. Ф. фон Таубе.

Для Фёдора Фёдоровича это назначение оказалось неожиданным и загадочным. И объяснить свое возвышение он мог только одним - успешной работой в Оренбургском казачьем войске:

"Возвышение - ...прямой результат патриотической деятельности войска во время минувшей мобилизации, когда каждый, начиная от генерала до простого казака, не щадя своих сил, готовился встать на защиту чести и славы России, и дружной работой создал без затруднений для правительства грозную силу - целую дивизию, а затем сформировал целых 6 полков третьей очереди".

В первых числах мая новый губернатор и наказной атаман ОКВ принял "представителей общественности" - депутатов от местных гражданских и военных учреждений Оренбургской губернии. В своём обращении к ним он сказал:

"Я рад вдвойне, что мне приходится работать в знакомом крае, в хорошо известной мне обстановке и с деятелями, на дружеское сотрудничество с которыми я надеюсь. Своей политической программы я не буду высказывать перед Оренбургскими губернаторами и наказными атаманами Оренбургского казачьего войска вами, потому что я второстепенное колесо государственной машины и творю лишь волю пославшего меня, укажу однако, что существенною задачею, выполнить которую предстоит мне, <является> ограждение свободы личности и свободы труда. Заявляю также, что двери моей квартиры открыты для них 24 часа в сутки, и никакой бумаги не будет стоять между мной и вами".

Позже своей целью он назовёт добросовестное исполнение служебного долга и призовет всех иметь такую же.

При Таубе в Оренбурге наконец-то была открыта биржа. Вопрос о ней ставился ещё Крыжановским в 1865 году, но тогда открытию помешали военные затруднения в Средней Азии. С 1881 по 1905 год, то есть в продолжение 25 лет, тема биржи не сходила с полос местных газет, необходимость её признавалась всеми, однако только лишь в 1905 году (22 мая) состоялось первое учредительное собрание биржевого общества. Ещё год потребовался на утверждение устава, и весной 1906 года биржа начала функционировать...

Барон Таубе оказывал действительную помощь Оренбургской Учёной Архивной Комиссии и был её действительным членом, именно ему обязаны мы изданием книги П. Н. Столпянского "Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города". И даже если бы Фёдор Фёдорович не сделал ничего другого полезного за шесть месяцев своего пребывания губернатором, одно его участие в судьбах П. Н. Столпянского, политических (социалистических) взглядов которого не разделял, и А. И. Мякутина, уже должно вызывать у нас уважение к этому человеку.

Но Фёдор Фёдорович сделал и ещё кое-что: не допустил пролития в Оренбурге большой крови во время революционных волнений 1905-1907 годов. А они здесь были, как и повсюду в стране, и основной деятельностью Таубе на посту оренбургского губернатора стало решение политических вопросов, предотвращение и усмирение открытых выступлений. В цехах Главных мастерских Ташкентской дороги постоянно дежурила сотня

вооружённых казаков 14-го полка Оренбургского казачьего войска, были значительно усилены гарнизоны Оренбурга, Челябинска, Бузулука, Верхнеуральска.

Казаки 13-го полка Оренбургского казачьего войска. 1906 год

Первого мая 1906 года состоялась однодневная политическая забастовка рабочих Главных мастерских, депо, заводов Эверта и "Орлес", паровых мельниц. К ним примкнули и работники мелких предприятий. В тот же день социал-демократы организовали маёвку и народные гулянья на горе Маяк. На разгон гуляющих и митингующих были посланы казаки. Некоторые ораторы за свои возмутительные речи подверглись задержанию и аресту.

Двадцать второго мая у стен оренбургской тюрьмы прошла демонстрация в поддержку политических узников (объявивших к тому же голодовку). Для недопущения демонстрантов на территорию тюрьмы стража вынуждена была открыть огонь. В толпе появились раненые, был убит рабочий Золотухин. На его похороны 25 мая собралось до шести тысяч человек.

Ситуацию в Оренбургской губернии усугубил и случившийся здесь в 1905-1906 годах недород, следствием чего явились нехватка продовольствия и дороговизна. Чтобы в таких сложных условиях управлять губернией и казачьим войском, начальник края должен был, помимо всего прочего, обладать ещё особыми качествами: качествами дипломата, политика. К счастью у Таубе нашлось и первое, и второе. Стань он только слепым исполнителем, требуй только "держатъ и не пушатъ", вряд ли удалось избежать вооружённых выступлений и в армейских частях, и в казачьих, и в городе, и в селе. Да и его жизнь могла в любой день оборваться - ведь убили же в эти годы трёх губернаторов соседних губерний: в Уфимской - Богдановича, Самарской - Блока, Симбирской - Старынкевича.

Но Таубе проявил тогда необходимую гибкость. Так, например, он разрешил проведение портными собрания для обсуждения вопроса условий труда, а когда в 14-м казачьем полку начались волнения, сам отправился в казармы и выяснил причины недовольства. Упрочению порядка способствовало и его распоряжение о порядке хранения, продаже и использовании огнестрельного оружия и припасов к нему.

Девятнадцатое октября 1906 года, годовщину освящения Казанско-Богородицкого кафедрального собора, можно считать днём восстановления в Оренбурге спокойствия и гражданского мира. Вот как описывает П. Д. Райский события этого дня:

"В этот день многочисленная толпа устроила по городским улицам шествие с красными флагами, вручёнными уличным мальчишкам, другая же не менее многочисленная толпа с иконами и портретом Государя Императора вмешалась в первую. Шествие остановилось на Соборной площади, куда потребована была обносимая по домам соборным причтом Табынская икона Богоматери для служения молебна. При появлении всеми чтимой святой иконы народ обнажил головы, наступила мёртвая тишина.

Из толпы выдвинулись человек двадцать любителей церковного пения, которые стройно и громогласно выкрикивали: "Пресвятая Богородица, спаси нас". В конце молебна, по возглашению дьякона, народ пал на колена, а священник во всеуслышание прочитал известную молитву за царя, военачальников, градоначальников, христоролюбивое воинство и всех православных христиан, затем провозглашено было царское многолетие, и почти весь народ грянул "Многая лета".

На соборной звоннице раздался звон колоколов, которому последовали и соседние колокольни церквей Петропавловской и Вознесенской. Народ потребовал дальнейшего шествия с чудотворной иконой и портретами Государя по Николаевской улице и городскому бульвару. Образовался крестный ход.

По мере дальнейшего движения толпа ещё более увеличилась, а красные флаги значительно уменьшились. Шествие сопровождалось всенародным пением "Спаси, Господи, люди твоя" и гимном "Боже, царя храни". По пути к бульвару совершены были молебствия против Вознесенской церкви, на Думской площади и у памятника Александру I против здания 2-го кадетского корпуса; затем крестный ход при колокольном звоне направился на "Толкучий рынок" к архиерейскому дому и Караван-Сараю - квартире оренбургского губернатора. Красные флаги мало-помалу совершенно исчезли, взволнованное обывательское море успокоилось, и жизнь Оренбурга вошла в обычную колею..."

Двадцать четвёртого октября губернатора вызвали в столицу, а спустя три недели Оренбург узнал, что барон фон Таубе назначен командиром отдельного корпуса жандармов.

По воспоминаниям генерала П. Г. Курлова, товарища министра внутренних дел, Ф. Ф. Таубе был рекомендован на этот пост М. И. Трусевичем, директором Департамента полиции, и именно по этой причине Таубе ничего не мог сделать против неблагополучной системы, творцом которой являлся сам Трусевич: он был как бы хозяином в корпусе и имел громадное влияние на участь его офицеров.

В феврале 1909 года должность командира корпуса жандармов совместили с должностью товарища министра внутренних дел, и генерал-лейтенант фон Таубе был назначен наказным атаманом Донского казачьего войска.

Через два года, 23 февраля 1911 года, Фёдор Фёдорович Таубе умер в Новочеркасске от заражения крови.

Ф. Ф. фон Таубе был женат на княжне Александре Александровне Руссевой. Детей не имел.

Владимир Фёдорович ОЖАРОВСКИЙ,

*оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в
1906-1911 годах*

Владимир Фёдорович Ожаровский родился 23 июня 1848 года в Санкт-Петербургской губернии. Потомственный дворянин. Образование получил во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии и в 1-м военном Павловском училище.

По окончании полного курса наук в 1866 году Владимир Ожаровский был зачислен подпоручиком в 64-й пехотный Казанский Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полк с прикомандированием к лейб-гвардии Волынскому полку, но в декабре следующего года он переводится в лейб-гвардии Финляндский полк прапорщиком.

В феврале 1872 года за отличие по службе Владимир Ожаровский был произведён в поручики, и с этого дня военная судьба его неуклонно идёт в гору. Но служба лейб-гвардейского офицера проходила не на столичных паркетах, а в самых отдалённых уголках Российской империи. В 1883 году подполковник Ожаровский - командир 1-го пешего батальона Забайкальского казачьего войска, в 1885 - уже полковник, командир 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона, в 1888 - исполняющий обязанности коменданта Хабаровска и начальник хабаровского военного полугоспиталя, а в 1890 - командир 71-го, пехотного резервного батальона, в 1891 - командир 38-го пехотного Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича полка, в 1896 - исполняющий обязанности командира 1-й бригады 10-й пехотной дивизии, в 1899 - генерал-майор, командир 1-й бригады 6-й пехотной дивизии, в 1903 году - начальник 58-й резервной бригады.

Начало русско-японской войны В. Ф. Ожаровский встретил командующим 44-й пехотной дивизии, и вместе с ней, в составе 3-й Маньчжурской армии, принимал участие в боевых действиях против неприятеля.

В 1906 году "за отлично-усердную службу и труды, понесённые во время военных действий", Ожаровский был награждён орденом Св. Анны I степени и произведён в генерал-лейтенанты, а 14 декабря того же года назначен оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска.

Первая проблема, которую ему пришлось решать сразу же по вступлении в должность, была проблема надвигающегося голода.

Подводя итоги минувшего 1906 года, "Оренбургская газета" писала:

"...В 86 сёлах уезда (Оренбургского. - Авт.) собрано по 2 пуда с десятины, в 42 - по 4 пуда, в 36 - по 6 пудов, в 2 по 7, в 3 по 10 и 1 селении - 8 пудов. То есть, из 211 селений только в 3-х (1,43%) вернули посеянные семена, в других не собрали посеянного (обычно нужно на десяти ну 9-10 пудов). Число безлошадных увеличилось от 10 до 20%, а с одной лошадей от 25 до 40%. 190 тысяч крестьян голодали".

Вникнув в положение дел, Ожаровский распорядился о выдаче нуждающимся продовольствия и семян из общественных хлебозапасных магазинов (всего в течение 1907 года было ссужено более полутора миллионов пудов хлеба).

На помощь голодающим пришли оренбургский отдел Российского Красного Креста, представительство "Трудовой помощи", Союз пастырей и сам Оренбург в лице городских благотворительных организаций. К 25 марта 1907 года было открыто тридцать столовых при училищах, в которых питалось 1718 учащихся. Отпускали бесплатные обеды и городские столовые.

Красный Крест выделил Оренбургу тысячу рублей, Орску триста, Илецку сто рублей на питание голодающим, содержал столовые в 120 сёлах, где было зарегистрировано 503 тысячи едоков (на содержание этих столовых с 1 марта по 1 сентября 1907 года было израсходовано 40114 рублей 74 копейки).

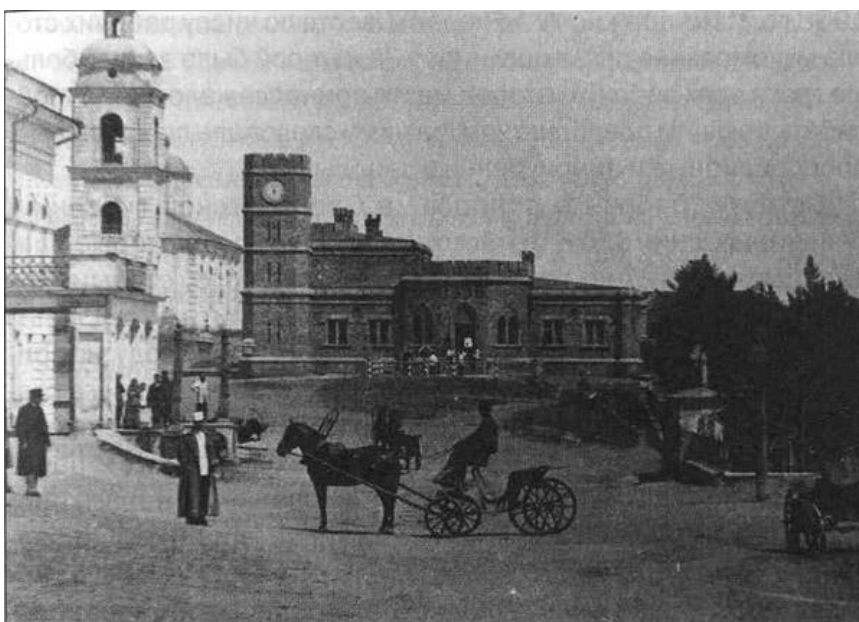

В. Ф. Ожаровский

Средства на бесплатное питание населения выделяли Вольно-экономическое общество, московский комитет общественной помощи голодающим, общеземская организация, центральный комитет врачебной и продовольственной помощи, московское городское общество, Самарский комитет общественной помощи, комитет при Дирекции народных училищ. Поступали пожертвования и от частных лиц.

В 1907 году политическое затишье в губернии было нарушено: в феврале убили эконома духовной семинарии в Оренбурге, в августе экспроприировали жалование у служащих учреждений Министерства земледелия и госимущества. Экспроприация переселенческих денег произошла и в Челябинском уезде, там же был разгромлен ряд винных лавок.

На следующий год ситуация обострилась. Первого мая 1908 года состоялись однодневные политические забастовки рабочих Главных мастерских и завода Эверта, торговых служащих. К этому дню в подпольной типографии напечатали, а затем распространили соответствующие листовки. Была организована маёвка в Сакмарском лесу, участвовало более двухсот рабочих. Казаки и полиция, окружив собравшихся арестовали почти половину из них, отняли красное знамя с надписью "Да здравствует 1 Мая и 8-часовой рабочий день!"

Оренбург. Гауптвахта

Шестого сентября полиция обнаружила подкоп под зданием бани Беловской политической тюрьмы, в

камерах которой находились руководители городского комитета РСДРП С. М. Тамаров, П. И. Тарасов, М. Н. Дегтярёв и другие. В подземном тоннеле, прорытом для побега заключённых, арестовали революционера И. Н. Ивина. Спустя несколько дней последовали новые аресты социал-демократов.

Однако, как писал историк П. Н. Столпянский ещё в 1906 году, "оренбургская действительность представляла мало шансов для рабочего вопроса", поскольку промышленность в губернии была развита очень слабо. Практически ничего не изменилось и в 1908 году. По-прежнему на первом месте по числу рабочих стояла мукомольная промышленность, в которой было занято больше трети всех рабочих; второе место принадлежало металлообрабатывающим предприятиям, за ними следовали лесопильные, просообдирные и винокуренные заводы.

Остроту "рабочего вопроса" в Оренбургской губернии, бесспорно, снимало и то обстоятельство, что некоторые владельцы, по мнению того же П. Н. Столпянского, стремились "прийти на помощь рабочим", то есть облегчить и труд, и его условия, и положение самих работников. В 1908 году, например, на рудниках и промыслах Миасского горного округа стали применяться паровые машины; общество Кочкарских золотых приисков организовало для своих служащих и рабочих общество потребителей, доставлявшее им товары и продовольствие по минимальным ценам; Екатеринбургский золотой прииск проводил еженедельные базары, сборы от которых поступали в пользу общества народного образования, а оно, в свою очередь, устраивало для рабочих чтения, спектакли и даже "приобрело кинематограф, демонстрирующий картины в праздничные дни".

Но "борьба" губернатора Ожаровского с инициаторами революционных выступлений была в его деятельности лишь эпизодом. В 1908 году его усилия были вновь, как и в 1907, направлены на борьбу с голодом.

Обстановку того времени передаёт заметка в "Оренбургской газете" за 2 января 1908 года под названием "Снова неурожай, снова голод":

"...В башкирском селе Алфёрове башкиры питаются лебедой, причём у 35 семей нет и лебеды, так что староста разделил их по избам 3-х счастливых, у которых хотя бы сохранилась лебеда. В Дмитриевской волости голодает 21 тысяча человек, в остальных волостях злополучного Оренбургского уезда голодают 14 тысяч 280 человек".

В связи с усиливающимся голодом, Ожаровский через газету обратился ко всем жителям губернии с призывом о помощи (обращение так и называлось: "Помогите", и печаталось в февральских номерах "Оренбургской газеты" за 1908 год). Вот что писал Ожаровский:

"Объезжая селения трёх волостей Оренбургского уезда, который больше всего пострадал от недорода,... и проверяя лично по возможности на местах размеры и степень нужды населения в продовольствии, я убедился, что продовольственные нужды особо сильны там, потому, что недород наблюдается третий год подряд и поэтому запасов почти нет, скот частью распродан и население разорено. Часть населения этих районов питается невозможным хлебом с примесью лебеды, но скоро и этого хлеба не хватит во многих местах. Вследствие недорода и продажи скота отсутствует кизяк, голодные ютятся в нетопленых помещениях. Бедствие усугубляется тем, что в деревне нет никаких заработков, а цены на хлеб очень высокие.

Нужна частная благотворительность: необходим прилив средств. Помните, что на 5-6 рублей можно покормить 100 голодных в день.

Призываю всех добрых людей, проживающих в городах и уездах Оренбургской губернии, откликнуться на мой призыв и явиться на помощь".

По приказанию Ожаровского, Главное управление землеустройства и земледелия выдало голодающим пять тысяч пудов муки сверх нормы в счёт ссуд на хозяйственное устройство, а супруга губернатора, Александра Фёдоровна, организовала благотворительный концерт. По мнению одной из оренбургских газет, концерт в "материальном отношении можно назвать вполне удавшимся, театр был полон".

Убедившись, что неурожая не избежать, В. Ф. Ожаровский строго следил за тем, чтобы продовольственные запасы и капиталы постоянно пополнялись, и статистические данные тех лет показывают, что губернатору этого удалось добиться. Так, на 1 января 1910 года запасы губернии составляли: хлеба озимого и ярового - 1837020 пудов 22 фунта, капитала - 771197 рублей 15 копеек. Именно эти, сделанные загодя запасы, во многом способствовали тому, что новый, разразившийся летом того же 1910 года неурожай, хотя и сказался неблагоприятно на многих отраслях промышленности, однако катастрофических последствий для губернии не имел.

К сожалению, в 1910 году на оренбуржцев, помимо неурожая, обрушилось ещё одно бедствие: эпидемия холеры. Эпидемия вызвала отток иногородней рабочей силы и, как следствие, значительный спад промышленного производства. Например, кирпичные заводы практически полностью остановились, так как здесь работали, в основном, прибывшие на заработки из других губерний, преимущественно из Пензенской и Симбирской, и они, чтобы уберечься от "поветрия", просто-напросто покинули свои рабочие места.

Но эпидемия, благодаря разумным действиям губернатора, была остановлена довольно быстро.

За четыре с половиной года своего правления, Ожаровскому удалось добиться улучшения результатов во

всех сферах деятельности. В сельском хозяйстве успешно развивалось скотоводство. В 1910 году на каждую сотню жителей (население губернии составляло 2120883 человека) приходилось в среднем 182 головы скота, в том числе: лошадей - 45, крупного рогатого скота - 52, овец - 57 голов.

Увеличилась добыча золота в Миасском горном округе. В 1910 году его добыли 190 пудов 34 фунта, что на 24,72 процента больше, чем в 1909 году.

Особенно большие и заметные перемены произошли в сфере народного просвещения. В одном только 1907 году в губернии было открыто 82 новых учебных заведения, оренбургская дума подняла вопрос о введении в городе всеобщего образования. Местная женская прогимназия была преобразована в полную гимназию, было открыто третье городское четырёхклассное училище, еврейская приготовительная школа для детей обоего пола, бесплатная телеграфная школа, рисовальные курсы художника Розанова. В воскресную школу обратилось свыше 400 человек, но могли быть приняты лишь 360.

В 1909 году по инициативе губернатора учреждена была Оренбургская низшая сельскохозяйственная школа 1-го разряда, призванная готовить "сведущих и умелых исполнителей" по сельскому хозяйству вообще и по отраслям в частности: по садоводству, огородничеству и пчеловодству, а также по ремёслам: кузнечно-слесарному, плотнично-столярному и шорному.

Казачата

В 1910 году число церковно-приходских школ в губернии уменьшилось, но появились новые учебные заведения: три городских училища, девять сельских начальных училищ, два русско-татарских училища, пять казачьих школ, два железнодорожных училища.

Двадцать восьмого марта 1910 года "Оренбургская газета" опубликовала "благодарность генералу Ожаровскому от казачат Нижнеозёрной станицы" за полученные книги. История здесь такая: чтобы восполнить нехватку книг в школах, Владимир Фёдорович на собственные средства издал свой портрет, и вырученные от его продажи деньги передал на покупку и рассылку книг... В письме к губернатору дети писали:

"В возврат за полученные книги нижеозёрнинские казачата, как мальчики, так и девочки от всей души и маленьких сердчишек своих шлют Вашему Превосходительству искреннюю и сердечную благодарность за предоставленную им Вашим Превосходительством возможность, в свободное от уроков и домашней работы время, почитать какую-нибудь чудесную волшебную сказку, или ознакомиться с жизнью других людей и животных. Крошки-новички и подростки 3-го отделения все искренне желают Вашему Превосходительству всего наилучшего и в особенности всего того, чего Вы сами себе желаете. Как выразители детских чувств и впечатлений, учитель, старший урядник П. Карцев и учительница Залусская".

В культуре и науке также происходили обнадёживающие изменения. Свидетельством роста общественного самосознания служило появление новых печатных изданий. В 1907 году стали выходить "Оренбургский вестник", "Степной край", "Железнодорожная заря", "Зауралье" (в Троицке), "Голос Приуралья", "Приуралье", "Приуральский голос" (в Челябинске), "Еженедельник труда", "Наш путь" и другие.

Второго августа 1910 года в Оренбурге был основан отдел Императорского Всероссийского аэроклуба.

В 1911 году Оренбургская Учёная Архивная Комиссия, соединившись силами и средствами с Императорским Российским Географическим обществом, предприняла всё необходимое для постройки в губернском центре музея Оренбургского края, в просторных помещениях которого разместился бы и

исторический архив. Проект замыслился грандиозный, сметная стоимость приближалась к 150 тысячам рублей. Городская дума отвела под будущее здание хорошее место в 700 кв. сажен в сквере на Кадетской площади, начался сбор пожертвований. Наиболее крупное пособие на первых порах сделал Торговый дом "И. А. Зарынов с сыновьями", внесший в кассу строительной комиссии тысячу рублей. Сто рублей пожертвовал Феодосии, епископ оренбургский и тургайский.

Туркестан

Пожертвования на постройку музея продолжались и при оренбургском губернаторе Н. А. Сухомлинове.

Деятельность В. Ф. Ожаровского в качестве наказного атамана была плодотворной: в апреле 1910 года группе генералов и офицеров Оренбургского казачьего войска были вручены бухарские награды. Атаману эмир бухарский пожаловал высший орден ханства - Тадж. Фирман о награждении гласил:

"Ввиду уз дружбы и согласия, связывающих Бухару с могущественным Российско-Императорским правительством на благо и спокойствие народов, пожаловали мы Оренбургскому губернатору и наказному атаману генерал-лейтенанту Ожаровскому бухарский орден Тадж, дабы он украсив им грудь свою, пребывал к нам доброжелательным. Эмир Сеид Абдул Ахад. 1303 год." (восточное летоисчисление. - Авт.).

Орден представлял собой золотую звезду, украшенную крупными бриллиантами большой цены при синей ленте с белыми полосами по кайме. При скрещении концов ленты имелся крупный золотой, покрытый эмалью знак с пряжкой, также украшенный бриллиантами.

Кроме ордена, атаману была пожалована и большая юбилейная звезда.

Факт такого награждения позволяет предположить и об активной "международной" деятельности В. Ф. Ожаровского. Кстати, это была вторая его бухарская награда: первый раз эмир бухарский наградил его в 1908 году орденом Золотой звезды с бриллиантами.

В том же году из состава двух полков 61-й пехотной резервной бригады (241-го пехотного Орского и 242-го пехотного Беляевского полков) были развёрнуты 191-й пехотный Ларго-Кагульский и 192-й пехотный Рымникский полки. В Оренбурге разместился и 24-й мортирный артиллерийский дивизион.

Наказной атаман Ожаровский был удостоен звания почётного казака в посёлках Смелый Магнитной станицы, Варнинский Велико-Петровской станицы, Мертвецовский Богуславской станицы (впоследствии Угольной), в станице Магнитной.

Назначался оренбургский губернатор и почётным мировым судьёй по Оренбургскому уезду (с 1 апреля 1909 года), но до конца трёхлетнего срока не дожил: 26 мая 1911 года В. Ф. Ожаровский выехал для лечения за границу и там скончался.

Первого сентября 1911 года газета "Верхнеуральский листок" сообщила:

"23 августа в 1 час 20 минут дня в Варшаве скончался от атеросклероза Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска, генерал-лейтенант В. Ф. Ожаровский".

В статье указывалось, что перед смертью оренбургский губернатор выразил желание быть погребённым в Варшаве, где в то время стоял лейб-гвардии Волынский полк, в котором он когда-то начинал свою службу.

Последняя воля покойного была выполнена: он похоронен на Вольском православном кладбище близ Варшавы.

Владимир Фёдорович Ожаровский был женат на вдове священника Дебрсакого Александре Фёдоровне, уроженке Оренбургской губернии. Имел детей: от первого брака жены - Александру (1879), Ольгу (1881), Римму (1883) и родных - Фёдора (1889), Михаила (1890) и Сергея (1893).

Последняя запись в послужной список Владимира Фёдоровича Ожаровского была внесена уже после смерти:

"Высочайшим приказом по военному ведомству, состоявшемуся 4 сентября 1911 года, исключен из чинов

по казачьим войскам и произведён в чин генерала от инфантерии".

Николай Александрович СУХОМЛИНОВ,
*оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в
1911-1915 годах*

Николай Александрович Сухомлинов родился 27 июля 1850 года на Волыни. Потомственный дворянин. Образование получил в 1-м Петербургском кадетском корпусе и Николаевском кавалерийском училище, по выходе из которого в июле 1868 года зачислен корнетом в лейб-гвардии уланский Его Величества полк.

В августе 1872 года Николай Сухомлинов произведён в поручики с утверждением в должности заведующего учебной командой полка, а ровно через год получил свою первую награду: орден Св. Станислава III степени.

Во время русско-турецкой войны 1877 - 1878 годов находился в действующей армии. Участвовал в сражении при горном Дубняке, во взятии Телишских укреплений, городов Филиппополя, Татар-Базарджика, Сан-Стефано, совершил переход через Балканы.

После окончания войны Сухомлинов возвращается в Россию и назначается членом офицерского суда своего лейб-гвардейского уланского полка, затем заведует полковым оружием, в 1881 году производится в ротмистры.

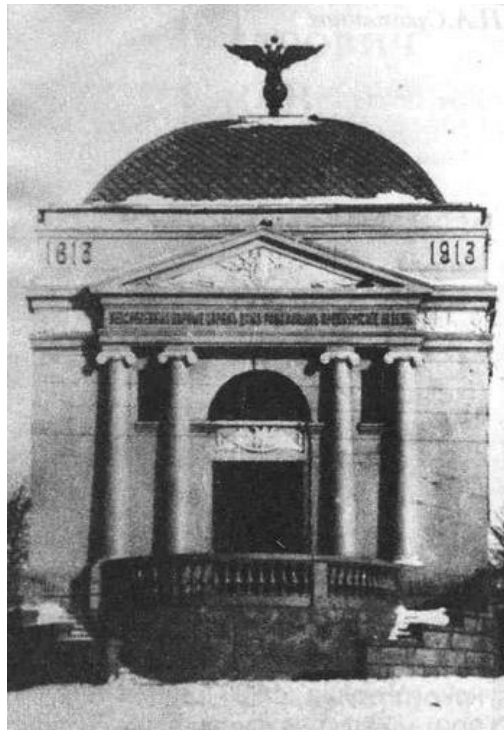
Дальнейшая служба протекает ровно, без сбоев и по восходящей: командир эскадрона улан (1884), командир эскадрона Николаевского кавалерийского училища (1890), командир драгунского полка (1897), командир кавалерийской бригады (1903), начальник кавалерийской дивизии (1909).

Н. А. Сухомлинов

Четвёртого сентября 1911 года генерал-лейтенант Сухомлинов был назначен оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска. Прибыл в Оренбург и вступил в должность 8 октября 1911 года.

При новом губернаторе авторитет Оренбургского казачьего войска поднялся на небывалую до того высоту. С 16 февраля 1912 года в нём стал числиться великий князь Константин Константинович, в том же году 23 сентября соизволением императора Николая II войску было присвоено старшинство с 1574 года, со времени постройки воеводой Иваном Нагим детинца (острожка) Уфы, в состав гарнизона которого входили и уфимские казаки, "большая часть коих в 1742 году была переселена в город Оренбург и впоследствии вошла в состав Оренбургского казачьего войска".

Знаменная изба

Тогда же утвердили нагрудный знак оренбургского казака, нескольким полкам присвоили имена наиболее чтимых в войске атаманов и военачальников (Нагого, Могутова, Углицкого, Подурова), другие стали именоваться по названиям тех исторических мест, с которыми было связано становление Оренбургского казачьего войска (так, например, 3-й полк стал Уфимско-Самарским, 6-й - Исетско-Ставропольским). Двадцать второго сентября 1913 года в ознаменование трёхсотлетия царствования Дома Романовых в садике на Войсковой площади была устроена Знаменная изба, впоследствии музей Оренбургского казачьего войска.

Способствовало возвышению авторитета войска и то, что как раз в это время казачьим отделом в Военном министерстве руководил оренбургский казак - генерал-лейтенант Павел Осипович Агапов.

Пятого апреля 1914 года Николай II принял делегацию наших казаков, которые преподнесли наследнику цесаревичу Алексею Николаевичу войсковую форму и казачье седло, после чего 1-й полк ОКВ начал называться Первым Оренбургским Его Императорского Высочества наследника цесаревича Алексея Николаевича полком. Казаки и офицеры этого славного полка вплоть до февральской революции носили на своих погонах вензель "А" - по первой букве в имени наследника престола.

Цесаревич Алексей Николаевич, шеф 1-го полка Оренбургского казачьего войска

Среди других наиболее важных событий, выпавших на период правления Н. А. Сухомлинова, следует отметить строительство в 1913 году железнодорожной магистрали Оренбург - Орск (открытие пассажирского и

товарного движения состоялось 19 декабря 1914 года) и получение разрешения на строительство железных дорог на Уфу и Казань. Таким образом, Оренбург превращался в крупный транспортный узел...

В том же 1913 году в Оренбурге начала работу первая сессия губернского земского собрания*. Особое внимание земцы сосредоточили на "изыскании способов обучения неграмотного народа", на закреплении "крупниц знаний, вынесенных из школ", на расширении сети библиотек.

Не жалел сил и средств на развитие просвещения в крае и Н. А. Сухомлинов. Он ходатайствовал об отпуске пособия на поддержку женского татарского училища, содействовал открытию частной прогимназии госпожи Ю. Маминой, впоследствии преобразованной в гимназию. По сведениям Оренбургской городской управы, в 1913 году в одних только приходских школах города насчитывалось 5300 учащихся, на народное образование было израсходовано более четверти городского бюджета (250 тысяч рублей). На 1914 года городская управа испрашивала из думы 280500 рублей.

При Сухомлинове продолжался сбор пожертвований на постройку музея Оренбургского края, шли хлопоты об открытии судебной палаты, на повестку дня был вынесен вопрос о памятнике в Оренбурге Александру II, прибыл из Уральска (28 мая 1914 года) первый пароход финляндского общества братьев Лайхиа "Уралец"... П. Д. Райский писал, что благосостояние Оренбурга в то время сильно возрастало, но, к сожалению, ход общественных дел затормозила начавшаяся война.

Об объявлении мобилизации в Оренбурге стало известно 17 июля 1914 года в 7 часов вечера. А утром следующего дня указ о мобилизации можно было прочитать во всех местных газетах. В нём, в частности, предписывалось: "...Вызвать со льготы казаков Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского и Уральского войска..."

Несколько дней в городе проходили патриотические манифестации, около пятисот человек записались в действующую армию добровольцами. Двадцать первого июля в Казанском кафедральном соборе был проведён молебен "О ниспослании победы русскому оружию", а уже 27 июля на фронт отправился 7-й казачий полк. В этот день из Петербурга пришла телеграмма от Николая II, который обращался к оренбургскому казачеству с такими словами: "...Уверен, что Оренбургские казаки будут на поле брани героями!"

Согласно боевому расписанию, уже через неделю после объявления мобилизации первые второочередные полки ОКВ (с 7-го по 12-й) были направлены в районы развёртывания русской армии. Вслед за ними (с 30 июля по 7 августа) отправились полки третьей очереди: с 13-го по 18-й.

Как и в русско-японскую войну, из второочередных казаков второго и третьего военных отделов ОКВ вновь была сформирована дивизия в составе 9-го, 10-го, 11-го и 12-го шестисотенных полков, 5-й казачьей батареи. Дивизия насчитывала около четырёх тысяч казаков, ста офицеров и имела шесть орудий и восемнадцать пулемётов. Командиром дивизии назначили начальника Оренбургского казачьего юнкерского военного училища генерал-лейтенанта М. Г. Михеева.

Чрезвычайные обстоятельства, созданные войной, внезапное отвлечение массы рабочих рук, а зачастую и единственного работника в семье, - всё это могло вызвать неблагоприятные последствия для своевременного выполнения сельскохозяйственных работ, если бы не была оказана надлежащая поддержка в виде денежных пособий от земства и кредитных обществ или в виде трудовой помощи. В эти дни городская дума приняла постановление об учреждении городского попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов, призванных на фронт, а в печати появился призыв оренбургского губернатора Сухомлинова помочь семьям мобилизованных и всем миром поспособствовать им в уборке хлеба.

На эти же цели чрезвычайное собрание оренбургского уездного земства, состоявшееся 31 июля 1914 года, постановило выделить свыше ста тысяч рублей, полученных после сокращения некоторых расходов по смете 1914 года. Размер пособий на каждую семью составил: для не имеющих жильё по четыре рубля (из них два рубля на наём жилья и два рубля на отопление), а для имеющих жильё - по два рубля на отопление. Почти сорок тысяч рублей было выделено семьям, имеющим менее двух десятин посева.

Так же за счёт земства стали поступать в села газеты (например, в Оренбургском уезде на село направлялось 344 газеты).

* По сведениям, сообщенным Т. Н. Савиновой.

Оренбургский вице-губернатор Л. А. Пушкин

С первых же дней войны одной из основных забот оставшихся в тылу стало устройство госпиталей и санитарных поездов. О формировании в Оренбурге госпиталя на сто коек и открытии шестимесячных кружков сестёр милосердия местные газеты сообщили ещё 23 июля, а 22 августа был образован губернский распорядительный комитет по эвакуации больных и раненых. Лазареты и санитарные поезда оборудовались на средства общественных организаций, частных лиц, членов Императорской фамилии.

Один из комитетов помощи раненым возглавляла великая княжна Татьяна. Её призыв "о содействии сбору в пользу пострадавших от военных действий" был действительно поддержан Н. А. Сухомлиновым, и уже 5 апреля 1915 года на имя оренбургского губернатора поступило следующее послание:

"Николай Александрович.

Осведомившись из доклада Председателя Моего Комитета о содействии Вашем к увеличению средств Комитета путём устройства сеансов и продажи благотворительных марок на пользу близкого Моему сердцу населения, пострадавшего от военных бедствий, выражаю Вам Мою искреннюю признательность. Остаюсь к Вам неизменно благожелательною. Татьяна".

Большую работу по размещению беженцев, распределению в лазареты раненых солдат проводил в губернии Лев Анатольевич Пушкин, внучатый племянник великого поэта.

О том, когда и в каком качестве он появился здесь, хорошо видно из краткого рапорта действительного статского советника камергера Высочайшего Двора Льва Анатольевича Пушкина Его Превосходительству господину оренбургскому губернатору от 1 сентября 1914 года:

"Имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что прибыв 31 августа сего года к месту своего назначения, я сего числа вступил в отправление должности оренбургского вице-губернатора".

Лучше помощника Сухомлинову вряд ли можно было желать...

Между тем, ситуация в стране с каждым днём осложнялась. Не была исключением и Оренбургская губерния. Здесь, как и повсюду, из-за притока беженцев, раненых, солдат возникла нехватка жилья, продовольствия, топлива, одежды. Падала заработная плата, росли цены, увеличивались налоги и подати. Несмотря на запрет митингов и забастовок в военное время, в 1915 году было зарегистрировано шесть забастовок, в которых участвовало свыше трёх тысяч рабочих.

Поражения на фронтах, нежелание правительства вникнуть в истинные причины неудач привели к тому, что виноватых стали искать сами люди. Ненависть вызывало всё немецкое, даже исторические названия. В самом начале войны Санкт-Петербург был переименован в Петроград, а 14 апреля 1915 года и оренбургская городская дума собралась ради решения одного вопроса: "О переименовании Оренбурга". Вариантов нового названия города было предложено немало: Ориенград, Ориендар, Яицк, Приуральск, Орельград, Славяно-Георгиевск, Ново-Георгиевск, Сакмаро-Уральск, Неплюевск и другие. Надо отдать должное депутатам думы (гласным, как их тогда называли): они сумели отстоять историческое название города.

Повсюду виделись измена и предательство. В связях с Германией был обвинён родной брат оренбургского губернатора - Владимир Александрович Сухомлинов*, занимавший с 1909 года пост военного

* Сухомлинов Владимир Александрович (1848-1926)-генерал от кавалерии, с 1908 года начальник Генерального штаба. В марте 1909 года был назначен военным министром. Уволен по приказанию Николая II 11 июня 1915 года и шесть месяцев провёл в заключении в Петропавловской крепости. После февральской революции Временное правительство вернуло его в крепость. С 10 августа по 12 сентября состоялся суд. Сухомлинов обвинялся в измене, бездействии власти и во взяточничестве. Суд признал доказанным лишь обвинение по второму пункту и приговорил Сухомлинова к бессрочным каторжным работам. После октябрьской революции освобождён по амнистии 1 мая 1918 года и вскоре выехал за границу. Написал "Воспоминания",

министра. Он был снят с должности и в марте 1916 года арестован.

Арест и следствие по делу брата прямо не отразились на Н. А. Сухомлинове, однако именно на это время пришёлся его перевод в Сибирь: 24 мая 1915 года Николай Александрович был назначен Степным генерал-губернатором, командующим войсками Омского военного округа и наказным атаманом Сибирского казачьего войска.

Генерал-лейтенант Н. А. Сухомлинов был женат на дочери тайного советника Крузе Зинаиде Александровне. Имел детей: Владимира (1882) и Георгия (1890). Дата смерти Сухомлинова не установлена.

Владимир Викторович САХАРОВ,

Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1915 году

В. В. Сахаров

Среди последних оренбургских губернаторов есть один, который был губернатором и наказным атаманом всего четырнадцать дней и за это время не успел даже появиться в Оренбурге...

Двадцать второго августа 1915 года очередным оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска был назначен командир 11-го армейского корпуса генерал от кавалерии Владимир Викторович Сахаров, числящийся по Генеральному штабу. Однако через две недели (4 сентября) появился другой приказ, согласно которому генерал В. В. Сахаров отзывался с новой должности и возвращался на прежнее место службы: командиром 11-го армейского корпуса.

О Сахарове известно, что родился в 1853 году, окончил Академию Генерального штаба, в 1904 году командовал 7-м армейским корпусом, в первую мировую войну - 11-м корпусом, 11-й и Дунайской армиями, был помощником командующего Румынским фронтом.

После февральской революции В. В. Сахаров подал в отставку, а после октябрьской эмигрировал из России.

Михаил Степанович ТЮЛИН,

оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска в 1915-1917 годах

Михаил Степанович Тюлин родился 1 сентября 1862 года в Санкт-Петербургской губернии. Потомственный дворянин. Воспитывался в 3-й Санкт-Петербургской военной гимназии. После окончания Николаевского кавалерийского училища в 1881 году был определён корнетом в лейб-гвардии кирасирский Её Величества полк.

В 1884 году поступил, а в 1889 году окончил по 1-му разряду Академию Генерального штаба.

Служил в штабе Одесского военного округа, в Генеральном штабе (с назначением старшим адъютантом 2-й Кавказской казачьей дивизии), помощником инспектора классов Николаевского кавалерийского училища, штаб-офицером для особых поручений при штабе 2-го кавалерийского корпуса, начальником Новочеркасского казачьего и Тверского кавалерийского юнкерских училищ, дежурным генералом штаба Московского военного

опубликованные на русском и немецком языках в Берлине.

Выяснение истины и настоящая оценка личности военного министра ещё впереди. Сейчас несомненно одно: В. А. Сухомлинов многое сделал для пользы русской армии. Он был создателем военной авиации в России, расширил военно-автомобильное дело, усовершенствовал организацию военных сообщений, поставил на должную высоту мобилизационную часть, провёл в Государственной Думе новый закон о воинской повинности, повысил образовательный уровень в армии, произвёл перевооружение артиллерии. При В. А. Сухомлинове Военное министерство было наиболее творческим и результативным по количеству коренных реформ в армии – в сравнении с деятельностью его предшественников...

округа, начальником 2-й бригады 1-й кавалерийской дивизии.

Начало первой мировой войны генерал-лейтенант М. С. Тюлин встретил начальником 7-й кавалерийской дивизии (со штабом во Владимире-Волынском). С 20 июля 1914 года принимал участие в боевых действиях против австрийских войск, а со 2 декабря того же года, когда был назначен начальником 2-й Кубанской казачьей дивизии - против германских.

В апреле 1915 года Тюлин награждается Георгиевским оружием - за то, что "в боях 29 июля и 2 августа 1914 года под городом Соколом и Стояновом, находясь под огнём противника и лично руководя боем, разбил и привёл к полному расстройству превосходящие силы противника и уничтожил средства сообщения, необходимые в период его сосредоточения", а в июне того же года орденом Св. Владимира II степени с мечами и орденом Белого орла с мечами - "за отличие в делах против неприятеля".

Семнадцатого сентября 1915 года генерал-лейтенант Тюлин был назначен атаманом Оренбургского казачьего войска.

В Оренбург Михаил Степанович Тюлин приехал 3 ноября 1915 года* и сразу же окунулся в море проблем, порождённых войной, с которыми никогда не сталкивался ни один из прежних оренбургских губернаторов.

Одна из главных - беженцы. Их размещение и обустройство, обеспечение продовольствием, одеждой, медицинской помощью. В ноябре 1915 года этих несчастных насчитывалось: в Оренбургском уезде - около 15 тысяч человек, в том числе четыре тысячи детей (для примера: на пропитание такого количества людей в месяц требовалось почти 74 тысячи рублей - из расчёта 4 рубля 50 копеек на взрослого и три рубля на ребёнка), в самом Оренбурге - более 14 тысяч, в том числе около четырёх тысяч женщин и пяти тысяч детей, в Верхнеуральском уезде - свыше 18 тысяч, в Троицке - около трёх тысяч, в Челябинске - около двух тысяч человек.

М. С. Тюлин

В Оренбурге беженцев разместили следующим образом: в доме *Гофмана* - 958 человек, в доме *Эверта* - 382, в доме *Мошкова* - 110, в народном доме - 448, в *Серафимовской* школе - 119, в женском монастыре - 132, в школе единоверческой (староверческой) церкви - 57, в школе *Михайло-Архангеловской* церкви - 45, в доме *Пименова* - 105, в еврейском обществе - 315, в польском комитете - 1349, в *Николаевском* женском институте - 414, в *Ольгинском* приюте - 27, в духовной семинарии - 123, в *Богодуховском* монастыре - 183, в магометанском обществе - 85, в новых городских бараках - 1595 человек.

* В промежуток времени между отъездом Н. А. Сухомлинова (июнь 1915 года) и приездом М. С. Тюлина (ноябрь 1915 года) губернией управлял вице-губернатор Лев Анатольевич Пушкин, внучатый племянник великого поэта. По его инициативе было учреждено несколько благотворительных обществ, ставящих своей целью помощь раненым воинам и беженцам. Под руководством Л. А. Пушкина 2 августа 1915 года состоялось учредительное собрание местного губернского отделения комитета Великой княжны Татьяны Николаевны. В течение августа членами комитета посредством кружечного сбора, благотворительных киносеансов, лотереи-аллегри было собрано более семи тысяч рублей (для сравнения: пуд муки тогда стоил около двух рублей). В конце сентября решено было начать сбор одежды и обуви для беженцев, и 1 октября по городу разъезжали специальные фургоны, куда жители несли не нужные им вещи. Прибывший М. С. Тюлин одобрил благотворительные акции Л. А. Пушкина.

Почтовая карточка, выпущенная Никольской общиной Российского общества Красного Креста.

На обороте надпечатка: "Каждые проданные 2-3 открытки дают возможность изготовить респиратор для защиты от удушливых газов".

Многие казачьи станицы и посёлки изъявили желание принять беженцев. Так, станицы первого военного отдела Городищенская, Буранная, Нижнеозёрная, Татищевская и другие согласились дать приют 1131 человеку.

Не оставалась в стороне от народного горя и супруга губернатора. Благодаря ей, уже в ноябре 1915 года было собрано более двенадцати тысяч рублей и на них приготовлено для солдат-фронтовиков две тысячи подарков с простыми, но необходимыми вещами: тёплым бельём, перчатками, вязаными носками, чаем, сахаром, табаком, почтовой бумагой, иглками и нитками. Для отдельных частей закупили машинки для стрижки волос, бритвы и бритвенные принадлежности, шила, дратву и даже гармошки. А 3 декабря того же года на общем собрании членов оренбургского дамского комитета Российского Общества Красного Креста Евгению Яковлевну Тюлину избрали почётной попечительницей комитета.

Избрали её и почётной попечительницей оренбургской 1-й женской гимназии.

Госпожа Тюлина организовывала в Оренбурге благотворительные концерты, устраивала сборы пожертвований, и все средства от них направляла особо нуждающимся, в первую очередь беженцам. Так, на собранные кружком дам оренбургского губернского отдела Всероссийского Общества попечительства о беженцах 775 рублей детям беженцев, размещённых в Оренбурге и Илецкой Защите, было вручено 3186 мешочков с подарками.

Да и сами супруги "Полины неоднократно делали денежные взносы в фонды беженцев и раненых.

На тот период в Оренбургской губернии насчитывалось четырнадцать госпиталей и лазаретов. Но помещений не хватало, и власти иногда вынуждены были проводить реквизиции. В Орске, например, 15 октября 1915 года были реквизированы гостиница "Европейская" и ресторан "Декаданс", в которых разместили лазарет № 2 земского союза. Двадцать девятого ноября того же года состоялось освящение лазарета, на котором присутствовал и М. С. Тюлин.

Неделю спустя после появления в Оренбурге Михаил Степанович отправился по губернии, чтобы, так сказать, "живьём" увидеть вверенный ему край. Атаман побывал в Троицке, Челябинске, Верхнеуральске, некоторых станицах, провёл смотр казачьим запасным сотням верхнеуральской и троицкой местным командам.

Впечатление казаки оставили малоутешительное: плохо держались в седле, не владели ни пикой, ни шашкой ("стремена не пригнаны, шашки и пики держат не правильно, рубка и уколы пикой слабы до крайности, лошади не едут, обносят, удары <шашкой> слабые и вялые: много промахов, лежащих чучел нет"). Особенно возмутило боевого генерала-кавалериста то, как подкованы лошади: "Плохо кованая лошадь губит свои ноги, а конница теряет лошадей. Кто был на войне, знает этот бич кавалерии; и здесь, в мирной обстановке, если ковать плохо - это преступление".

Первая мировая война. Октябрь 1915 года

Причиной такой слабой боевой выучки - и это в военное время! - Тюлин счёл нетребовательность и халатное отношение офицеров к подготовке казаков. И для примера объявил двум прапорщикам по выговору, а двух других отправил под домашний арест на двое суток.

Следующие смотры казачьих запасных полков и сотен Тюлин провёл в июне 1916 года, во время четырёхнедельных сборов молодых казаков, и в январе 1917 года, когда из Тургайской области вернулись 1-я и 2-я запасные сотни, находившиеся там в экспедиционном отряде генерала Лаврентьева.

Много времени и сил было потрачено на организацию помощи семьям мобилизованных. Здесь на первое место выдвигалось значение самостоятельности масс, объединение "обессиленных" семейств с сильными, обеспеченными рабочей силой; затем "натуральная" помощь от войска, поселковых обществ, кооперативов и попечительских комитетов, в состав которых входили местный священник (или мулла), атаман посёлка, представители кооперативов и члены потребительских обществ.

"Натуральная" помощь заключалась в обработке пашни, заготовке сена, посеве, уборке, выдаче семян и различных сельскохозяйственных машин и орудий (напрокат).

8 течение 1915 года помощью было охвачено 7492 семьи (из 8354), нуждающиеся в привлечении дополнительной помощи для посева, обработки полей и других сельскохозяйственных работ, то есть почти 90 процентов всех нуждающихся.

Несмотря на всестороннюю помощь, посевные площади на территории войска в 1916 году по сравнению с 1914 годом сократились: в казачьих семьях - на 8,9 процента (или почти на одну десятину), у "иностранцев", проживающих среди казаков - на 25 процентов (или почти на 3 десятины). Однако вполне удовлетворительный урожай зерновых в 1915 году и высокие цены на хлеб дали возможность не только "справить свою нужду", но и, благополучно перезимовав, сделать некоторый запас на 1916 год.

Пятнадцатого января 1916 года в Оренбурге начало работу Третье очередное губернское земское собрание. С анализом состояния дел в губернии перед земцами выступил М. С. Тюлин. Подробно остановившись на самых больных темах (беженцы, раненые), обрисовав финансово-экономическую ситуацию, диктующую сокращение всех сметных расходов ("по одежке протягивают ножки"), губернатор призвал собравшихся совместными усилиями побороть рост цен на самое необходимое.

В тот же день он своим распоряжением снизил цену на мясо. Теперь фунт мяса 1 сорта, стоивший 24 копейки, стал стоить на 2 копейки дешевле. Тех же, кто нарушал это распоряжение, подвергали аресту на срок от двух недель до месяца или же штрафу в размере от 20 до 500 рублей. Списки наказанных регулярно публиковала газета "Оренбургское слово" в рубрике "Борьба с мародёрами".

А дороговизна, вызванная нехваткой основных продуктов питания и товаров народного потребления, поистине брала население за горло и всё больше и больше становилась политическим фактором, определяющим развитие событий. Но и меры, принимаемые администрацией против тех, кто специально утаивал товары, становились всё жестче и бескомпромиссней. Например, когда 29 января 1916 года на станции Каргала обнаружили огромное количество замороженного мяса, его тут же конфисковали, и сорок тысяч пудов передали на нужды города.

Задачи перед губернатором стояли непростые. Для нужд армии требовалось ежемесячно поставлять более

девятнадцати тысяч голов рогатого скота (план на 1916 год - 175 тысяч голов). Цены же на продовольственные товары с сентября 1915 года по октябрь повысились в четыре раза.

В начале 1916 года под председательством вице-губернатора Л. А. Пушкина проходило заседание по земским и городским делам присутствия*. Рассматривались постановления о займах в двести тысяч рублей для обеспечения населения мясными продуктами и в один миллион рублей на закупку дров и для других острых нужд. В это же самое время перед подъездом губернаторского дома собралась толпа солдаток с жалобами на тяжёлую жизнь. Губернатор, выйдя к людям, стал успокаивать их, обещая, что пайки солдаткам скоро будут возобновлены. Женщины разошлись.

А весной в городе начались погромы. Второго мая 1916 года волнения приняли массовый характер. Толпа солдаток и горожан разграбила тридцать магазинов и хлебных лавок. Посланный на разгон толпы казачий отряд забросали камнями, ранив шестерых офицеров и 46 казаков. Лишь с помощью пехотных частей выступление было подавлено, а 188 его участников арестованы.

В мае 1916 года губернатор обратился в Петроград с телеграммой, ходатайствуя о передаче земству восьми тысяч пудов сахарного песка. Но с передачей не успели - 1 июля 1916 года на снабжение населения дровами, сахаром, отрубями и мукой была введена карточная система.

Через несколько месяцев недовольство стало всеобщим. Люди уже открыто выражали возмущение царём, правительством и министрами.

Открытое письмо из действующей армии. Принято полевой почтой 10 января 1916 года, получено в Оренбурге 18 января

Империя доживала свои последние дни...

Двадцать восьмого февраля 1917 года в Оренбург поступило телеграфное сообщение о победе революции в Петрограде. М. С. Тюлин был вынужден просить туркестанского генерал-губернатора о присылке в Оренбургскую губернию карательных отрядов из Актюбинска, Ташкента и Челкара. В боевую готовность были приведены части оренбургского гарнизона. Однако солдаты и казаки поддержали новую власть.

Третьего марта 1917 года поступило официальное извещение об отречении Николая II от престола и об организации Временного комитета Государственной Думы. В этот и последующие дни на предприятиях Оренбурга шли бурные собрания и митинги, посвящённые выборам депутатов в городской Совет рабочих депутатов, а рядом с Советами начали формироваться комитеты общественной безопасности, основу которых составляли кадеты и октябристы, действовавшие в годы войны легально. Им активно содействовали эсеры и меньшевики.

В Оренбургской губернии, как и по всей России, устанавливалось двоевластие.

Шестого марта 1917 года, в 15 часов 10 минут на имя председателя Оренбургской земской управы И. А. Холодовского поступила телеграмма министра внутренних дел князя Львова:

"...В целях устроения порядка внутри страны и для успеха обороны государства... Временное правительство признало необходимым временно устранить губернатора и вице-губернатора от исполнения обязанностей. Управление губернией временно возложено на вас в качестве губернского комиссара Временного

* По сведениям, сообщённым Т. В. Судоргиной.

правительства со всеми правами, предоставленными действующими узаконениями губернатору и с сохранением за вами руководства работою губернской земской управой. На председателей уездных Управ возлагаются обязанности уездных комиссаров Временного правительства с сохранением руководства работою уездного самоуправления. Прошу вас срочно телеграфировать мне подробно о положении на местах и принятых мерах".

Через час и пять минут отстранённый губернатор М. С. Тюлин передал власть заместителю председателя губернской земской управы Г. М. Базилеву (Холодовского в городе не было) и тогда же телеграфировал министру внутренних дел:

"Докладываю Вашему сиятельству, что на основании телеграммы Вашей управление губернией сего числа временно передано мною председателю губернской земской управы".

Пятнадцатого марта 1917 года М. С. Тюлин, видимо, тяготясь неопределённостью своего положения, написал письмо Базилеву:

"Милостивый государь Григорий Михайлович. Обращаюсь с покорнейшею просьбою, не найдётся ли возможность спросить в Департаменте общих дел МВД для выяснения вопроса о содержании губернатора... Также вопрос о квартире, имеет ли право губернатор продолжать жить в ней или должен её освободить. Оба эти вопроса очень для меня важны... вопрос как жить при современной дороговизне и также куда выехать, если надо освободить квартиру".

Через неделю, Указом Временного правительства от 22 марта 1917 года временно отстранённый от должности оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска Михаил Степанович Тюлин был уволен от всех должностей и назначен в резерв чинов Кавказского военного округа.

На Кавказском фронте, в 1917 году, М. С. Тюлин был произведён в генералы от кавалерии. После гражданской войны остался в России и находился на службе в военно-учебных заведениях Академии Генерального штаба РККА, написал автобиографические записки, включающие дневники периода первой мировой войны - "Записки для моих детей и внуков".

Умер в 1935 году.

Михаил Семёнович Тюлин был женат вторым браком на дочери генерал-лейтенанта Горденина Евгении Яковлевне. Имел детей: от первого брака - Николая (1883), Ольгу (1887), Михаила (1893), от второго брака - Якова (1900).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Главные начальники Оренбургского края

Начальник Оренбургской экспедиции	Иван Кирилович Кирилов (1734-1737)
Начальники Оренбургской комиссии	Василий Никитич Татищев (1737-1739) Василий Алексеевич Урусов, князь (1739-1741) Леонтий Яковлевич Соймонов (1741-1742)
Оренбургские губернаторы	Иван Иванович Неплюев (1742 -1758) Афанасий Романович Давыдов (1759-1763) Дмитрий Васильевич Волков (1763-1764) Абрам Артемьевич Путятин, князь (1764-1768) Иван Андреевич Рейнсдорп (1768-1781)
Симбирские	Иван Варфоломеевич Якоби

и уфимские генерал- губернаторы	(1781-1782) Аким Иванович Апухтин (1782-1784) Осип Андреевич Игельстром, барон (1784-1792) Александр Александрович фон Пеутлинг, барон (1792-1794) Сергей Кузьмич Вязмитинов, граф (1794-1796)
Оренбургские военные губернаторы	Осип Андреевич Игельстром, барон (1796 -1798) Николай Николаевич Бахметев (1798-1803) Григорий Семенович Волконский, князь (1803-1817) Петр Кириллович Эссен, граф (1817-1830) Евгений Александрович Головин (1830) Павел Петрович Сухтелен, граф (1830-1833) Василий Алексеевич Перовский (1833-1842) Владимир Афанасьевич Обручев (1842-1851)
Оренбургские и самарские генерал- губернаторы	Василий Алексеевич Перовский, граф (1851-1857) Александр Андреевич Катенин (1857-1860) Александр Павлович Безак (1860-1864)
Оренбургский генерал-губернатор	Николай Андреевич Крыжановский (1864-1881)
Оренбургские губернаторы и наказные атаманы Оренбургского казачьего войска	Михаил Иванович Астафьев (1881-1884) Николай Алексеевич Маслаковец (1884-1891) Владимир Иванович Ершов (1892-1899) Яков Фёдорович Барабаш (1899-1906) Фёдор Фёдорович фон Таубе, барон (1906) Владимир Фёдорович Ожаровский (1906-1911) Николай Александрович Сухомлинов (1911-1915) Владимир Викторович Сахаров (1915) Михаил Степанович Тюлин (1915-1917)

Войсковые и наказные атаманы Оренбургского казачьего войска

Командир Оренбургского нерегулярного казачьего корпуса сотник

Матвей Шилов
(1744-1748)

Командир Оренбургского нерегулярного казачьего корпуса и войсковой атаман оренбургских казаков полковник

Василий Иванович Могутов
(1748 -1778)

Временно исполняющий должность войскового атамана Оренбургских казаков

Сидор Фомич Кирсанов
(1778 -1781)

Командир Оренбургского нерегулярного казачьего корпуса и временно исполняющий должность войскового атамана полковник

Андрей Андреевич Углицкий
(1781-1794)

Временно исполняющий должность командира Оренбургского нерегулярного казачьего корпуса и войскового атамана полковник

Дмитрий Андреевич Гранкин
(1794 -1795)

Временно исполняющий должность командира Оренбургского нерегулярного казачьего корпуса и войскового атамана подполковник

Василий Уваров
(1795 -1797)

Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор

Андрей Андреевич Углицкий
(1798 -1808)

Временно исполняющий должность войскового атамана Оренбургского казачьего войска полковник

Никифоров
(1808)

Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска полковник

Василий Андреевич Углицкий
(1808-1811)

Временно исполняющий должность войскового атамана Оренбургского казачьего войска майор

Михаил Андреевич Углицкий
(1812-1814)

Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор

Василий Андреевич Углицкий
(1815-1821)

Командующий Оренбургским казачьим войском полковник

Егор Николаевич Тимашев
(1822-1830)

Командующий Оренбургским казачьим войском генерал-майор

Адам Густавович фон Энгельгардт
(1831-1834)

Временно исполняющий должность командующего Оренбургским казачьим войском подполковник

Иван Васильевич Подуров
(1834)

Командующий Оренбургским казачьим войском генерал-майор

Адольф Адамович фон Гельд
(1835)

Командующий Оренбургским казачьим войском генерал-майор

Николай Васильевич Шуцкий
(1835-1839)

Командующий Оренбургским казачьим войском генерал-майор

Владимир Порфирьевич Молостов
(1839-1841)

Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор

Владимир Порфирьевич Молостов
(1841)
Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант граф
Николай Егорович Цукато
(1841-1848)
Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Григорий Васильевич Жуковский
(1848-1852)
Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Иван Васильевич Подуров
(1853-1859)
Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор граф
Илья Андреевич Толстой
(1859-1863)
Наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Павел Васильевич Зворыкин
(1863-1865)
Временно исполняющий должность наказного атамана Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Егор Иванович фон Зенгбуш
(1865)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант
Константин Николаевич Боборыкин
(1865 -1875)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Егор Иванович фон Зенгбуш
(1875 -1878)
Временно исполняющий должность наказного атамана Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Сергей Иванович Мясоедов
(1878)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант
Михаил Иванович Астафьев
(1878-1884)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант
Николай Андреевич Маслаковец
(1884-1892)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Владимир Иванович Ершов
(1892-1899)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант
Яков Федорович Барабаш
(1899-1906)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Федор Федорович фон Таубе
(1906)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант
Владимир Федорович Ожаровский
(1907-1911)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант
Николай Александрович Сухомлинов
(1911-1915)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант
Владимир Викторович Сахаров
(1915)
Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант
Михаил Степанович Тюлин
(1915-1917)
Председатель войсковой управы и войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-майор
Николай Петрович Мальцев

(1917)

Председатель войскового правительства и войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант

Александр Ильич Дутов

(1917-1921)

Гражданские губернаторы Оренбургской губернии

К. Н. Баратаев	(1797-1798)
И. А. Курис	(1798-1799)
Карл Глазенап	(1799-1802)
А. А. Вразский	(1802-1806)
И. Г. Фризель	(1806-1809)
М. Ф. Веригин	(1809-1812)
М. А. Наврозов	(1812-1821)
Г. В. Нелидов	(1821-1827)
И. Л. Дебу	(1827-1832)
Н. В. Жуковский	(1832-1835)
А. П. Гевлич	(1835-1840)
И. Д. Талызин	(1840-1846)
Н. В. Балкашин	(1846-1852)
Я. В. Ханыков	(1852-1857)
И. М. Потулов	(1857-1860)
Е. И. Барановский	(1860-1861)
Г. С. Аксаков	(1861-1865)

(Увеличенную копию карты смотрите в отдельном файле – 354_b.jpg)

ОТДѢЛЪ СТАТИСТИЧЕСКІЙ.

Краткія статистическія свѣдѣнія по Оренбургской губерніи за 1912 годъ.

I. Общій очеркъ губерніи.

Географическое положеніе и пространство губерніи.

Оренбургская губернія лежитъ въ юго-восточной части Европейской Россіи и заключаетъ въ себѣ пространство между $51^{\circ} 8'$ и $55^{\circ} 23'$ сѣверной широты и между $71^{\circ} 47'$ и $82^{\circ} 31'$ восточной долготы, по направленію отъ СВ къ ЮЗ.

Границами этой площади служатъ: на сѣверѣ—Шадринскій и Екатеринбургскій уѣзды Пермской губ., на зап.—Златоустовскій, Уфимскій, Стерлитамакскій и Белебеевскій уѣзды Уфимской, а также Бузулукскій и Бугурусланскій Самарской губерніи; на югѣ—Тургайская и Уральская области, а на востокѣ—Курганскій уѣздъ Тобольской губерніи.

Описаніе границъ территоріи Оренбургскаго казачьяго войска.

Территорія Оренбургскаго казачьяго войска расположена между $50^{\circ} 54'$ и $55^{\circ} 30'$ сѣверной широты, $28^{\circ} 4'$ и $34^{\circ} 55'$ восточной долготы.

Граница этой площади, начиная съ западной стороны нижней ея части, т. е. по смежности съ землею Уральского казачьяго войска, пролегаетъ сначала по нижнему теченію рѣчки *Большой Песчанки* (Филип-

поски), составляющей правый притокъ рѣки *Илека*, затѣмъ, поднявшись на высоту средняго теченія названной рѣчки до пересѣченія ея проселочной дорогой изъ поселка *Линевскаго* въ поселокъ *Филипповскій*, граничная черта войсковой территоріи уклоняется на сѣверо-западъ къ рѣкѣ *Уралу*, а далѣе, пересѣкнувъ рѣку *Ураль*, около западной стороны *Орлова* озера, идетъ на сѣверъ, къ нижнему теченію р. *Рожавки* и, пройдя по ней до слиянія съ рѣчкой *Кинделей*, переходитъ на правый берегъ послѣдней, составляя такимъ образомъ по упомянутой смежности нѣсколько ломанныхъ линій на протяженіи 117½ верстъ.

Съ этого же мѣста, удалясь отъ земли *Уральскаго* казачьяго войска и отдѣляя земли *Оренбургскаго* войска отъ земель государственныхъ крестьянъ *Оренбургскаго* уѣзда и казенныхъ оброчныхъ статей, граница войсковой территоріи поворачивается на востокъ и идетъ по правому берегу рѣчки *Киндели* чрезъ верховья рѣчки *Русановки*; затѣмъ, пройдя въ этомъ направленіи небольшими изломами около 32 верстъ, отклоняется сначала къ сѣверу, а потомъ, пересѣкнувъ рѣку *Самару*, пролегаетъ ломаными же линіями, по склонамъ праваго берега этой рѣчки и чрезъ ея верховья къ сѣверо-востоку и выходитъ на такъ называемый «*Общій Сыртъ*» къ верховьямъ рѣчки *Средней Каралки*, имѣя до 71 версты всего протяженія. Отъ верховьевъ же помянутой рѣчки граница идетъ сначала на сѣверо-западъ по склонамъ лѣваго берега рѣчки *Гусихи* и, пройдя въ указанномъ направленіи также ломаными линіями 25 в., свертывается затѣмъ на сѣв.-вост. двумя линіями, а далѣе, пересѣзавъ рѣчку *Гусиху* направляется на юго-востокъ и проходитъ довольно значительными изломами чрезъ

вершины рѣчекъ *Средней и Нижней Каргалокъ*, къ рѣкѣ Уралу, слившись близъ его съ границею выгонной земли города Оренбурга и иля, по двумъ послѣднимъ направленіямъ, около 71 версты протяженія.

Затѣмъ по смежности выгонной земли гор. Оренбурга, площадь войсковыхъ земель ограничивается сначала рѣкою Ураломъ на протяженіи 20 верстъ вверхъ по его теченію, а за нимъ восточною и сѣв. верною сторонами этого выгона, на протяженіи 18 верстъ, далѣе же, по смежности земель частныхъ землевладѣльцевъ, государственныхъ крестьянъ и дачи *Семитовскаго посада* (Каргала) войсковая граница пролегаетъ мелкими изгибами къ сѣверо-западу, чрезъ рѣку *Сакмару*, на протяженіи 18 верстъ и, пройдя по рѣчкѣ *Средней Каргалкѣ* до средняго ея теченія, поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, затѣмъ, прослѣдовавъ въ этомъ направленіи $5\frac{1}{2}$ верстъ, идетъ небольшими ломаными линіями на юго-востокъ, къ рѣкѣ *Сакмарѣ*, на протяженіи 14 верстъ; поднявшись же вверхъ по теченію этой рѣки 12 верстъ, — уклоняется потомъ къ юго-востоку почти въ прямомъ направленіи на протяженіи 9 верстъ и пересѣкнувъ почтовую дорогу, пролегающую изъ гор. Оренбурга въ станицу *Сакмарскую*, свертываетъ на сѣверо-востокъ и проходитъ почти прямою линіею къ вершинамъ оврага *Гребени*, на протяженіи 9-ти верстъ, а отсюда, повернувъ подъ прямымъ угломъ на сѣверо-западъ, пролегаетъ ломаными линіями къ устью рѣчки *Верхней Каргалки*, на протяженіи 13 верстъ, которая и служить уже затѣмъ границею до своихъ верховьевъ, на протяженіи $64\frac{1}{2}$ верстъ.

Отдѣливъ такимъ образомъ войсковыя земли отъ описанныхъ смежностей, граница войсковой территоріи отъ верховьевъ р. *Верхней Каргалки* идетъ по

смежности дачъ частныхъ землевладѣльцевъ, крестьянскихъ и башкирскихъ земель, сначала тремя ломаными линиями на сѣверо-востокъ къ вершинамъ рѣчки *Янгиза*, на протяженіи 27 верстъ, затѣмъ внизъ, по теченію этой рѣчки, въ направленіи къ юго-востоку; пройдя же по ней 39 верстъ, поворачиваетъ на востокъ къ вершинамъ рѣчки *Грязнушки* и слѣдуетъ до нея пятью ломаными линиями на протяженіи 18 верстъ. Спустившись потомъ внизъ по этой рѣчкѣ 4½ версты, граница направляется прямо на югъ и проходитъ къ рѣкѣ Сакмарѣ одною прямою линіею на протяженіи 7½ верстъ, а отсюда идетъ уже вверхъ по теченію рѣки Сакмары, которая и составляетъ живую грань на протяженіи 221 версты, за исключеніемъ лишь дачи *Никитинской* станицы, гдѣ на лѣвый берегъ рѣки Сакмары переходитъ часть дачи селъца *Федоровскаго* (*Прображенскаго*, *Чекалова*) и гдѣ границею служитъ не рѣка Сакмара, а межи означенной дачи, на протяженіи 11 верстъ. Далѣе, не доходя 4-хъ верстъ до устья рѣки *Кайфажи* (правый притокъ Сакмары), граница войсковой территоріи уклоняется отъ рѣки Сакмары на юго-востокъ и идетъ чрезъ вершины рѣчки *Мечетки* почти въ прямомъ направленіи 17 верстъ, затѣмъ, поворотивъ влѣво, на востокъ ломаными линиями на протяженіи 18 верстъ, доходитъ до вершины рѣчки *Якт-Сика-Елги*, откуда спускается по теченію этой рѣчки на 6 верстъ и затѣмъ, поворотивъ опять на востокъ 2-мя линиями на протяженіи 5½ верстъ, доходитъ до рѣчки *Кара-Елги*, по которой вверхъ теченія граница идетъ на 7 верстъ, откуда, поворотивъ на юго-востокъ почти параллельно рѣки Урала, доходитъ на протяженіи 28 верстъ до рѣчки *Коноплянки*, а отсюда круто поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и, огибая связанную рѣчку на протяженіи

15 верстъ, доходить до рѣчки *Чебаклы*, при впаденіи въ нее рѣчки *Болшой Хмѣлевки*, затѣмъ вверху по рѣкѣ *Хмѣлевкѣ*, поднявшись на 6 верстъ, граница идетъ на юго-востокъ до пересѣченія р. *Губерли* при *Беркучьемъ Плесь* на протяженіи 12 верстъ, а съ пересѣченія рѣчки *Губерли*, граница направляется на сѣверо-востокъ, къ среднему теченію рѣчки *Турагъ*, дѣлая изгибъ параллельно рѣки Урала на протяженіи $74\frac{1}{2}$ верстъ, но, не доходя до упомянутой рѣчки $1\frac{1}{2}$ версты, поворачиваетъ къ востоку и, пройдя почти по прямому направленію 16 верстъ, отклоняется къ сѣверу и идетъ ломаными линіями, почти параллельно рѣки Урала, на протяженіи $216\frac{1}{2}$ верстъ, въ разстояніи отъ него 5—21 версты. На всемъ этомъ протяженіи къ войсковой территоріи прилегаютъ исключительно земли башкиръ. Перейдя затѣмъ рѣчку *Малый Кизилъ* около средняго его теченія, граница проходитъ также по смежности башкирскихъ земель и въ томъ же направленіи; сначала по этой рѣчкѣ 3 версты, потомъ по рѣкѣ *Тайсару* 8 верстъ, а далѣе идетъ чрезъ вершины рѣчки *Ямской*, дѣлѣе озеро *Большого* и *Малаго Бугадаки*, и пройдя отъ рѣчки *Тайсаръ* 38 верстъ, поворачиваетъ назадъ къ юго-западу, составивъ здѣсь острый уголъ на протяженіи $9\frac{1}{2}$ верстъ съ довольно узкимъ промежуткомъ между его сторонами; свернувъ отсюда къ сѣверо-востоку и прослѣдовавъ по этому направленію рѣчкой *Елшанкой* до впаденія ея въ рѣку Уралъ 8 верстъ, граница идетъ на сѣверъ, къ озеру *Гнилому* на протяженіи 30 верстъ, и обойдя последнее, направляется на юго-востокъ къ вершинамъ рѣчки *Суясы*, имѣя до 26 вер. протяженія. Отъ верховьевъ же названной рѣчки, граница войсковыхъ земель пролегаетъ сначала по направленію къ сѣверу и идетъ ломаными линіями чрезъ

верхнее теченіе рѣки *Уя* къ верховьямъ рѣки *Міаса*, а далѣе параллельно теченію этой послѣдней рѣки; потомъ, пройдя въ этомъ направленіи 104 версты и не доходя 1 версты до южной стороны пруда, устроеннаго при *Міасскомъ* заводѣ, поворачиваетъ на юго-востокъ и проходить почти въ прямомъ направленіи 12 версты; затѣмъ направляясь опять къ сѣверу, пролегаетъ по западнымъ берегамъ озеръ: *Чебаркульскаго*, *Кислячъ* и *Міасова*, на протяженіи $37\frac{1}{2}$ версты. Наконецъ обогнувъ послѣднее озеро, граница идетъ по теченію вытекающей изъ этого озера рѣки *Карасы*, въ направленіи къ востоку и, пройдя по упомянутой рѣкѣ 21 версту, уклоняется затѣмъ къ юго-востоку, слѣдуя почти въ прямомъ направленіи 28 версты. Съ этого мѣста, поворотивъ подъ острымъ угломъ къ сѣверо-западу, граница направляется къ рѣкѣ *Міасу* и идетъ почти прямою линіею на протяженіи $13\frac{1}{2}$ вер.; пересѣкши же рѣку *Міасъ* и отклонившись къ сѣверу, граничная черта проходитъ близъ лѣваго берега упомянутой рѣки, на протяженіи $35\frac{1}{2}$ версты, а потомъ, пересѣкши рѣки *Медіакъ* и *Эюельгу*, идетъ черезъ озеро *Кислячъ*, за которымъ, свернувъ на востокъ, пролегаетъ незначительными изгибами къ болотамъ *Исасъ*, на протяженіи $66\frac{1}{2}$ вер., чрезъ средину озера *Касаргинскаго* и близъ сѣверныхъ сторонъ озеръ *Урефтинскаго* и *Бороваго*. Отъ болотъ же *Исасъ* граница войсковыхъ земель поворачиваетъ къ юго-востоку и, пересѣкши рѣку *Міасъ*, проходитъ болѣе или менѣе значительными изломами мимо восточной стороны озера *Куясанъ* къ озеру *Сушма-Куль*, на протяженіи $32\frac{1}{2}$ версты; пройдя же отъ озера *Сушма-Куль* въ томъ же направленіи еще 6 версты, обращается прямо на западъ и идетъ незначительными изломами къ озеру *Большой Кулатъ*, но пройдя по этому направ-

ленію 18 $\frac{1}{2}$ верстъ и не доходя до упомянутого озера 40 сажень поворачиваетъ снова на югъ, а затѣмъ отклоняется къ юго-западу и пролегаетъ до озера *Кичибисъ* также болѣе или менѣе значительными изломами на протяженіи 102 $\frac{1}{2}$ верстъ; далѣе же поворачивъ на востокъ, идетъ къ устью рѣчки *Алабуги*, чрезъ верховья р. *Кочердыкъ*, озера *Большія Донки* и *Камышинос*, сначала параллельно рѣки Уя, а потомъ параллельно рѣки Тобола, удаляясь или приближаясь къ нимъ на 42—12 верстъ и дѣлая различныя изломы и изгибы на протяженіи 289 $\frac{1}{2}$ верстъ. На всемъ протяженіи, отъ вершины рѣчки *Суяль* и до устья рѣчки *Алабуги* съ войсковою территоріей граничатъ земли башкиръ, заводскія, нѣкоторыхъ частныхъ землевладѣльцевъ и государственныхъ крестьянъ Челябинскаго уѣзда.

Пересѣкши въ упомянутомъ выше направленіи рѣку Тоболъ и слѣдуя далѣе въ томъ же направленіи, по смежности земель государственныхъ крестьянъ Тобольской губерніи, сначала вверхъ по теченію рѣчки *Алабуги*, на протяженіи 24 $\frac{1}{2}$ верстъ, а затѣмъ нѣсколькими ломаными линіями на протяженіи 12 вер., граница войсковою территоріи выходитъ къ вершинамъ *Казеннаго* оврага и, поворачивъ отсюда на югъ, идетъ потомъ чрезъ такъ называемый *красный столбъ*, озеро *Шаврино*, къ озеру *Рябову*, по смежности съ землями Сибирскаго казачьяго войска и киргизъ *Акмолинской* области, на протяженіи 24 верстъ, затѣмъ, отклонившись къ юго-западу и пересѣкши среднее теченіе рѣчки *Алабуги* граница, пройдя въ этомъ направленіи 7 верстъ, поворачиваетъ къ сѣверо-западу и идетъ почти въ прямомъ направленіи 13 верстъ; далѣе же, поворачивъ къ юго-западу, пролегаетъ мимо озера *Глубокаго*, на протяженіи 16 верстъ, а потомъ

перерѣзавъ нижнее теченіе рѣчки *Алабуги* отклоняется къ сѣверо-западу на протяженіи 9 верстъ и выходитъ на рѣку *Тоболъ*, противу поселка *Озернаго*, откуда границею войсковыхъ земель служить сначала рѣка *Тоболъ*, вверхъ по его теченію, на протяженіи 69 верстъ, а за нимъ лѣвый притокъ его, рѣка *Уй*, также вверхъ по его теченію на протяженіи 67 вер., за исключеніемъ лишь дачи станицы *Усть-Уйской*, граница которой переходитъ частію на правый берегъ рѣки *Уя*, на протяженіи 10 верстъ. Не доходя же $4\frac{1}{2}$ верстъ до устья рѣчки *Тогузакъ*, граница войсковой территоріи идетъ отъ р. *Уя* по такъ называемой чертѣ непрерывнаго вала, параллельно теченію р. *Тогузакъ*, въ разстояніи отъ нея 4—8 верстъ, сначала на юго-западъ, а затѣмъ пройдя по этому направленію 93 версты, поворачиваетъ близъ озера *Ата-Майли* на юго-востокъ и пересѣкши р. *Большой Аятъ* въ среднемъ ея теченіи, направляется на юго-западъ къ нижнему теченію рѣчки *Джилжуаръ*, отъ которой, уклонившись еще западнѣе, идетъ къ р. *Ори* на протяженіи 385 верстъ, чрезъ верховья рѣчекъ *Берсуатъ Сыры-Сай Адарлы*, *Урусъ-Кисканъ* и *Джусы*, и, перерѣзавъ рѣчку *Кумакъ*, выходитъ на рѣку *Орь*, ниже устья р. *Миндыбай* на $3\frac{1}{2}$ версты, откуда площадь войсковыхъ земель и ограничивается уже сначала р. *Орю*, на протяженіи 38 верстъ, до слиянія ея съ рѣкой *Ураломъ*, затѣмъ рѣкой *Ураломъ*, внизъ по его теченію, до устья рѣчки *Солянки*, на протяженіи 338 верстъ, потомъ рѣчкой *Соляной* до устья р. *Бердянки*, на протяженіи 12 верстъ, далѣе рѣчкой *Бердянкой*, на протяженіи 50 верстъ, за нею линейною дорогою, на протяженіи $14\frac{1}{2}$ верстъ, затѣмъ рѣчками *Полукуралой* и *Куралой*, на протяженіи $21\frac{1}{2}$ версты, и наконецъ рѣкой *Илекомъ* внизъ по его теченію, до устья

рѣчки *Большой Песчанки* на протяженіи 190 верстъ. Отъ озера *Рябова* до устья рѣчки *Ходбы* (лѣвый притокъ р. Илека) войсковая территория граничитъ съ землями киргизъ Тургайской области, а далѣе до устья рѣчки *Большой Песчанки* съ землями киргизъ Уральской области.

II. Пространство губерніи.

Оренбургская губернія занимаетъ громадную площадь въ 3475 кв. миль или въ 168155 кв. верстъ и могла бы свободно вмѣстить въ своихъ предѣлахъ всѣ мелкія государства средней Европы, входящія въ составъ Германской Имперіи, не исключая изъ этого числа и двухъ королевствъ—Баваріи и Саксоніи, изъ которыхъ первое заняло бы немного болѣе одной трети, а второе менѣе одной двѣнадцатой губернской территоріи.

Въ частности пространство каждого изъ уѣздовъ губерніи, равно какъ и земли Оренбургскаго казачьяго войска представляется въ квадратныхъ миляхъ, верстахъ и километрахъ цифрами нижеслѣдующей таблицы.

Таблица пространства, занимаемаго уѣздами Оренбургской губерніи:

Уѣзды:	□ вер.	□ миль.	□ кил.
Оренбургскій	32399,1	669,61	36871,1
Орскій	37791,1	781,05	43007,0
Верхнеуральскій	47176,2	975,02	53687,5
Троицкій	16424,1	339,45	18690,9
Челябинскій	34364,6	710,24	39107,6
	168155,1	3475,37	191364,1

Генерал-Губернаторскій дом

Волости и станицы Оренбургской губернии.

Оренбургскій уѣздъ

Ближайшая почтовая
станція.

В о л о с т и :

1) Абрамовская	Покровское.
2) Аллабердинская	Ташла.
3) Александровская	Дѣдово.
4) Алексѣевская	Михайловское.
5) Бурзянская	Ермолаевская.
6) Бурзянъ Кипчакская	Семакино.
7) Бушманъ-суунъ-карак.	Ташла.
8) Бѣлозерская	Дѣдово-Бѣлозерская.
9) Васильевская	Дмитріевская.
10) Дмитріевская	Т о ж е.
11) Добринская	Т о ж е.

Справочный отдѣлъ.

12) Зобовская	Михайловская.
13) Ивановская	Ивановская.
14) Илецкая	Илецкая Защита.
15) Имангуловская	Дѣдово.
16) Исаяевская	Т о ж е.
17) Каликинская	Михайловская.
18) 1-я Каракипчакская	Мраково.
19) 2-я Каракипчакская	Ташла.
20) Кипчакская	Покровская.
21) Кургазинская	Ермолаевская.
22) Михайловская	Михайловская.
23) Никольская	Дѣдово.
24) Новобашкирская	Михайловская.
25) Новотроицкая	Дѣдово.
26) Павловская	Павловка.
27) Петровская	Петровская.
28) Покровская	Покровская.
29) Разномойская	Разномойская.
30) Репьевская	Ермолаевская.
31) Рождественская	Михайловская.
32) Романовская	Тоже Романовская.
33) Сеитовская	Сеитовскій посадъ.
34) Семено-Петровская	Михайловская.
35) Софійская	Тоже Софійская.
36) Спасская	Семакино.
37) Таймасовская	Дѣдово.
38) Ташлинская	Ташла.
39) Юма-гузинская	Мраково.

С т а н и ц ы :

1) Богуславская	Илецкая Защита.
2) Буранная	Т о ж е.
3) Городищенская	Черезъ г. Оренбургъ.
4) Донецкая	Ст. Сыртъ, Ташк. ж. д.
5) Каменно-озерная	Каменно-Озерная.
6) Кардаиловская	Нижне-Озерная.
7) Краснохолмская	Т о ж е.

8) Линевакая . . .	Илецкая Защита.
9) Нижне-озерная . . .	Нижне-Озерная.
10) Пречистенская . . .	Каменно-Озерная.
11) Оренбургская . . .	
12) Павловская . . .	Черезъ г. Оренбургъ.
13) Разсыпная . . .	Нижне-Озерная.
14) Сакмарская . . .	Черезъ г. Оренбургъ.
15) Татищевская . . .	Ст. Переволочъ, Т. ж. д.

Орскій уѣздъ.**В о л о с т и:**

1) 1-я Бурзянская . . .	Преображенская.
2) 2-я Бурзянская . . .	Темясово.
3) 3-я Бурзянская . . .	Т о ж е.
4) Бурзяно-Таналыкская . . .	Таналыкъ-Байманъ.
5) Карагай Кипчацкая . . .	Темясово.
6) Бананикольская . . .	Бананикольское.
7) Преображенская . . .	Преображенская.
8) Ново-Покровская . . .	Ново-Покровская.
9) Салиховская . . .	Поляковская.
10) Самарская . . .	Гор. Орскъ.
11) Тангауровская . . .	Т о ж е.
12) 1-я Усерганская . . .	Верхне Озерная.
13) 2-я Усерганская . . .	2-я Усерганская.
14) 3-я Усерганская . . .	Гор. Орскъ.
15) 4-я Усерганская . . .	Т о ж е.
16) 5-я Усерганская . . .	Ильинская.
17) 6-я Усерганская . . .	Гор. Орскъ.
18) Усергано-Хайбулинск. . .	Т о ж е.
19) Федоровская . . .	Т о ж е.

С т а н и ц ы:

1) Воздвиженская . . .	Верхне-Озерная.
2) Гирьяльская . . .	Т о ж е.
3) Ильинская . . .	Ильинская.

4) Кваркенская . . .	Кваркенская.
5) Ново-Орская . . .	Гор. Орскъ.
6) Таналыкская . . .	Таналыкская.

Верхнеуральскій уѣздъ.**В о л о с т и:**

1) Авзяно-Петровская . . .	Авзяно-Петровская.
2) Бѣлорѣцкая . . .	Бѣлорѣцкая.
3) Катайская . . .	Ст. Бѣлорѣцкая.
4) Кублякъ Телевская . . .	Т о ж е.
5) Кагинская . . .	Т о ж е.
6) Ломовская . . .	Т о ж е.
7) Тирлянская . . .	Тирлянская.
8) Тамьяно-Тангауровск. . .	Магнитная.
9) Тептиро-Учалинская . . .	Ахуновская.
10) Узинская . . .	Бѣлорѣцкая.

С т а н и ц ы:

1) Березинская . . .	Степная.
2) Верхне-Уральская . . .	Гор. Верхне-Уральскъ.
3) Великопетровская . . .	Велико-Петровская.
4) Кизильская . . .	Кизильская.
5) Карагайская . . .	Ахуновская.
6) Магнитная . . .	Магнитная.
7) Могутовская . . .	Могутовская.
8) Наслѣдницкая . . .	Кваркенская.
9) Николаевская . . .	Велико-Петровская.
10) Наваринская . . .	Гор. Верхне-Уральскъ.
11) Полоцкая . . .	Ст. Магнитная.

Троицкій уѣздъ.**В о л о с т и:**

1) Байсакаловская . . .	Поляковская.
2) Вознесенская . . .	Ст. Вознесенская.
3) Екатерининская . . .	Косельская.

4) Кваркенская	Кваркенская.
5) Ново-Орская	Гор. Орскъ.
6) Таналыкская	Таналыкская.

Верхнеуральскій уѣздъ.**В о л о с т и:**

1) Авзяно-Петровская . .	Авзяно-Петровская.
2) Бѣлорѣцкая	Бѣлорѣцкая.
3) Катарская	Ст. Бѣлорѣцкая.
4) Кублякъ Телевская . .	Т о ж е.
5) Катинская	Т о ж е.
6) Ломовская	Т о ж е.
7) Тирлянская	Тирлянская.
8) Тамьяно-Тангауровск.	Магнитная.
9) Тептиро-Учалинская . .	Ахуновская.
10) Узинская	Бѣлорѣцкая.

С т а н и ц ы:

1) Березинская	Степная.
2) Верхне-Уральская . . .	Гор. Верхне-Уральскъ.
3) Великопетровская . . .	Велико-Петровская.
4) Кизильская	Кизильская.
5) Карагайская	Ахуновская.
6) Магнитная	Магнитная.
7) Могутовская	Могутовская.
8) Наслѣдницкая	Кваркенская.
9) Николаевская	Велико-Петровская.
10) Наваринская	Гор. Верхне-Уральскъ.
11) Полоцкая	Ст. Магнитная.

Троицкій уѣздъ.**В о л о с т и:**

1) Байсакаловская	Поляковская.
2) Вознесенская	Ст. Вознесенская.
3) Екатерининская	Косельская.

4) Егорьевская	Гор. Троицкъ.
5) Кирябинская	Поляковская.
6) Константиновская	Кочкаръ.
7) Миасская	Миассъ.
8) Поляковская	Поляковская.
9) Сыроганская	Миассъ.
10) Сызгинская	Т о ж е.
11) Турганская	Т о ж е.
12) Тунгатаровская	Поляковская.

Станции:

1) Кособродская	Гор. Троицкъ.
2) Кундровинская	Кундровинская.
3) Коельская	Коельская.
4) Ключевская	Гор. Троицкъ.
5) Михайловская	Т о ж е.
6) Нижнеуельская	Т о ж е.
7) Степная	Степная.
8) Травниковская	Травниковская.
9) Уйская	Уйская.

Челябинскій уѣздъ.

Волости:

1) Андреевская	Гор. Челябинскъ.
2) Бѣлоярская	Бѣлоярская.
3) Воскресенская	Воскресенская.
4) Введенская	Введенская.
5) Долговская	Куртамышъ.
6) Заманиловская	Усть-Уйская.
7) Ичкинская	Шумиха, Сиб. ж. д.
8) Ивановская	Мишкино, Сиб. ж. д.
9) Катайская	Шумиха, Сиб. ж. д.
10) Карасевская	Чумлякская.
11) Карасинская	Карасинская.
12) Каменная	Шумиха, Сиб. ж. д.

13) Карачельская . . .	Карачельская.
14) Кипельская . . .	Юргамышъ, Сиб. ж. д.
15) Коровинская . . .	Ст. Мишкино, Сиб. ж. д.
16) Куртамышевская . . .	Куртамышъ, Сиб. ж. д.
17) Кислянская . . .	Юргамышъ, Сиб. ж. д.
18) Каменская . . .	Звѣриноголовская.
19) Косулинская . . .	Челябинскъ.
20) Кочердыкская . . .	Бочердыкская.
21) Метелевская . . .	Гор. Челябинскъ.
22) Мухаметкуловская . . .	Т о ж е.
23) Маслейская . . .	Мишкино, Сиб. ж. д.
24) Ново-Бочердыкская . . .	Усть-Уйская.
25) Обанинская . . .	Куртамышъ.
26) Окуневская . . .	Введенская.
27) Итиченская . . .	Шумиха, Сиб. ж. д.
28) Рижская . . .	Карачельская.
29) Бултаевская . . .	Гор. Челябинскъ.
30) Сартъ-Калмыкская . . .	Щучье.
31) Сухоборская . . .	Чумлякская.
32) Становская . . .	Звѣриноголовская.
33) Таловская . . .	Таловская.
34) Черлинская . . .	Гор. Челябинскъ.
35) Чумлякская . . .	Чумлякская.
36) Шаламовская . . .	Введенская.

Станции:

1) Березовская . . .	Березовская.
2) Долгодеревенская . . .	Гор. Челябинскъ.
3) Еткульская . . .	Т о ж е.
4) Звѣриноголовская . . .	Звѣриноголовская.
5) Миасская . . .	Миасская.
6) Усть-Уйская . . .	Усть-Уйская.
7) Челябинская . . .	Гор. Челябинскъ.

Народонаселеніе.

По даннымъ 1912 года, численность населенія губерніи достигаетъ 2,231,826 душъ обоего пола, а приростъ населенія составляетъ 3% общей численности предыдущаго года. Указанное число жителей распределяется по городамъ и уѣздамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ г. Оренбургѣ	77549 м.	68275 ж.
» Оренбургскомъ уѣздѣ	306409 »	309645 »
» Орскѣ	10698 »	10492 »
» Орскомъ уѣздѣ	142883 »	140742 »
» Верхнеуральскѣ	7226 »	7693 »
» Верхнеуральскомъ уѣздѣ	148896 »	144793 »
» Троицкѣ	19077 »	18921 »
» Троицкомъ уѣздѣ	110662 »	111938 »
» Челябинскѣ	34015 »	33429 »
» Челябинскомъ уѣздѣ	256613 »	259487 »
Безуѣздн. г. Илецк. Защита	6306 »	6082 »

В С Е Г О:

Въ городахъ	154866 »	144892 »
» уѣздахъ	965463 »	966605 »
» губерніи	1,120,329 »	1,111,497 »

Земледѣльческая промышленность.

А. Посѣвная площадь. Въ 1912 году общая площадь подъ главнѣйшими хлѣбами опредѣлялась въ 1,497,409 десятинъ.

По роду посѣянныхъ хлѣбовъ площадь посѣва въ 1912 году распределялась слѣдующимъ образомъ: было засѣяно озимой рожью—123657 д., озимой пше -

Справочный отделъ.

ницей 287 д. яровой рожью 7556 д., яровой пшеницей 987196 д., овсомъ 316941 д., ячменемъ 33783 д., полбой 15 д., просомъ 25068 д., горохомъ 2906 д.

Б. Сборъ хлѣбовъ. Съ указанной площади по даннымъ Статистическаго Комитета въ 1912 году въ Оренбургской губернии собрано:

Продовольственныхъ хлѣбовъ . . 50,784,332 пуд.
Овса 7,673,786 »

Скотоводство.

Успѣшность развитія скотоводства въ 1912 году, по сравненію съ предшествовавшими, обнаруживается изъ слѣдующихъ данныхъ:

Г о д ы.	Общее количество скота въ губерніи.
1908	3414361
1909	3769618
1910	3662144
1911	2303977
1912	2504123

Такъ какъ въ 1912 году жителей обоого пола въ губерніи насчитывается 2231826, то на каждую сотню жителей приходится среднимъ числомъ 112 головъ скота.

Династія Романовыхъ

1. Михаилъ Федоровичъ (1613-1645)
2. Алексей Михайловичъ (1645-1676)
3. Федоръ Алексеевичъ (1676-1682)
4. Софья Алексеевна (1682-1689)
5. Петр I Алексеевичъ (1689-1725)
6. Екатерина I Алексеевна (1725-1727)
7. Петр II Алексеевичъ (1727-1730)
8. Анна Иоанновна (1730-1740)
9. Иван VI Антоновичъ (1740-1741)
10. Елизавета Петровна (1741-1761)
11. Петр III Федоровичъ (1761-1762)
12. Екатерина II Алексеевна (1762-1796)
13. Павел I Петровичъ (1796-1801)
14. Александр I Павловичъ (1801-1825)
15. Константин Павловичъ (1825-1825)
16. Николай I Павловичъ (1825-1855)
17. Александр II Николаевичъ (1855-1881)
18. Александр III Александровичъ (1881-1894)
19. Николай II Александровичъ (1894-1917)

Табель о рангах по состоянию на 1917 год

Классы	Армейская пехота, артиллерия и инженерные войска	Армейская кавалерия	Казачьи войска	Гвардейская пехота, артиллерия и инженерные войска	Гвардейская кавалерия	Военно-морской флот	Гражданские чины	Придворные чины
1	Генерал-фельдмаршал					Генерал-адмирал	Канцлер, действительный тайный советник 1 класса	
2	Генерал от инфантерии, генерал от артиллерии, инженер-генерал	Генерал от кавалерии				Адмирал	Действительный тайный советник	Обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-гофмейстер, обер-шенк, обер-шталмейстер, обер-егермейстер, обер-форшнейдер
3	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант				Вице-адмирал	Тайный советник	Гофмейстер, гофмаршал, шталмейстер, егермейстер, обер-церемониймейстер
4	Генерал-майор	Генерал-майор				Контрадмирал	Действительный статский советник	Камергер
5							Статский советник	Камер-юнкер, Церемониймейстер
6	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Капитан 1 ранга	Коллежский советник	
7	Подполковник	Подполковник	Войсковой старшина	Капитан	Ротмистр	Капитан 2 ранга	Надворный советник	
8	Капитан	Ротмистр	Есаул	Штабс-капитан	Штаб-ротмистр	Старший лейтенант	Коллежский асессор	
9	Штабс-капитан	Штаб-ротмистр	Подъесаул	Поручик	Поручик	Лейтенант	Титулярный советник	
10	Поручик	Поручик	Сотник	Подпоручик	Корнет	Мичман	Коллежский секретарь	
11							Корабельный секретарь	
12	Подпоручик	Корнет	Хорунжий				Губернский секретарь	
13	Прапорщик запаса							
14							Коллежский регистратор	

Краткий словарь военно-исторических терминов

АВАНГАРД	- передовой отряд; часть войск, выдвинутая на походе для прикрытия главных сил, для ведения разведки, захвата выгодных точек на местности и т.д.
АВАНПОСТ	- передовой пост или линия передовых постов; в широком смысле - все части сторожевого охранения
АГЕНТ	- лицо, которому поручено дело от какого-либо правительства, низшая степень поверенного одного государства при другом
АРСЕНАЛ	- учреждение для хранения, ремонта и сборки вооружения и боеприпасов. До конца XIX века занималось в основном производством вооружения и боеприпасов
АРЬЕРГАРД	- часть войск, предназначенная для прикрытия тыла главных сил армии, задержки наступающего противника, разрушения мостов, переправ, дорог и т.д.
БУНЧУК	- знак власти и достоинства турецких пашей в виде древка с золочёным наконечником и с прикреплением под ним одним или несколькими пучками волос из хвоста лошади или буйвола

ВИЗИРЬ (ВЕЗИРЬ)	- сановник, чиновник высшего ранга Турции; великий визирь - военный министр в Турции
ВОЕВОДА	- высшая административная должность в местном управлении, в которой соединялись функции гражданского и военного управления
ГАЛЕРА	- военное гребное судно, применявшееся до конца XVIII века
ГЕНЕРАЛ-КВАРТИРМЕЙСТЕР	- высшее должностное лицо в армии, ведавшее передвижениями и расквартированием войск, составлением боевых документов (планов боевых действий, разведкой и т.д.)
ГЕНЕРАЛ-АДЬЮТАНТ	- почётное звание высших военных чинов, зачисленных в свиту царя. С 1808 года присваивалось, как правило, полным генералам и генерал-лейтенантам
ГЛАСНЫЙ	-лицо, избранное в земское собрание; депутат
ГРЕНАДЁР	- в XVI веке солдат, предназначавшийся для метания ручных гранат; гранадёры – особый вид пехоты, имевший назначение усиливать боевой порядок на флангах; впоследствии отборная часть пехоты
ГУСАРЫ	- разновидность лёгкой кавалерии
ДВОРЯНСКИЙ ПОЛК	- учебно-воспитательное заведение для ускоренной подготовки в офицерские чины дворян, достигших шестнадцатилетнего возраста; существовало с 1808 по 1855 год в Санкт-Петербурге
ДЕПО КАВАЛЕРИЙСКОЕ ДЕТАШМЕНТ	- запасная часть, где производится выездка ремонтных лошадей для кавалерийских полков
ДРАГУНЫ	- отряд
ЕГЕРЯ	- первоначально конная пехота, позже кавалерия, действующая в конном и пешем строю
ИНСПЕКЦИЯ	- солдаты легкой пехоты, обученные меткой стрельбе в рассыпном строю
ИНФАНТЕРИЯ	- территориально-административное войсковое объединение во второй половине XVIII - начале XIX веков, включала в себя все роды войск. В 1796 году их было двенадцать, в 1800 - четырнадцать
КАВАЛЕРГАРД	- пехота
КАРЕ	- солдаты привилегированного конного полка русской армии
КИРАСИРЫ	- боевой порядок, представляющий собой сомкнутый строй в виде четырёхугольника; применялся для отражения кавалерийских атак
КОМИССАРИАТ	- тяжелая кавалерия, носившая кирасы (металлические латы)
КОНФИНДЕНТ	- ведомство снабжения армии денежным обозно-вещевым довольствием
ЛАВА	- доверенное лицо, тайный агент
ЛЮНЕТ	- боевой порядок казачьей конницы
МУШКЕТЕРЫ	- полевое открытое укрепление
ОБСЕРВАЦИЯ	- солдаты, вооруженные мушкетами; позже так назывались солдаты, вооруженные фузеями
ПИКИНЕРЫ	- наблюдение
ПИОНЕРЫ	- род лёгкой кавалерии
ПИКЕТЫ	- сапёры
РЕТИРАДА	- посты сторожевого охранения, равносильные заставам
РЕДУТЫ	- отступление
РЕТРАНШЕМЕНТ	-отдельные сомкнутые земляные укрепления, занимаемые артиллерией и гарнизоном
РУНД	- внутренняя оборонительная ограда в крепости, укреплённый лагерь
УЛАНЫ	- офицер, назначенный для поверки постов во время несения караульной службы
	- легкая кавалерия

ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ	- адъютант царя, назначенный лично им из состава штаб-офицеров
ФЛЕШЬ	- земляное укрепление в форме тупого угла
ФУЗЕЯ	- кремневое ружьё
ЦИТАДЕЛЬ	- центральная часть крепости
ЦЕЙХГАУЗ	- склад войсковой части
ШТАНДАРТ	- знамя кавалерийской части
ШТУЦЕР	- укороченное нарезное ружьё, которым вооружались унтер-офицеры и лучшие стрелки в егерских полках

Литература

- И. К. Кирилов** ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 1,2, 5, 6
Рычков П. И. История Оренбургская. - Оренбург, 1896
Чернавский Н. М. Оренбургская епархия в её прошлом и настоящем. - Оренбург, 1900
Столянский П.Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. - Оренбург, 1908
Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. - М., 1949
Соловьёв С. М. Сочинения. - Т.12. - М.: Мысль, 1993
Кузьмин А. Г. Ревнитель Отечества // Любовь и Восток. - М., 1994
Семёнов В. Г. Ломоносов, ты не священник // Вечерний Оренбург. - 1996. - 28 ноября
- В. Н. Татищев** ГАОО. Ф.1. Оп. 1. Д. 5
ГАОО. Ф.2. Оп. 1. Д. 4, 10
Столянский П.Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. - Оренбург, 1908
Кузьмин А.Г. Татищев. - М., 1987
Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И. К. Кирилов и В. Н. Татищев. - М., 1949
Большая Энциклопедия. - Т.18. - СПб., 1909
- В.А.Урусов** *Витевский В.В.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758. - Казань, 1897
Рычков П. И. История Оренбургская. - Оренбург, 1896
Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. - Челябинск, 1968
Дворянские роды Российской империи. - Т. 3. -М., 1996
- Л. Я. Соймонов** ГАОО.Ф.2.Оп.1.Д. 1
Витевский В. В. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758. - Казань, 1897
Рычков П.И. История Оренбургская. - Оренбург, 1896
Гудков Г. Ф., Гудкова З.И. С. Т. Аксаков: семья и окружение. - Уфа, 1991

- И. И. Неплюев** ГАОО. Ф.3. Оп. 1. Д. 1,2
Витевский В.В. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758. - Казань, 1897
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1903: Вып. 3. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Русский биографический словарь. - СПб., 1914
Соловьёв С.М. Сочинения. - Т.9 - 13. - М., 1993
Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу... - Оренбург, 1915
Дорофеев В.В. Возили золото пудами // Любовь и Восток. - М., 1994
- А. Р. Давыдов** ГАОО. Ф.3. Оп. 1. Д. 49
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1903: Вып. 3. - Оренбург, 1907: Вып. 7
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Оренбург, 1901: Вып. 16
Соловьёв С.М. Сочинения. - Т.25 - 26 - М., 1994
Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу... - Оренбург, 1915
- Д. В. Волков** Записки императрицы Екатерины Второй. - СПб., 1907
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1903: Вып. 3. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Оренбург, 1901: Вып. 16
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. - Т. 3. - М., 1993
Керсновский А. А. История русской армии. - Т.1.-М., 1992
Румянцев П.А. Документы. - Т. 1.-М., 1953
Соловьёв С. М. Сочинения. - Т.23-26, 29. - М., 1994-1995
Вертоусова Е. Г. Неизвестный губернатор // Оренбуржье. - 1993. - 13 апреля
Вертоусова Е. Г. Оренбургский губернатор Д. В. Волков // История и культура славян Южного Урала. - Оренбург, 1995
Рудакова С. А. Д. В. Волков тайный секретарь Петра III // Русская старина. - 1874.-Январь
- А. А. Путятин** ГАОО. Ф.3. Оп.1.Д. 77
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Оренбург, 1901: Вып. 16
 Полное собрание законов Российской империи. - Т. 17. - № 12801, № 12945
Соловьёв С. М. Сочинения. - Т. 15. - М., 1993
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1903: Вып. 3. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
 Материалы по истории Башкирской АССР. - Т.4. - 4.2. - М., 1956
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. - Т.51. - СПб., 1899
Дворянские роды Российской империи. - Т. 1. - СПб., 1993
Семёнов В. Г. Заботился о приумножении и процветании оренбургского купечества // Вечерний Оренбург. - 1997. - 26 июня

- И. А. Рейнсдорп** ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д. 87, 112, 199
Овчинников Р.В. За пушкинской строкой. - Челябинск, 1988
Дубровин Н. Ф. Пугачёв и его сообщники. - Т.2.- СПб., 1884
Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. - СПб., 1891
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1904: Вып. 4. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Дорофеев В. В. Над Уралом-рекой. - Челябинск, 1968
Мамонов В. Ф., Кобзов В. С. Пограничная линия. - Челябинск, 1992
Вертоусова Е. Г. Начертано монаршею рукой // Вечерний Оренбург. - 1996. - 31 октября
Вертоусова Е. Г. И. А. Рейнсдорп - губернатор времени пугачёвщины // Оренбургская неделя. - 1993. - 4 октября
- И. В. Якоби** Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Оренбург, 1901: Вып. 16
Потто В. А. Кавказская война. - Т.1. - Ставрополь, 1994
Кутузов М. И. Документы. - Т.1. - М., 1950
 Декабристы. Биографический справочник.- М., 1988
Семёнов В.Г. Короткое время – яркий след // Вечерний Оренбург. - 1997. - 3 апреля
- А. И. Апухтин** ГАОО. Ф.5. Оп.1. Д. 5, 12, 16
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. - Т.1. - Биографии. - М., 1991
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Добросмыслов А.И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Оренбург, 1901: Вып. 16
 Румянцев П.А. Документы. - Т.1 - 2. - М., 1953
- О. А. Игельстром** ГАОО.Ф.5. Оп.1.Д. 1
 ГАОО. Ф.4. Оп.1. Д. 1,2
 Военная энциклопедия. - Т.10. - СПб., 1912
 Русский биографический словарь. - СПб., 1897
Лобысевич Ф.И. Главные начальники Оренбургского края // Военный сборник. - 1871. - № 5
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Соловьёв С. М. Сочинения. - Т.16. - М., 1995
Румянцев П. А. Документы. - Т.1 - 2. - М., 1953
Керсновский А. А. История русской армии.- Т.1.-М., 1992
Семёнов В. Г. Штрихи к портрету *О. А. Игельстрома* // Оренбургская неделя. - 1993. - 12 марта

- А. А. Пеутлинг** ГАОО. Ф.6. Оп.2. Д. 1423, 1513, 1580, 1626, 1826
 ГАОО. Ф.6. Оп. 3. 4.1. Д. 0583, 4861
 ГАОО. Ф.6. Оп. 3. 4.2. Д. 5429
 ГАОО. Ф.6. Оп. 4. Д. 7692
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Оренбург, 1901: Вып. 16
Алекторов А. Е. Очерк народного образования Тургайской области. - Оренбург, 1900
Румянцев П. А. Документы. - Т.1 - 2. - М., 1953
- С. К. Вязмитинов** ГАОО.Ф.4.Оп.1.Д.4
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. - Т. 3. - Биографии. - М., 1993
 Военная энциклопедия. - Т.7. - СПб., 1912
 Советская военная энциклопедия. - Т.2. - М., 1976
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Оренбург, 1901: Вып. 16
Болотов Л. Т. Записки очевидца: Воспоминания. Дневники. Письма. - М., 1990
Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков: семья и окружение. - Уфа, 1991
Державин Г. Р. Собрание сочинений. - Т.5. - СПб., 1871
Кутузов М. И. Письма. Записки. - М., 1989
Семёнов В. Г. Первый военный министр // Вечерний Оренбург. - 1997. - 9 января
- Н. Н. Бахметев** *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. - Т.1. - Биографии. - М., 1993
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Оренбург, 1901: Вып. 16
 Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды ОУАК. - Оренбург, 1907: Вып. 18
Вертоусова Е. Г. Доставить просвещенных чиновников // Вечерний Оренбург. - 1995. - 2 ноября
Витевский В. В. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. - Казань, 1897

- Г. С. Волконский** ГАОО. Ф.6. Оп.2. Д. 1973
 ГАОО. Ф.6. Оп. 3. 4.1. Д. 4604
 ГАОО. Ф.6. Оп.2. 4.2. Д. 5428, 5641
 Военная энциклопедия. - Т.7. - СПб., 1912
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. - Т.13. - СПб., 1992
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1907: Вып. 7-8
Добросмыслов А.И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Оренбург, 1901: Вып. 16. - Тверь, 1902: Вып. 17
Лобысевич Ф.И. Главные начальники Оренбургского края // Военный сборник. - 1871. - № 5
 Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды ОУАК. - Оренбург, 1907: Вып. 18
Румянцев П.А. Документы. - Т.2. - М., 1953
Суворов А.В. Документы. - Т. 3. - М., 1952
Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. - Т.46. - М., 1992
Семёнов В.Г. Неутомимый Волконский // Вечерний Оренбург. - 1996. - 5 декабря
 Архив декабриста Волконского. - Т.1. - Ч.1.-Петроград, 1918
- П. К. Эссен** ГАОО. Ф.6. Оп. 3. 4.2. Д. 5481, 5504, 6736
 ГАОО. Ф.6. Оп.4. 4.2. Д. 9645, 9673
 Русский биографический словарь. - СПб., 1912
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1910: Вып. 9
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Тверь, 1902: Вып. 17
 Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды ОУАК. - Оренбург, 1907: Вып. 18
 Полный свод Законов Российской Империи. - Т.37: № 28. - Т.44: отд.б
Семёнов В. Г. Всегда употребляем для действительной службы // Вечерний Оренбург. - 1997. - 16 января
 Родина. - 1992. - № 6, 7
Степаненко Н. Миссия Негри // Вечерний Оренбург. - 1995. - 31 сентября
 Труды ОУАК. - Оренбург, 1906: Вып. 16
- Е. А. Головин** ГАОО. Ф.6. Оп.4. Д. 9673
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. - Т.4. - Биографии. - М., 1993
 Военная энциклопедия. - Т.2. - СПб., 1996
- П. К. Сухтелен** ГАОО. Ф.6. Оп.4. Д. 9711, 10601/3, 10638
 ГАОО. Ф.6. Оп.7. Д. 772
 Русский биографический словарь. - СПб., 1912
Лобысевич Ф. И. Главные начальники Оренбургского края // Военный сборник.-1871.- № 5
 Труды ОУАК. - Оренбург, 1901: Вып. 9
 Энциклопедия военных и морских наук. Леера. - Т.7. - СПб., 1894
 Из записной книжки Сухтелена // Рус. Архив. -1876. - №3

- В. А. Перовский** ГАОО. Ф.6. Оп.4. Д. 10993
 ГАОО. Ф.6. Оп.6. 4.2. Д. 13394
 ГАОО. Ф.6. Оп.6. 4.2. Д. 14140
 ГАОО. Ф.6. Оп.7. Д. 774
 ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д. 14193/8
 Русский биографический словарь. - СПб., 1912
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1911 - 1913: Вып. 9-11
 Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды ОУАК. - Оренбург, 1907: Вып. 18
Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. - Челябинск, 1977
Нурмухамедов М. К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. - Ташкент, 1985
Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. - М., 1986
- В. А. Обручев** ГАОО. Ф.6. Оп.6. Д. 12351, 12548, 12554, 12859
 Военная энциклопедия. - Т. 17. - Петроград, 1914
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Тверь, 1902: Вып. 17
 Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1912: Вып. 10
 Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды ОУАК. - Оренбург, 1907: Вып. 18
 Записки Н. Г. Залесова // Рус. старина. - 1903.- Т.114
Столянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. - Оренбург, 1908
Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает. - М., 1986
Обручев В. А. За тайнами Плутона. - М., 1986
 Декабристы. Биографический справочник. - М., 1988
- А. А. Катенин** ГАОО. Ф.6. Оп.6. 4.2. Д. 13502, 13961
 Военная энциклопедия. - Т.12. - СПб., 1911
 Русский биографический словарь. - СПб., 1897
 Записки Н. Е. Залесова // Рус. старина. - 1903.- Т.115
Добросмыслов А.И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Тверь, 1902: Вып. 17
 Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды ОУАК. - Оренбург, 1907: Вып. 18
Нурмухамедов М.К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. - Ташкент, 1985
Юдин М.Л. Положение торговли со среднеазиатскими ханствами // Труды ОУАК. - Оренбург, 1901: Вып.9
Семёнов В.Г. Справедливый Катенин // Вечерний Оренбург. - 1987. - 24 июля
 Переписка А. А. Катенина и А. Д. Столыпина // Гостиный Двор. - Оренбург, 1999. - № 7

- П. А. Безак** ГАОО. Ф.41.Оп.1.Д. 143
Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. - Т.1. - Биографии. - М., 1991
Лобысевич Ф.И. Город Оренбург: Историко-статистический очерк. - СПб., 1878
Лобысевич Ф.И. Главные начальники Оренбургского края // Военный сборник.-1871.-№ 5
 Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды ОУАК. - Оренбург, 1907: Выш.18
 Записки Н. Г. Залесова // Рус. старина. - 1903.- Т.115
Добросмыслов А.И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Тверь, 1902: Вып. 17
Семёнов В. Г. Первый почётный гражданин // Любовь и Восток. - М., 1994
Юдин М. Л. Положение торговли со среднеазиатскими ханствами // Труды ОУАК. - Оренбург, 1901: Вып.9
Григорьев А.А. Сочинения. - Т.2. - М., 1990
Семёнов В. Г. Пропавший губернатор // Вечерний Оренбург. - 1995. - 1 июня
- Н. А. Крыжановский** ГАОО. Ф.6. Оп.6. 4.2. Д. 14185, 14437, 14438, 14440, 14441, 14472, 14605
 Русский биографический словарь. - СПб., 1903
Добросмыслов А. И. Тургайская область // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. - Тверь, 1902: Вып. 17
 Записки Н. Г. Залесова // Рус. старина. - 1903.- Т.115
 Записки генерал-майора И. В. Чернова // Труды ОУАК. - Оренбург, 1907: Вып. 18
Судоргина Т. В. Самая опасная часть нищих - дети // Вечерний Оренбург. - 1995. -13 апреля
Семёнов В. Г. Второй почётный // Вечерний Оренбург. - 1996. - 24 октября
 Дневник П. А. Валуева, Министра внутренних дел 1865 - 1876 гг. - Т.2. - М., 1963
 История Казахской ССР. - Т. 1. - Алма-Ата, 1949
 Севастополь и его защитники в 1855 году //Рус. старина. - 1886. - Т.50
- М. И. Астафьев** ГАОО. Ф.11а. Оп.14. Д. 343
 ГАОО. Ф.6. Оп. 6. 4.2. Д. 14591/1
Стариков Ф. М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1891
Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу... - Оренбург, 1915
 Оренбургские губернские ведомости. - 1884.-Июнь.- № 26
Семёнов В. Г. Оренбург - флоту // Оренбургское время. - 1996. - 16 августа
- Н. А. Маслаковец** ГАОО. Ф.11а. Оп.14. Д. 343
 Труды ОУАК. - Оренбург, 1911: Вып.23
 Столетие военного Министерства 1802 - 1902 г. - Т. 11 / Главное управление казачьих войск. - 4.2. - СПб., 1907
Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу... - Оренбург, 1915
 Список генералам по старшинству. - СПб., 1902
 Оренбургская газета. -1908. -10 февраля
- В. И. Ершов** ГАОО. Ф.10. Оп.1.Д. 101
Попов А.В. Указатель законоположений, касающихся Оренбургского края. - Оренбург, 1899
Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу... - Оренбург, 1915
 Список генералам по старшинству. - СПб., 1897
Семёнов В.Г. Губернатор-гуманист // Вечерний Оренбург. - 1997. - 30 марта

Я. Ф. Барабаш

ГАОО. Ф.11а. Оп. 14а. Д. 45
ГАОО. Ф.10. Оп. 4. Д. 10/4
Добросмыслов А. И. Генерал-лейтенант
Я. Ф. Барабаш // Тургайские областные ведомости. - 1899. - № 43
Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу... - Оренбург, 1915
Военная энциклопедия. - Т.4. - СПб., 1902
Список генералам по старшинству. - СПб., 1902
Оренбургская газета. - 1910. - 20 октября
Семёнов В.Г. Атаман, дипломат, исследователь // Любовь и восток. - М., 1994
Семёнов В.Г. Нам предстоит Великое дело // Вечерний Оренбург. - 1994. - 7 июля
Баканов В. П. Блудный сын войска // Магнитогорский металл. - 1994. - 14 июля
Оренбургская газета. - 1900. - 19 марта

Ф. Ф. Таубе

ГАОО. Ф.11. Оп.14. Д. 560
ГАОО. Ф.10. Оп.4. Д. 10/4
Список генералам по старшинству. - СПб., 1907
Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу... - Оренбург, 1915
Столянский П. Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. - Оренбург, 1908
Курлов П. Г. Гибель Императорской России. - М., 1991
Семёнов В.Г. Мякутины // Гостиный Двор. - 1995. - № 3
Семёнов В. Г. Судьба казачьих офицеров Мякутиных. Оренбургское казачье войско: Культура. Быт. Обычаи. - Челябинск, 1996
Баканов В.П. Блудный сын войска // Магнитогорский металл. - 1994. - 14 июля
Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. - Челябинск, 1999
Махрова Т.К. Казачье хозяйство Оренбургской губернии. - Челябинск, 1998
Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. - Челябинск, 1983
Оренбургская газета. - 1906. - 30 марта
Оренбургский край. - 1906. - 7 мая
Оренбургские ведомости. - 1906. - 24 июня
Степь. - 1906. - 3 августа
Степь. - 1906. - 29 августа

В. Ф. Ожаровский

ГАОО. Ф.11. Оп.13а. Д. 482
Список генералам по старшинству. - СПб., 1902
Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу... - Оренбург, 1915
Верхнеуральский листок. - 1911. - 1 февраля
Злобин Ю. П. Политическая реакция и новый революционный подъём // Оренбург. - Челябинск, 1993
Отчёт о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1914 год. - Оренбург, 1915
Оренбургская газета. - 1908. - 3 января
Оренбургская газета. - 1908. - 4 января
Оренбургская газета. - 1908. - 30 января
Оренбургская газета. - 1908. - 10 февраля
Оренбургская газета. - 1908. - 17 февраля
Статистический обзор Оренбургской губернии за 1907 г. - Оренбург, 1908
Статистический обзор Оренбургской губернии за 1908 г. - Оренбург, 1909
Статистический обзор Оренбургской губернии за 1910 г. - Оренбург, 1911

- Н. А. Сухомлинов** ГАОО. Ф.11а.Оп.13а.Д.9616
 ГАОО. Ф.188. Оп.1.Д. 362
 РГВИА. Ф.2806. Оп.1. Д.149.4.2
Райский П. Д. Путеводитель по городу Оренбургу... - Оренбург, 1915
 Советская военная энциклопедия. - Т.7. -М., 1979
Курлов П. Г. Гибель Императорской России.- М., 1991
 История Оренбуржья - Оренбург, 1996
Семёнов В.Г. Оренбургские казаки на фронтах первой мировой войны // Гостинный Двор. - 1995. - № 2
Судоргина Т. В. Потомки А. С. Пушкина на Оренбуржье // Любовь и Восток. - М., 1994
Судоргина Т. В. Именинницы отказались от подарков // Вечерний Оренбург. - 1997. - 27 февраля
 Оренбургская газета. -1915.-14 апреля
Савинова Т. Н. Народные библиотеки Оренбургской губернии // Вечерний Оренбург. - 1997. - 27 февраля
 Полное собрание законов Российской империи. - Т.32. - СПб., 1915
 Оренбургская жизнь. - 1914. - 19 июля
 Оренбургская жизнь. - 1914. - 22 июля
 Оренбургская жизнь. - 1914. - 27 июля
 Оренбургская жизнь. - 1914. - 28 июля
 Журнал докладов заседания Оренбургского уездного земского собрания. - Оренбург, 1914
 Журнал докладов заседания Оренбургского уездного земского собрания. - Оренбург, 1915
Козин В. Х. Казачьи войска // Справ, книга Император. Глав, квартиры. - СПб., 1912
- В. В. Сахаров** *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Оренбургское казачье войско в трёх веках. - Челябинск, 1999
 Приказы по Казанскому военному округу за 1915 г. - Казань, 1915
 Дневники Императора Николая II. - М., 1991
- М. С. Тюлин** ГАОО. Ф.11а. Оп.13а. Д. 677
Злобин Ю. П. Февраль в Оренбуржье // История Оренбуржья. - Оренбург, 1996
Семёнов В. Г. Кавалеры ордена Святого Георгия Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1992
Судоргина Т. В. Именинницы отказались от подарков // Вечерний Оренбург. - 1997. - 27 февраля
 Список генералам по старшинству за 1914. - СПб., 1914
 Оренбургское слово. - 1916. - 28 октября
 Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1915 г. - Оренбург, 1915
 Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1916 г. - Оренбург, 1916
 Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1917 г. - Оренбург, 1917
Семёнов В.Г., Семёнова В.П. Последний царский губернатор // Оренбург. - 1999.- № 2
- Приложения** Войсковые и наказные атаманы Оренбургского казачьего войска
Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. - Челябинск, 1999
Семёнов В. Г. Из истории Оренбургского казачьего войска. - Оренбург, 1992
 Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1914 г. - Оренбург, 1914

Содержание

К истории вопроса

Административно-территориальное устройство Оренбургского края

ОСНОВАТЕЛИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Иван Кирилович Кирилов
Василий Никитич Татищев
Василий Алексеевич Урусов
Леонтий Яковлевич Соймонов

ОРЕНБУРГСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Иван Иванович Неплюев
Афанасий Романович Давыдов
Дмитрий Васильевич Волков
Абрам Артемьевич Путятин
Иван Андреевич Рейнсдорп

СИМБИРСКИЕ И УФИМСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Иван Варфоломеевич Якоби
Аким Иванович Апухтин
Осип Андреевич Игельстром
Александр Александрович фон Пеутлинг
Сергей Кузьмич Вязмитинов

ОРЕНБУРГСКИЕ ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ

Николай Николаевич Бахметев
Григорий Семёнович Волконский
Пётр Кириллович Эссен
Евгений Александрович Головин
Павел Петрович Сухтелен
Василий Алексеевич Перовский
Владимир Афанасьевич Обручев

ОРЕНБУРГСКИЕ И САМАРСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Александр Андреевич Катенин
Александр Павлович Безак

ОРЕНБУРГСКИЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ

Николай Андреевич Крыжановский

ОРЕНБУРГСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ И НАКАЗНЫЕ АТАМАНЫ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Михаил Иванович Астафьев
Николай Алексеевич Маслаковец
Владимир Иванович Ершов
Яков Фёдорович Барабаш
Фёдор Фёдорович фон Таубе
Владимир Фёдорович Ожаровский
Николай Александрович Сухомлинов
Владимир Викторович Сахаров
Михаил Степанович Тюлин

ПРИЛОЖЕНИЯ

Главные начальники Оренбургского края
Войсковые и наказные атаманы Оренбургского казачьего войска
Гражданские губернаторы Оренбургской губернии
Краткие статистические сведения об Оренбургской губернии за 1912 год
Династия Романовых
Табель о рангах по состоянию на 1917 год
Краткий словарь военно-исторических терминов
Литература

Налоговая льгота - общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 953000 - книги, брошюры

Авторы составители:
Владимир Геннадьевич Семёнов
Вера Петровна Семёнова

Губернаторы Оренбургского края

Литературный редактор И. А. Бехтерев

Редактор Л. Г. Евдокимова

Макет, оформление, компьютерный дизайн Г. Н. Алпатова

Компьютерный набор В. Н. Трубниковой

Корректор Т. М. Бокова

ЛР № 040862 от 16.12.97

Сдано в набор 15.09.99.

Подписано в печать 25.10.99.

Формат издания 84х108/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Франклин Готик.

Усл. п. л. 12,5. Тираж 5 000 экз. (2-й завод: 1001—5000 экз.). Заказ № 485.

Оренбургское книжное издательство 460000, г. Оренбург, ул. Бурзянцева, 25

Отпечатано на ГИПП «Уральский рабочий» 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.